9 35
9 119

Изданіе Ф. Павленкова.

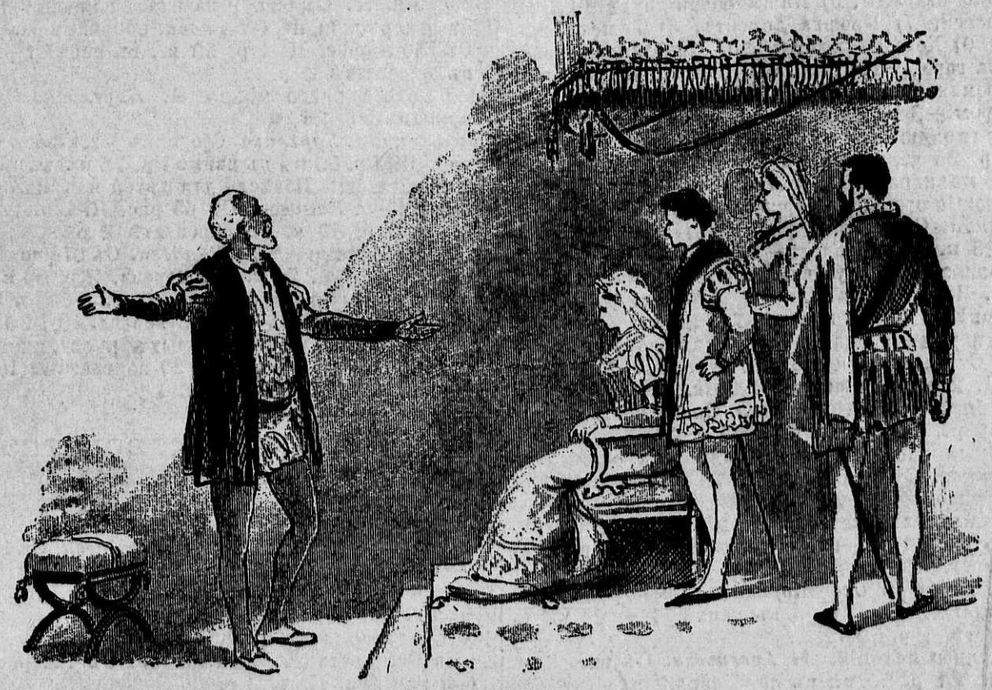
ИСТОРІЯ
ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ

ЛАМЕ-ФЛЁРИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

съ 52 рисунками.



Цѣна 75 коп.

Въ папкѣ 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ОБЕРТКА ПЕЧАТ. ВЪ ТИПОГР. ВЫСОЧАЙШЕ УТВ. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
Больш. Подъяческая, 39.

1893.

Е 35/119
801-15/1280

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова. (Спб., Легатуковъ пер., № 2).

1. Для дѣтей и юношества.

Донъ-Кихотъ. *Сервантеса* Сокращ. переводъ для юношества съ 43 рисунками Ц. 50 к., въ папкѣ 60 к., въ переплетѣ 90 к.

Подружка. Книжка для маленькихъ дѣтей. Сост. *Бостромъ*. Съ 130 рис. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.

Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой*. 1) Веверлей, 2) Антикварій, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтрозѣ, 11) Пертская красавица, 12) Певериль Пикъ, 13) Пиратъ, 14) Монастырь, 15) Аббатъ, 16) Пресвитеріане, 17) Карлъ Смѣлый, 18) Обрученные, 19) Ричардъ-Львиное Сердце 20) Черный карликъ. Ц каждаго романа 40 к., въ папкѣ 50 к., въ переплетѣ по 5 романовъ вмѣстѣ Ц. 2 р. 80 к.

Иллюстрированные романы Диккенса въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой*. 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крошка Доррить, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезльвитъ. Цѣна каждаго романа 40 к. Въ папкѣ 50 к., въ переплетѣ по 6 ром.—3 р. 25 к.

Всякому гвоздю свое мѣсто. *А. Круглова.* Съ 46 рис. Ц. 1 р 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

Дѣтскій маскарадъ. *Азбелева.* Съ 16 рис. Ц. 20 к.

Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *Важиной*. Со многими рис. Ц. 1 р. Въ папкѣ—1 р. 25 к. Въ переплетѣ—1 р. 60 к.

Два проказника. Шуточный разсказъ въ стихахъ. *Буша*. Переводъ съ нѣмецк 100 рис. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к., въ перепл. 1 р. 25 к.

Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Брянчанинова.* Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Множество рис. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.

Черные богатыри. *Е. Конради.* Со множествомъ рис. Цѣна 2 р., въ перепл. 2 р. 75 к

Въ добрый часъ! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *А. Лякидэ.* Съ рисунками. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ переплетѣ 1 р. 25 к.

Задушевные разсказы. *П. Засодимскаго.* Два тома съ 135 рис. Цѣна каждаго въ папкѣ 1 р. 50 к. Въ переплетѣ 2 р.

Хорошіе люди. *В. Острогорскаго.* Съ 45 рисунками. 2-е изданіе. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.

Изъ жизни и исторіи. *А. Арсеньева.* Съ рис. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

Послушаемъ! Дѣтскіе разсказы. *Нольде.* Съ 28 рис. Ц. въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 35 к.

Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. *Гейбнера.* Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 107 рис. Цѣна 30 к., въ папкѣ 40 к., въ перепл. 60 к.

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ). *Ф. Павленкова.* 10 листовъ (на каждомъ по 20 рис.). Ц. 1 р. „Объясненіе" къ нимъ 5 к

Математическіе софизмы. 50 теоремъ, доказывающихъ, что 2×2=5, часть больше своего цѣлаго, и проч. Состав. *В. Обреимовъ*. Ц. 40 к.

Математическія развлеченія. *Люкаса.* Переводъ съ франц. Съ 55 фигурами и таблицами. Ц. 1 р. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Тройная головоломка. *В. Обреимова.* Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рис. и 39 кастетами. Ц. 1 р.

Образовательное путешествіе. Живописные очерки отдаленныхъ странъ. *С. Ворисгофера.* Съ 73 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 75 к

Чрезъ дебри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстраціями. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ переп. 2 р. 75 к.

Сказочная страна. Путевыя приключенія двухъ юныхъ матросовъ. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстраціями. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к. въ перепл. 2 р. 75 к.

Приключенія контрабандиста. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р. 25 к.

Мученики науки. *Г. Тисандье.* Переводъ подъ редакціей *Ф. Павленкова.* Съ 55 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 25 к., въ переплетѣ 2 р

Вечерніе досуги. *Круглова.* Съ 70 рисунк. Ц. 1 р 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

Научныя развлеченія. *Г. Тисандье.* Переводъ подъ редакціей *Ф. Павленкова.* Съ 353 рис., 3-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. 25 к,

Сказки Густафсона. Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к

На землѣ и подъ землей. Изъ воспоминаній всемірнаго путешественника. *В. Галузпева.* Со мног. рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

Рыжій графъ. Неразлучники. Дочь угольщика. *П. Засодимскаго.* Съ рис. Цѣна каждой книжкѣ по 35 к.

Живыя картинки. *А. Смирнова.* Сборникъ разсказовъ. Съ 50-ю рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р.

Янки Вологодскаго уѣзда *А. Круглова.* Съ 6 рисунками. Ц. 25 к.

Незабудки. *А. Круглова.* Сборникъ разсказовъ. Съ 50-ю рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.

Несчастливцы. Повѣсть для дѣтей изъ жизни насѣкомыхъ. *Э. Кандеза.* Съ 65 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 60 к. въ переплетѣ 2 р.

Приключенія сверчка. *Э. Кандеза.* Съ 67 рис. Ц. 2 р. въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 50 к.

Исторія открытія Америки. *Ламе-Флери* Съ 52 рис Ц. 75 к. въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.

Двадцать біографій образцовыхъ русск. писателей. Сост. *В. Острогорскій.* Съ 20 портретами Ц. 50 к. Въ папкѣ 75 к. Въ перепл. 1 р.

2. Учебныя руководства и пособія.

Алгебра. *Тодгентера.* Ц. 2 р. 50 к.

Курсъ начальной механики. *И. Рыкачева.* Съ 197 рис Ц. 1 р. 50 к

Практическая геометрія. *А. Заблоцкаго.* Съ 300 чертежами. Ц. 60 к.

Курсъ метеорологіи и климатологіи. Профессора Лѣсного Института *Д. А. Лачинова.* Съ 122 рисунк. и 6-ю картами. Цѣна 2 р.

Общія основы химической технологіи. *В. Селезнева.* Съ 70 рисунками. Ц. 1 р. 50 к.

Полный курсъ физики. *А. Гано.* Переводъ *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова.* 8-е изд. съ 1215 рисунк., 170 задачъ, 2 таблицы спектровъ, метеорологія и краткая химія. Ц. 4 р.

Краткая физика. *М. Герасимова.* Съ 335 рисунками и 214 задачами. Ц. 1 р.

Учебникъ химіи. *Альмединґена.* 96 рис 140 задачъ. Ц. 2 р

Общепонятная геометрія. *В. Потоцкаго.* Съ 143 фиг. Ц. 40 к.

Практическій курсъ физіологіи. *Бурдонъ Сандерсона.* Переводъ д-ра *Фридберга.* Переработанъ русскими профессорами. Въ 2-хъ томахъ, со многими рисунками. Ц. 5 р.

Самостоятельныя работы въ начальной школѣ. *Т Лубенца.* 2-е дополн. изд. Ц 15 к.

тодика ариѳметики. *С. Житкова.* 3-е изд. Ц. 75 к.

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ съ учителемъ

ИСТОРІЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ.

ЛАМЕ-ФЛЁРИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ

Съ 47 рисунками.

Изданіе Ф. Павленкова.

Цѣна **75** коп.

М.П.М.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная д. 12
1893

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 декабря 1892 г.

45260-0

2011143020

ИСТОРІЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія открытія Америки составляетъ безспорно одну изъ самыхъ интересныхъ страницъ въ лѣтописяхъ новѣйшихъ народовъ.

Нужно впрочемъ замѣтить, что морскія путешествія и экспедиціи, результатомъ которыхъ было завоеваніе новой части свѣта, не такъ тѣсно переплетаются съ общимъ ходомъ современныхъ имъ событій, чтобы ихъ было необходимо излагать въ связи съ исторіей тогдашней эпохи. Поэтому мы предпочли разсмотрѣть занимающій насъ предметъ независимо отъ окружавшей его европейской обстановки. Мы слѣдовали въ данномъ случаѣ примѣру многихъ извѣстныхъ писателей, которые, касаясь такимъ же образомъ этого важнаго періода, не могли однако, подобно намъ, привести въ свое оправданіе необходимости стѣснять въ ту или другую сторону рамки своего изложенія.

Главная цѣль нашего разсказа заключалась въ желаніи показать молодымъ читателямъ, сколько успѣховъ нужно было сдѣлать человѣческому уму въ области знанія и искусствѣ мореплаванія, для того чтобъ Христофоръ Колумбъ и его послѣдователи могли обезсмертить свои имена рядомъ навсегда памятныхъ открытій и завоеваній. Намъ казалось также, что тѣмъ,

для кого назначается эта книга, будетъ не безъинтересно познакомиться съ затрудненіями, такъ долго останавливавшими прежнихъ путешественниковъ и побѣжденными лишь дружнымъ натискомъ энергичныхъ личностей, устремившихся по слѣдамъ генія.

Имѣя это въ виду, мы хотѣли здѣсь не только разсказать о событіяхъ, предшествовавшихъ открытію Новаго Свѣта и слѣдовавшихъ за нимъ, но дать кромѣ того болѣе или менѣе наглядное представленіе о прогрессивной неустанной работѣ человѣческаго духа. Вотъ почему разсказу о подвигахъ Колумба въ нашей книжкѣ предпосланъ краткій обзоръ различныхъ попытокъ со стороны древнихъ и средневѣковыхъ путешественниковъ расширить скудный запасъ географическихъ свѣдѣній, которымъ располагала наука до конца XV столѣтія.

Авторъ „Исторіи Открытія Америки“, какъ показываетъ самый ея заголовокъ, не идетъ въ своемъ изложеніи далѣе первыхъ временъ водворенія европейцевъ въ Новомъ Свѣтѣ: онъ полагаетъ, что всѣ позднѣйшія морскія экспедиціи, предпринимавшіяся съ одними и тѣми же цѣлями втеченіи двухъ слѣдующихъ вѣковъ, должны быть отнесены къ спеціальной исторіи новѣйшихъ путешествій.

Ламе Флери.

ИСТОРІЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ.

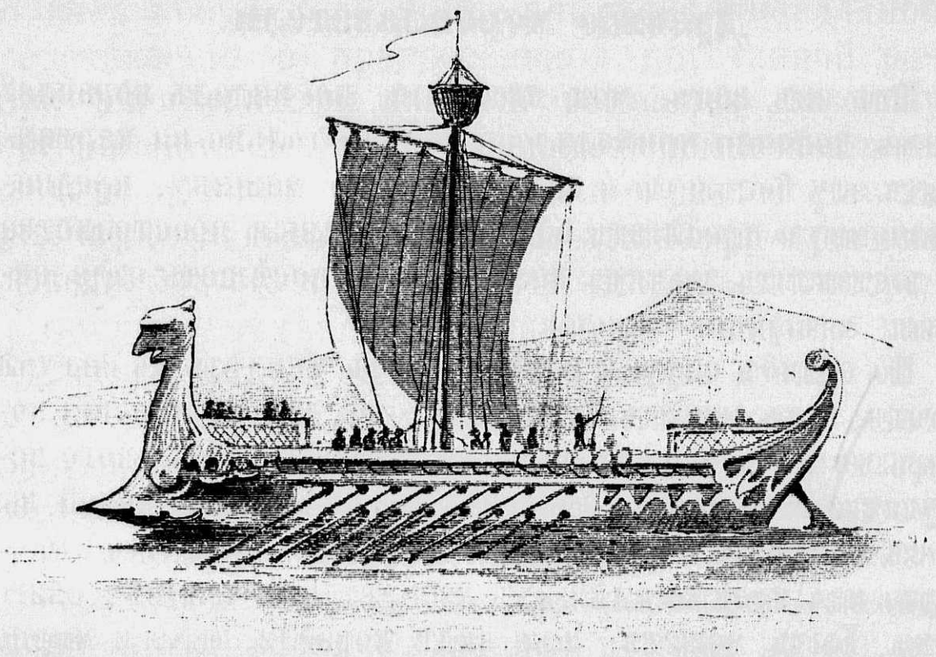
I.

Древніе мореплаватели.

Кто изъ васъ, мои читатели, не видалъ корабля? Вамъ конечно приходилось видѣть только на картинкахъ эту большую и замысловатую машину, предназначенную пробѣгать обширныя водныя пространства и доставлять людямъ возможность посѣщать отдаленныя, заморскія страны.

Но еслибъ случай привелъ васъ увидѣть въ натурѣ этотъ, такъ сказать, плавучій домъ, для управленія которымъ по морскимъ волнамъ потребовалось много искусства и мужества нѣсколькихъ поколѣній людей, вы безъ сомнѣнія сказали бы вмѣстѣ со мной, что это—одно изъ прекраснѣйшихъ изобрѣтеній человѣческаго ума. Быть можетъ, при видѣ корабля, тихо и мирно стоящаго у берега, вы спросили бы, для чего его загромоздили такимъ множествомъ, повидимому совершенно ненужныхъ, предметовъ,—къ чему этотъ лѣсъ мачтъ, эти снасти и руль? они какъ будто напрасно обременяютъ его колоссальный корпусъ. Но когда вамъ объяснятъ цѣль и назначеніе каждой изъ этихъ вещей и растолкуютъ всю ихъ необходимость на занимаемыхъ ими мѣстахъ, тогда ваше простое любопытство превратится въ удивленіе и вы поймете всю цѣлесообразность этой громадной постройки. Вы увидите тогда, что

эти, какъ лѣсъ торчащія мачты стоятъ тутъ не безцѣльно, что не будь ихъ — не къ чему было бы прикрѣпить толстыя поперечины или *реи*, къ которымъ прицѣпляютъ большія полотнища изъ прочной холстины, называемыя *парусами;* что касается до легкихъ веревочныхъ лѣстницъ, идущихъ отъ самаго борта корабля до вершины мачтъ, то по нимъ матросы поднимаются къ парусамъ и, смотря по надобности, распускаютъ или складываютъ ихъ; а эта толстая и крѣпкая деревянная



махина, этотъ такъ называемый *руль* — одна изъ необходимѣйшихъ принадлежностей при плаваніи; она даетъ кораблю желаемое направленіе.

Тотъ изъ корабельнаго экипажа *(экипажемъ* судна называютъ всѣхъ служащихъ на немъ людей), обязанность котораго состоитъ въ управленіи рулемъ, зовется *штурманомъ* или лоцманомъ.

Корабль въ гавани на якорѣ кажется пустыннымъ и необитаемымъ зданіемъ, гдѣ царствуютъ молчаніе и

запустѣніе; но едва только раздастся свистокъ штурмана, возвѣщающій отплытіе, какъ тотчасъ же одна за другой начинаютъ оживляться всѣ части этого прежде мрачнаго и безмолвнаго великана. Изъ каютъ на палубу высыпаютъ кучи людей, расходящихся во всѣ стороны; корабль превращается въ муравейникъ; тамъ и здѣсь по лѣстницамъ начинаютъ взбираться матросы, смѣлые юнги, дѣти не болѣе 12—14 лѣтъ, лѣзутъ на мачты, бойко, легко взбираются на реи и едва успѣютъ отвязать паруса, какъ уже вѣтеръ живо подхватываетъ и съ силой надуваетъ ихъ. Въ ту же минуту корабль приходитъ въ движеніе и, величаво покачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ лебедь по озеру, пускается въ морскую ширь. Тогда-то, смотря на красивую поступь и смѣлые шаги великана, съ волны на волну начинаешь понимать, сколько нужно было людямъ ловкости и искусства, чтобъ выстроить это красивое и крѣпкое зданіе, на которомъ мужественные моряки рѣшаются пускаться въ далекія путешествія, не боясь ни вѣтровъ, поднимающихъ семисаженные валы, ни свирѣпости бурь, встрѣчающихся путешественнику въ безбрежныхъ водахъ океана, ни всѣхъ случайностей далекаго пути; смѣло ввѣряютъ себя моряки кораблю, который уноситъ ихъ далеко отъ родной стороны. Иногда мѣсяцы и даже цѣлые годы проходятъ, прежде чѣмъ имъ придется увидѣть что нибудь кромѣ неба да моря, и нѣкоторые изъ нихъ всю свою многотрудную жизнь проводятъ въ далекихъ плаваніяхъ.

Теперь вы легко поймете, что нужно много времени, много попытокъ, много усилій, чтобъ достигнуть того совершенства въ постройкѣ кораблей, до котораго дошла въ настоящее время морская наука. Первые люди умѣли только выдалбливать стволы деревъ или сколачивать нѣсколько досокъ и приводить такія лодки въ движеніе

посредствомъ длинныхъ деревянныхъ пластинъ, называемыхъ *веслами;* нѣсколько позднѣе этимъ самодѣльнымъ мореплавателямъ пришла счастливая мысль прибавить мачту съ парусомъ, который при помощи вѣтра способствовалъ двигаться ихъ незатѣйливымъ судамъ. Затѣмъ стали строить, съ большимъ противу прежняго искусствомъ и даже съ нѣкоторой долей щегольства, массивные корабли, называвшіеся *галерами;* они двигались посредствомъ двойной силы—парусовъ и веселъ. Такимъ-то образомъ древніе народы впродолженіе многихъ вѣковъ строили свои корабли. Подобныя галеры служили Египтянамъ, Финикіянамъ, Евреямъ, Карѳагенянамъ, Грекамъ и Римлянамъ даже во время ихъ морскихъ сраженій, и хотя онѣ далеки были по устройству отъ нынѣшнихъ прекрасныхъ кораблей, тѣмъ не менѣе однако имъ приходилось также часто служить великимъ событіямъ и цѣлямъ.

Но какъ ни затруднительно и не мудрено было построить корабль, еще мудренѣе было найти средство направлять его въ открытомъ морѣ, гдѣ нѣтъ, какъ на сушѣ, ни горъ, ни лѣсовъ, ни рѣкъ, по которымъ можно бы приблизительно опредѣлить мѣстность или найдти удобное пристанище для отдыха усталыхъ путниковъ. Съ давнихъ временъ морякамъ служили указателемъ пути звѣзды; еще Халдейцы, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, наблюдали положеніе и теченіе небесныхъ свѣтилъ; но свѣтила эти не всегда могли быть вѣрнымъ и надежнымъ руководителемъ: въ случаѣ тумана или облачнаго неба корабль лишался возможности двигаться въ открытомъ морѣ и пловцы поневолѣ должны были держаться берега; если же, не смотря на то, имъ приводилось пускаться на удачу, то понятно, что при этомъ дѣло не обходилось безъ большого страха и риска. Однако не смотря на всю опасность подобнаго плаванія,

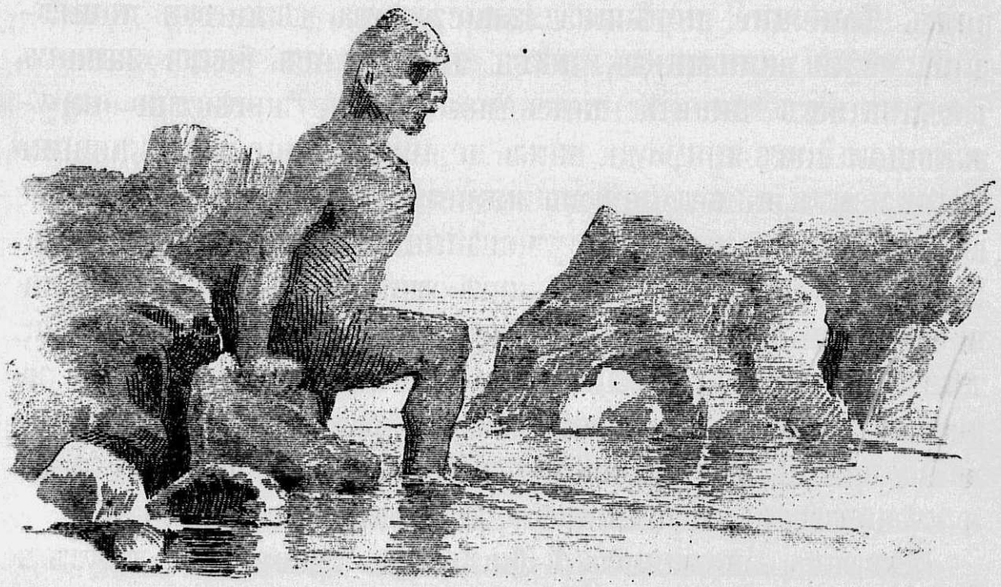
отважные люди различныхъ странъ даже и тогда рѣшались на далекія путешествія, которыя при такихъ обстоятельствахъ казались современникамъ настолько изумительно смѣлыми, что разсказы объ нихъ облекались въ сказочныя фантастическія формы.

Въ тѣ отдаленныя времена сколько нибудь продолжительное морское путешествіе казалось невѣроятнымъ подвигомъ и только весьма немногіе смѣльчаки отваживались на такія предпріятія, которыя въ наше время исполнитъ, не задумываясь, самый неопытный морякъ. Конечно нерѣшительность эта дѣлается понятной, если вспомнить, какъ ничтоженъ былъ запасъ тогдашнихъ знаній, какъ мало была извѣстна окружающая насъ природа, какъ недостаточно изслѣдована была земля, на которой мы живемъ, и какъ мало знали ее въ то время даже самые ученѣйшіе люди Европы и Азіи. Правда, древнимъ было извѣстно, что земля кругла и что большая ея часть покрыта обширными морями; тѣмъ не менѣе, понятія о странахъ, лежащихъ за этими водными пространствами, были самыя смутныя, и о людяхъ, населяющихъ эти страны, говорили, какъ о существахъ страннаго и необыкновеннаго вида.

Платонъ, знаменитый философъ древности, другъ и ученикъ Сократа, говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что эта далекая страна называется Атлантидой, по имени царствовавшаго тамъ когда-то Атласа, сына бога Нептуна, и что она лежитъ за большимъ моремъ, которое потому и получило названіе Атлантическаго.

Такъ какъ суевѣріе есть всегда спутникъ невѣжества, а древніе народы не отличались высокою степенью образованности, то весьма естественно въ тѣ времена существованіе баснословныхъ разсказовъ, сложившихся о чудесахъ, будто бы наполняющихъ морскія волны, которыя представлялись населенными то крово-

жадными чудовищами, то злыми божествами; все это было создано невѣжественнымъ страхомъ, незнающимъ предѣловъ въ изобрѣтеніи ужасовъ. Разсказывали между прочимъ, что входъ въ это неизвѣстное море стережетъ великанъ; говорили также, вѣроятно изъ боязни, чтобъ не нашлись такіе смѣльчаки, которые бы рѣшились отправиться на поиски невѣдомыхъ странъ, что тотъ, кто рѣшится посѣтить эти отдаленныя земли, подвергнется гнѣву Божьему; двѣ же горы, образующія Гибралтарскій проливъ, который, какъ вы



знаете конечно, соединяетъ Средиземное море съ Океаномъ, долго считались краемъ свѣта.

Но вотъ пришло наконецъ время, когда отдаленныя плаванія, внушавшія ужасъ даже самымъ образованнымъ націямъ, перестали быть предметомъ содроганія, и хотя противъ продолжительныхъ путешествій существовали еще предубѣжденія и предразсудки, наводившіе страхъ, нашлось однако же нѣсколько отважныхъ людей, рѣшившихся проникнуть въ тайну, о которой предшествующія поколѣнія едва осмѣлились только думать. Благодаря геніальному изобрѣтенію компаса, которое сдѣлано урожденцемъ небольшаго итальянскаго городка Амальфи, Флавіемъ Джіойа, явилась возможность плавать въ открытомъ морѣ безъ малѣйшаго опасенія сбиться съ пути.

Вотъ исторію этихъ-то открытій, слѣдовавшихъ за изобрѣтеніемъ компаса, и намѣренъ я разсказать вамъ, мои дорогіе друзья. Можетъ быть, вы уже слышали кое-что объ Америкѣ и о тѣхъ путешествіяхъ, которыя предпринимались смѣльчаками разныхъ странъ, въ Новый Свѣтъ. Но не достаточно знать, къ какой именно эпохѣ принадлежали эти люди, ни даже каковы были послѣдствія этихъ опасныхъ предпріятій, и если вы захотите удѣлить мнѣ небольшую долю вашего вниманія, то я думаю, что вамъ не придется скучать, слушая мой разсказъ.

II.

Путешественники среднихъ вѣковъ.

(Отъ 1269 до 1302 г.).

Если вамъ удавалось читать исторію или слушать разсказы о крестовыхъ походахъ, то вы конечно замѣтили, что, вслѣдствіе этихъ военныхъ экспедицій, Европейцы ознакомились съ неизвѣстными имъ до той поры далекими странами и что такое знакомство съ новымъ міромъ вызвало въ нѣкоторыхъ изъ средне-вѣковыхъ народовъ духъ предпріимчивости и изслѣдованія. Венеціанцы и Генуэзцы — эти два народа Италіи, обогатившіеся въ очень раннія времена посредствомъ торговли съ Константинополемъ и Сиріей — сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ и самыми неустрашимыми мореплавателями. Задолго до изобрѣтенія компаса, ихъ отважные лоцманы разъѣзжали по Средиземному морю и хотя эти путешествія были очень непродолжительны, но тѣмъ не менѣе, они указываютъ на большую смѣлость въ предпринимателяхъ, потому что руководителемъ пути, какъ намъ извѣстно, въ то время служило весьма ненадежное знаніе небесныхъ свѣтилъ. Но если, по несовершенству морской науки, наши предки не могли пускаться въ продолжительныя и отдаленныя плаванія, то между ними нерѣдко являлись смѣлые люди, рѣшавшіеся проникать въ глубь далекихъ земель сухимъ путемъ. Такъ, генуэзскіе и венеціанскіе купцы, заѣзжавшіе въ Константинополь, нерѣдко заходили въ азіатскія провинціи, а нѣкоторые изъ нихъ, несмотря на

трудности и всевозможныя лишенія, даже проникали въ горы и долины, по которымъ еще и до сихъ поръ кочуютъ нѣкогда столь грозныя татарскія племена.

Въ числѣ этихъ предпріимчивыхъ людей особенно обращаетъ на себя вниманіе венеціанскій купецъ Марко-Поло, которому по коммерческимъ дѣламъ привелось посѣтить верхнюю Азію и затѣмъ оттуда проникнуть въ царство потомковъ Чингисъ-Хана и даже въ самыя отдаленныя провинціи Китая, занимаемыя тогда татарскими ордами.

Проживши во владѣніяхъ Великаго Хана, или, какъ онъ ихъ называетъ, въ имперіи Катай, двадцать пять лѣтъ, и составивши себѣ своей предпріимчивостью и смѣтливостью большія богатства, Марко-Поло задумалъ вернуться на родину, чтобы отдохнуть тамъ отъ трудовъ и мирно насладиться благами жизни, пріобрѣтеніе которыхъ ему стоило такихъ опасностей и лишеній. Итакъ, Марко-Поло отправился на родину. По возвращеніи въ Венецію ему пришла мысль, прежде чѣмъ объявить роднымъ о своихъ несмѣтныхъ богатствахъ, испытать ихъ къ себѣ расположеніе. Это было тѣмъ удобнѣе, что онъ никогда не писалъ имъ о своей фортунѣ.

Вздумано — сдѣлано, и вотъ Марко-Поло, одѣвшись въ платье бѣднаго странника, съ посохомъ въ рукахъ, является у дверей богатаго палаццо своихъ родственниковъ, принадлежавшихъ къ числу самыхъ значительныхъ и богатыхъ людей Венеціи. Увидавъ бѣдно одѣтаго человѣка, прислуга дерзко стала гнать его вонъ, какъ докучнаго нищаго; но Марко-Поло настаивалъ на впускѣ его въ домъ. Тогда на поднятый имъ шумъ вышли хозяева; но понявъ изъ его жалобъ, что это тотъ самый Марко-Поло, ихъ двоюродный братъ, котораго они такъ давно не видали, повернули ему спину и, пожавъ плечами, холодно удалились, не желая признать

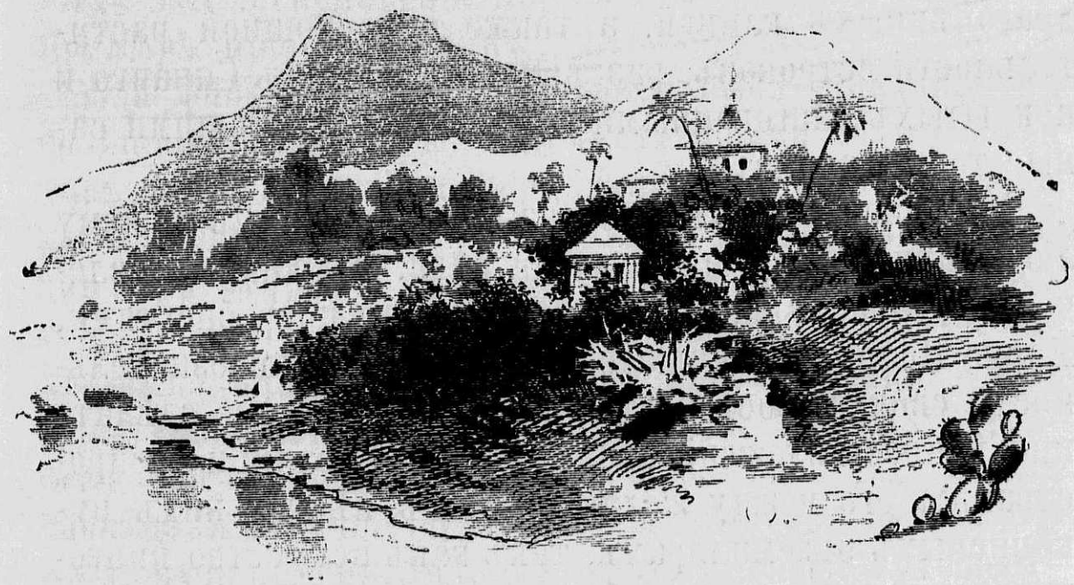
родственника въ жалкомъ нищемъ. Послѣ этого опыта, открывшаго ему глаза, Марко-Поло задумалъ перемѣнить роль: онъ рѣшилъ задать пышный банкетъ въ только-что купленномъ имъ богатомъ дворцѣ и пригласить на него свою добрую родню, такъ безжалостно прогнавшую его, какъ нищаго. Назвавшись азіатскимъ вельможей, надѣвъ богатыя одежды—подарокъ, сдѣланный ему Великимъ Ханомъ—онъ принялъ ихъ съ истинно восточнымъ великолѣпіемъ. Послѣ роскошнаго

обѣда, сервированнаго на дорогомъ фарфорѣ и хрусталѣ, среди причудливыхъ серебряныхъ и золотыхъ вазъ, усыпанныхъ драгоцѣнными камнями, на которыхъ не безъ зависти останавливались глаза восхищенныхъ собесѣдниковъ, разсыпавшихся въ похвалахъ и любезностяхъ знаменитому и радушному иностранцу, по знаку хозяина были принесены жалкія лохмотья, столь не понравившіяся сначала его родственникамъ.

Зрѣлище, которое онъ имъ готовилъ, было поистинѣ изумительно. Когда это ветхое рубище стали рвать на

куски, то изъ него посыпались алмазы, изумруды и сафиры въ такомъ количествѣ, что совершенно покрыли собою обѣденный столъ.

Изумленіе, сожалѣніе и стыдъ веселыхъ до той поры аристократовъ были неизобразимые; только тутъ они поняли, что пригласившій ихъ вельможа никто иной, какъ тотъ самый Марко-Поло, котораго они только-что прогнали съ своихъ глазъ, не желая узнать въ немъ подъ этими жалкими лохмотьями своего родственника. Но мягкая душа Марко не могла долго вы-



носить видъ операціи на живомъ тѣлѣ. Увидавъ, что урокъ подѣйствовалъ, что они внѣ себя отъ отчаянія, онъ простилъ ихъ и, въ знакъ искренности примиренія, заставилъ ихъ взять драгоцѣнные подарки.

Вскорѣ слухъ о возвращеніи Марко-Поло и о богатствахъ, вывезенныхъ имъ изъ Азіи, не замедлилъ разнестись по всей Италіи; не проходило дня, чтобъ къ этому счастливому путешественнику не являлись люди, умолявшіе его указать имъ путь и средства, какими онъ добылъ такія огромныя богатства. Тогда Марко-Поло начиналъ свои повѣствованія о всѣхъ чуде-

сахъ, видѣнныхъ имъ въ Азіи, о невѣроятной роскоши, окружавшей Великаго Хана въ его столицѣ Камбалу или Пекинѣ, которую Марко-Поло считалъ величайшимъ городомъ въ мірѣ, и особенно о чудесномъ островѣ Сипанго, лежащемъ недалеко отъ Китайской имперіи. По его разсказамъ, островъ этотъ обладалъ такими богатствами, что крыши дворцовъ, въ которыхъ жили его владѣтели, были покрыты массивными золотыми листами, подобно тому, какъ въ другихъ мѣстахъ ихъ покрываютъ желѣзомъ или черепицей. Много также распространялся онъ о копяхъ находимыхъ тамъ драгоцѣнныхъ камней, а также о роскошной растительности острововъ, разсѣянныхъ вокругъ Сипанго и покрытыхъ благовонными деревьями, издающими самые тонкіе ароматы.

Часто повторяя эти разсказы приходившимъ къ нему любопытнымъ слушателямъ и видя, съ какимъ увлеченіемъ они слѣдили за малѣйшими ихъ подробностями, Марко-Поло, для лучшаго удовлетворенія любознательности своихъ соотечественниковъ, рѣшился сдѣлать письменное изложеніе своихъ странствованій и распространить его между желающими въ нѣсколькихъ рукописныхъ экземплярахъ, такъ какъ искусство книгопечатанія тогда еще не было извѣстно. Но что всего болѣе возбуждало любопытство и рвеніе моряковъ, это именно то, что, по указанію Марко-Поло, баснословный Сипанго лежалъ въ томъ самомъ невѣдомомъ Атлантическомъ океанѣ, о которомъ ходили такіе суевѣрные разсказы и по которому послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго пути, держась къ западу, легко можно было достигнуть этого надѣленнаго всѣми дарами природы острова. Но, какъ вы уже знаете, въ то время еще никто не рѣшался пускаться въ открытое море; тѣ-же изъ немногихъ мореплавателей, которыхъ

бурей отбивало отъ береговъ и уносило отъ нихъ на болѣе или менѣе значительное разстояніе, разсказывали о немъ невѣроятные ужасы и до такой степени преувеличивали размѣры происходящихъ на немъ бурь, что переплыть черезъ него, даже помимо его необъятнаго пространства, считалось положительно невозможнымъ.

Нѣкоторые изъ нихъ утверждали, что дѣйствительно имъ случалось иногда замѣчать вдали неизвѣстные острова или земли; но эти земли, по ихъ словамъ, были или неприступными, или постепенно исчезали по мѣрѣ приближенія къ нимъ корабля.

Эти фантастическіе разсказы выслушивались съ большимъ интересомъ невѣжественными моряками; а такъ какъ географическія знанія того времени были не обширны, то и не удивительно, что простымъ людямъ съ трудомъ вѣрилось въ существованіе иныхъ странъ кромѣ тѣхъ, которыя кто-нибудь изъ нихъ видѣлъ и посѣщалъ на пути тогдашнихъ недалекихъ путешествій. Изъ трехъ частей свѣта, извѣстныхъ древнему міру, Европа—самая меньшая изъ нихъ, была изслѣдована лучше другихъ; что касается до Верхней Азіи, куда проникали лишь весьма немногіе путешественники, то о ней ходили тысячи разныхъ сказокъ, а изъ всей Африки, представлявшейся страной съ такимъ жаркимъ климатомъ, въ которомъ невозможно дышать человѣку, была извѣстна только ея сѣверная часть, прилегающая къ Средиземному морю и покрытая въ то время богатыми, многолюдными городами.

III.

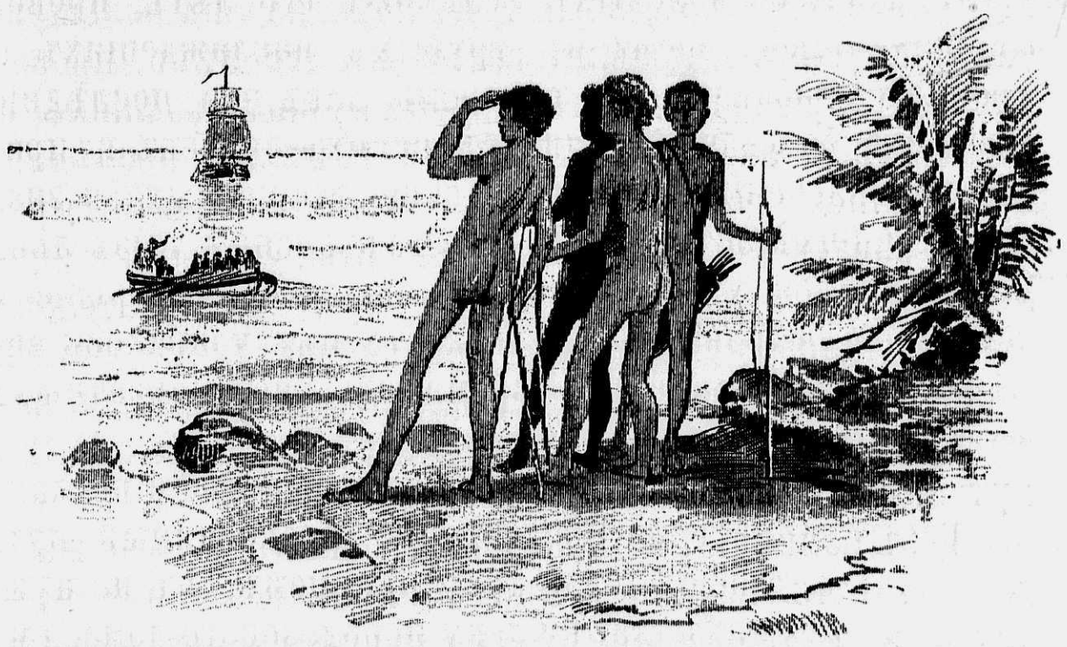
Мысъ Доброй Надежды.

(Отъ 1935 до 1486 г.).

Но вотъ наконецъ пришло время, когда изобрѣтеніе компаса сдѣлалось достояніемъ всей Европы и счастливое примѣненіе свойствъ магнитной стрѣлки открыло новый путь генію и дѣятельности человѣка. Всѣ приморскія государства поспѣшили тотчасъ же воспользоваться этимъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ и скоро ознаменовали его многими полезными и славными предпріятіями.

Первыми выступили на этомъ пути Испанцы. Отправляясь на поиски новыхъ земель, они стали смѣло направлять свой корабль въ открытый океанъ, бывшій столько вѣковъ предметомъ страха и баснословныхъ разсказовъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ лоцмановъ уже видѣли на такомъ разстояніи отъ береговъ Европы, на какое никто не рѣшился бы изъ прежнихъ мореходцевъ: они достигли нѣсколькихъ острововъ, лежавшихъ ближе къ Африкѣ, чѣмъ къ Испаніи, и извѣстныхъ древнимъ народамъ подъ именемъ Счастливыхъ, благодаря плодородію ихъ почвы и климата; это тѣ самые острова, которые въ настоящее время называются Канарскими и доставляютъ намъ тѣхъ прекрасныхъ соломенно-желтыхъ канареекъ, которыя нерѣдко развлекаютъ насъ своимъ пріятнымъ щебетаньемъ и такъ легко переносятъ нашъ климатъ.

Успѣхи Испанцевъ соблазнительно подѣйствовали на ихъ сосѣдей Португальцевъ и вотъ они рѣшились послѣдовать ихъ примѣру: не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ послѣ открытія Канарскихъ острововъ, какъ изъ Лиссабона отплываетъ маленькая флотилія, пустившаяся по бурнымъ волнамъ океана искать своего счастія. Эта экспедиція, подобно своей предшественницѣ, была также награждена успѣхомъ: на своемъ пути она встрѣтила цѣлую группу новыхъ острововъ, извѣстныхъ намъ теперь подъ именемъ Азорскихъ. Никогда до тѣхъ поръ ни одинъ изъ мореплавателей не заходилъ такъ далеко въ океанъ, и нужно вамъ замѣтить, что эти земли, впродолженіи многихъ лѣтъ послѣ ихъ открытія, считались самыми западными пунктами твердой земли, т. е. крайними предѣлами материка въ той сторонѣ свѣта, гдѣ заходитъ солнце.



Неожиданный блестящій успѣхъ первыхъ путешествій могъ конечно возбудить и въ другихъ искателяхъ жажду къ новымъ еще болѣе значительнымъ открытіямъ. Но Португальцы едва ли достигли бы же-

лаемыхъ результатовъ, еслибъ во главѣ этихъ предпринимателей не сталъ одинъ изъ сыновей ихъ короля Іоанна I, принцъ Генрихъ, возымѣвшій мысль открыть морской путь въ Индію, т. е. въ ту страну, которая была извѣстна Европейцамъ изъ ихъ путешествій, какъ неисчерпаемый источникъ всевозможныхъ богатствъ, начиная отъ хлопчатой бумаги и шелка и кончая золотомъ и драгоцѣнными каменьями.

Генрихъ Португальскій, имя котораго сдѣлалось въ наше время столь славнымъ, не походилъ на большую часть другихъ молодыхъ вельможъ его лѣтъ, проводившихъ свое время въ грубыхъ наслажденіяхъ и военныхъ забавахъ. Въ то время какъ эти послѣдніе предавались удовольствіямъ конскихъ скачекъ и прочихъ развлеченій, онъ искалъ общества ученыхъ и знаменитѣйшихъ астрономовъ своего времени и тщательно освѣдомлялся у моряковъ, посѣщавшихъ Азорскіе и Канарскіе острова, обо всемъ, что имъ удавалось видѣть и испытывать во время ихъ неоднократныхъ путешествій по океану.

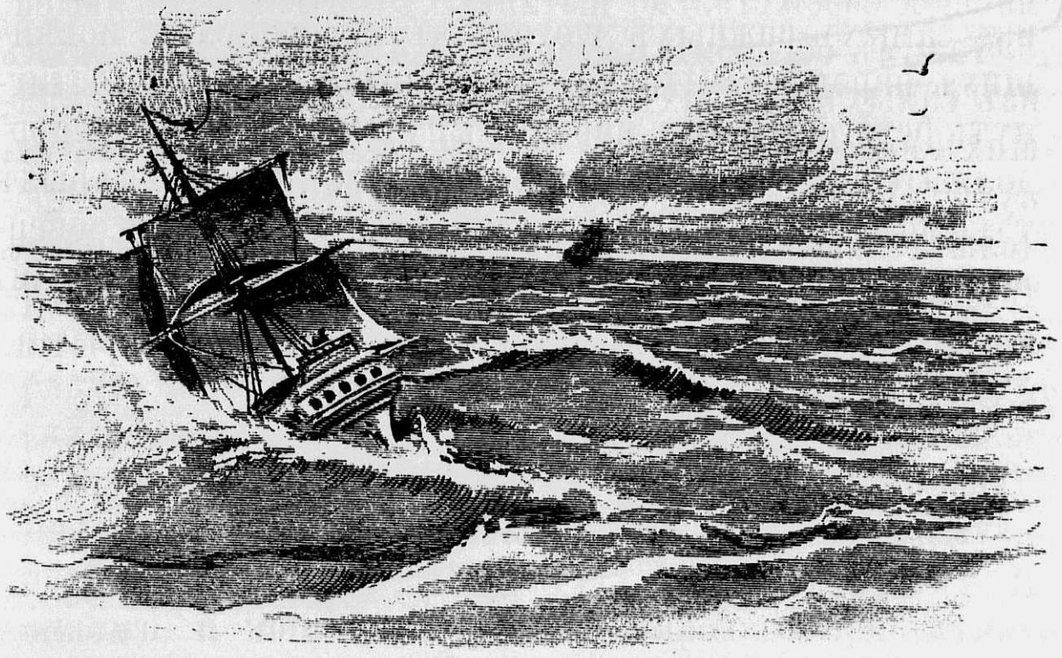
Безъ сомнѣнія, не праздное любопытство и не жажда богатствъ влекли Генриха на рискованный путь дальнихъ путешествій. Будучи принцемъ, онъ не нуждался въ деньгахъ: какъ члену королевскаго дома, ему были настежъ открыты двери ко всѣмъ неизвѣданнымъ благамъ міра. Нѣтъ, его томила жажда знаній, его влекло въ туманную даль сознаніе, что своими открытіями онъ можетъ сдѣлать людей лучше и счастливѣе. Этотъ благородный принцъ, согласно обыкновенію того времени, заставлявшему всякаго рыцаря выбирать для себя девизъ, написалъ на своемъ знамени вѣчно памятныя слова: «желаніе дѣлать добро и приносить пользу»—слова, которыя должны упрочить за нимъ лучшую славу, чѣмъ еслибы онъ выигралъ сто сраженій.

Не ограничиваясь однимъ только личнымъ участіемъ, Генрихъ сдѣлалъ значительныя затраты изъ своихъ собственныхъ средствъ на снаряженіе экспедиціи и, когда она была готова, направился съ ней къ Югу вдоль береговъ Африки. По его соображеніямъ, путь этотъ раньше или позже долженъ былъ привести къ желаемой цѣли и такимъ образомъ служить дорогой въ Индію—эту завѣтную для европейцевъ страну. По дорогѣ ему пришлось обогнуть нѣсколько неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ острововъ, названныхъ имъ островами Зеленаго-Мыса, вслѣдствіе того, что они были расположены невдалекѣ отъ одного африканскаго мыса, покрытаго богатой растительностью и цвѣтущей зеленью. Но самымъ важнымъ открытіемъ Генриха были три новыхъ острова съ вѣчно весеннимъ климатомъ, къ которымъ его флотилія была прибита бурей, и самый большой изъ которыхъ, вслѣдствіе своей лѣсистой природы, получилъ названіе *Мадеры* (островъ лѣсовъ). Оставивши за собой Мадеру, они сначала по прежнему продолжали свой дальнѣйшій путь вдоль береговъ Африки, считавшейся ими необитаемой; но вскорѣ, какъ бы устрашенные своей собственной отвагой, ихъ кормчіе остановились передъ многочисленными прибрежными скалами и не пошли далѣе, опасаясь, чтобъ подъ палящими лучами солнца ихъ корабли не разсохлись и не дали трещинъ.

Это путешествіе къ островамъ Зеленаго Мыса ознакомило Португальцевъ съ однимъ изъ человѣческихъ племенъ о которомъ до тѣхъ поръ въ Европѣ не имѣли ни малѣйшаго понятія, а именно съ черными людьми или такъ называемыми *Неграми*, населяющими большую часть Африки. Европейцы были поражены ихъ видомъ—курчавыми волосами, плоскимъ лицомъ и въ особенности бархатно-чернымъ цвѣтомъ кожи. Цвѣтъ этотъ они приписывали вліянію жаркаго тропическаго

климата. Но такое объясненіе не совсѣмъ справедливо, потому что негры составляютъ въ огромной міровой семьѣ человѣческаго рода особое племя, цвѣтъ котораго сохраняется даже и въ томъ случаѣ, если бы оно никогда не подвергалось дѣйствію палящаго африканскаго зноя. Впрочемъ препятствія, встрѣченныя спутниками Генриха въ этихъ неизвѣстныхъ моряхъ, не охладили ни предпріимчивости, ни жажды новыхъ открытій и не помѣшали явиться новымъ лицамъ, готовымъ продолжать начатое. Не прошло двухъ лѣтъ по возвращеніи экспедиціи Генриха, какъ одинъ изъ португальскихъ моряковъ уже снарядилъ новую, съ которой онъ положилъ себѣ во что бы то ни стало проникнуть далѣе, чѣмъ это удавалось до сихъ поръ кому либо изъ его предшественниковъ. Весь отдавшись своему плану, онъ, подобно Генриху, неутомимо собиралъ всевозможныя свѣдѣнія, сколько нибудь касавшіяся задуманнаго имъ предпріятія, и съ жадностію разспрашивалъ еврейскихъ и мавританскихъ купцовъ о берегахъ, жителяхъ и природѣ Африканскаго материка, куда эти предпріимчивые люди проникали для торговли съ тамошними дикарями, снабжавшими ихъ въ изобиліи разными породами цѣнныхъ деревъ, слоновой костью, благовоніями и въ особенности золотымъ пескомъ, встрѣчавшимся въ большомъ количествѣ въ руслахъ нѣкоторыхъ рѣкъ этой части свѣта. Запасшись такими свѣдѣніями, Діацъ отправился въ путь. Онъ первый изъ Европейцевъ перешелъ равноденственную линію экватора, названную такъ потому, что она дѣлитъ земной шаръ на двѣ равныя части (сѣверное и южное полушаріе) и что въ мѣстахъ, лежащихъ на этой линіи, круглый годъ день бываетъ равенъ ночи. Читателю, знакомому нѣсколько съ космографіей, т. е. наукой, описывающей устройство вселенной, извѣстно,

что при переходѣ чрезъ экваторъ, приходится вступать въ другое полушаріе, гдѣ свѣтятъ уже не тѣ звѣзды, которыя мы привыкли видѣть въ нашемъ климатѣ — онѣ остаются позади насъ. Но каково должно было быть удивленіе Діаца, когда онъ замѣтилъ въ первый разъ постепенное исчезновеніе всѣхъ звѣздъ, служившихъ ему руководителями, и появленіе новыхъ, совершенно ему неизвѣстныхъ. Изумленіе его скоро превратилось въ полный ужасъ, когда онъ вдругъ былъ застигнутъ



съ своими кораблями свирѣпѣйшей бурей, уничтожившей часть его флотиліи. Однако, не смотря на всѣ опасности, онъ достигъ, послѣ тысячи неблагопріятныхъ случайностей, самаго южнаго пункта Африки; но, подойдя къ этому мѣсту, названному имъ Мысомъ Бурь, онъ не осмѣлился идти далѣе и не безъ затрудненій вернулся назадъ по прежнему пути. — Король Іоаннъ II, царствовавшій тогда въ Португаліи, милостиво принялъ отважнаго моряка, когда узналъ о счастливыхъ результатахъ его шестнадцати-мѣсячнаго путешествія. Выслу-

шавъ съ большимъ интересомъ разсказъ Діаца о тѣхъ опасностяхъ, которыя ему приходилось преодолѣвать во время продолжительнаго путешествія, Іоаннъ щедро наградилъ его; но предвидя не безъ основанія, что опасный мысъ, бывшій крайнимъ пунктомъ плаванія мужественнаго моряка, долженъ лежать именно на пути въ Индію, умный король переименовалъ его въ мысъ *Доброй Надежды*, такъ какъ знаніе этой точки позволяло надѣяться на скорое достиженіе цѣли, занимавшей собой столько пытливыхъ и отважныхъ людей.

Такимъ образомъ Варѳоломей Діацъ сдѣлалъ одинъ изъ самыхъ важныхъ шаговъ въ мореплаваніи новѣйшихъ народовъ. Однако не ему было суждено достигнуть береговъ Индіи морскимъ путемъ, и вы въ непродолжительномъ времени увидите, какъ уже близокъ былъ тотъ моментъ, когда человѣческій геній готовился совершить одно изъ самыхъ безсмертныхъ своихъ открытій.

IV.

Христофоръ Колумбъ въ Испаніи.

(Отъ 1486 до 1492 г.).

Въ прежнія времена не было тѣхъ удобствъ, какія представляются нынѣшнему путешественнику по Европѣ; тогда не было, какъ теперь, во всѣхъ ея углахъ гостинницъ и отелей, гдѣ усталый путникъ могъ бы отдохнуть и отобѣдать; если же его застигала въ дорогѣ ночь, онъ отправлялся къ ближайшему монастырю и просилъ тамъ ночлега, въ которомъ никому не отказывалось: гостепріимныя обители всегда радушно отворялись и принимали всѣхъ голодныхъ и утомленныхъ скитальцевъ. Въ одинъ изъ темныхъ и удушливыхъ вечеровъ, столь обыкновенныхъ въ Испаніи, къ дверямъ Палосской мужской обители, лежавшей въ Андалузіи, подошелъ человѣкъ высокого роста, подъ-руку съ мальчикомъ, и попросилъ у монастырскаго привратника немного хлѣба и воды для своего сына. По утомленному лицу странника можно было видѣть, что онъ весь былъ поглощенъ какой-то тайной заботой. Не смотря на скромность и даже бѣдность своего платья, онъ внушалъ къ себѣ почтеніе: его гордыя, благородныя черты, высокій видный ростъ и увѣренный тонъ рѣчи — все это показывало, что онъ не принадлежитъ къ простому классу людей, въ то время бѣдному и невѣжественному въ Испаніи. Настоятель Хуанъ Перецъ, случайно проходя въ ту минуту мимо воротъ, былъ пріятно пораженъ видомъ этого незнакомца и, какъ бы пред-

чувствуя, что это не совсѣмъ обыкновенный человѣкъ, самъ предложилъ ему остаться ночевать въ монастырѣ и отдохнуть тутъ со своимъ сыномъ, сколько ему вздумается. Странникъ принялъ съ благодарностью предложеніе почтеннаго игумена; и вотъ совершенно случайная встрѣча скоро сдѣлается не только для Испаніи, но и для всего міра, источникомъ величайшихъ событій, о которыхъ я здѣсь собираюсь съ вами бесѣдовать.

Человѣкъ, принявшій сейчасъ гостепріимство Палоскаго монастыря, былъ никто иной—какъ Христофоръ Колумбъ. Почти совсѣмъ сѣдой, онъ былъ однако-жъ еще не старъ. Въ рѣзкихъ чертахъ его лица виднѣлся слѣдъ глубокой и сильно занимавшей его мысли. Пока приготовлялся ужинъ, Перецъ руководимый болѣе участіемъ и безотчетнымъ расположеніемъ къ незнакомцу, чѣмъ обыкновеннымъ любопытствомъ, сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ, на которые Колумбъ отвѣтилъ со свойственнымъ ему чистосердечіемъ, разсказавъ при

этомъ свою исторію и причины, привлекшія его въ Испанію.

Христофоръ Колумбъ, имѣвшій въ то время около 40 лѣтъ, былъ родомъ изъ Генуи; онъ рано пристрастился къ мореплаванію, которое, какъ вы уже знаете, было такъ сильно развито въ его время между обитателями этой республики, занимавшей по торговлѣ и образованности одно изъ первыхъ мѣстъ между тогдашними государствами. Въ дѣтскихъ годахъ самой любимой игрой Колумба было строить маленькіе кораблики и пускать ихъ на воду. Когда онъ выросъ и сталъ учиться, то страстно предался изученію географіи, астрономіи и другихъ наукъ, необходимыхъ при мореплаваніи, но что занимало его всего болѣе, это—разсказы древнихъ путешественниковъ объ ихъ похожденіяхъ и испытанныхъ ими опасностяхъ. Особенно сильно интересовала его исторія Марко-Поло; но такъ какъ у него не было достаточно денегъ, чтобы купить эту книгу, то онъ самъ переписалъ ее и затѣмъ уже не разлучался съ ней во всю свою жизнь. Особенно ярко рисовался въ его воображеніи островъ Сипанго, такъ краснорѣчиво описанный знаменитымъ путешественникомъ. Горячее желаніе испытать въ свою очередь счастья и достигнуть этой чудной сокровищницы всевозможныхъ богатствъ не давало ему покоя и росло въ немъ вмѣстѣ съ годами. Увѣренный, что рано или поздно ему удастся открыть эту обѣтованную землю, онъ упросилъ своихъ родныхъ позволить ему заниматься изученіемъ морскихъ наукъ, на что они съ радостью дали свое согласіе. Ученіе пошло въ прокъ и онъ скоро оказалъ въ немъ блестящіе успѣхи. Море со своими бурями, скалы, кораблекрушенія, морскія чудовища океана, ничто не въ состояніи было отдалить отъ этихъ желаній его твердую и мужественную душу. Наконецъ ему пришла мысль обра-

титься къ кому-нибудь изъ царственныхъ особъ съ просьбой довѣрить ему три небольшихъ корабля съ помощію которыхъ онъ могъ-бы присоединить къ ихъ владѣніямъ островъ Сипанго и имперію Великаго-Хана, лежавшія, по указанію венеціанца Марко-Поло, въ сторонѣ по направленію солнечнаго заката.

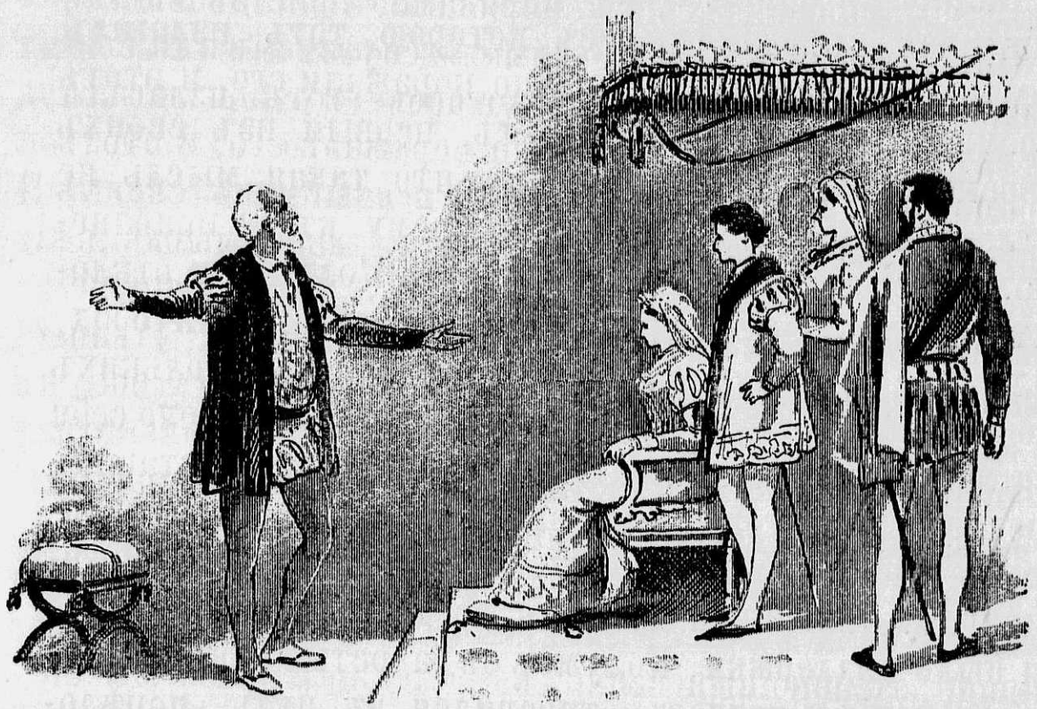
Въ ту пору Генуэзцы, поглощенные своими коммерческими дѣлами, не въ состояніи были достойнымъ образомъ оцѣнить важное значеніе его плановъ, а потому Колумбъ скоро понялъ, что не на родинѣ придется ему найти поддержку своимъ предпріятіямъ. Зная подробности путешествій, совершенныхъ по океану Португальцами нѣсколько лѣтъ тому назадъ, для открытія морскаго пути въ Индію, онъ вознамѣрился обратиться съ своими грандіозными планами къ королю Іоанну II, продолжавшему еще царствовать въ то время въ Португаліи, и просить его о необходимой помощи для привиденія ихъ въ исполненіе. Къ несчастію, прибывши въ Лиссабонъ, онъ увидѣлъ, что король равнодушно отнесся къ его проэктамъ. Что же касается до тѣхъ изъ его придворныхъ, къ которымъ онъ обращался со своими объясненіями, то они или съ сожалѣніемъ пожимали плечами, или даже просто принимали его за сумасшедшаго.

Такой пріемъ конечно могъ-бы обезкуражить самаго стойкаго человѣка; но кто способенъ носить въ себѣ великія идеи, тотъ всегда бываетъ надѣленъ и нравственными силами, необходимыми для ихъ выполненія. Вѣра Колумба въ величіе своей мысли и призванія нисколько не поколебалась отъ этой неудачи. Не долго думая, онъ взялъ своего сына и отправился съ тѣмъ же предложеніемъ въ Мадридъ, къ испанскому королю, Фердинанду Католику, намѣреваясь въ вознагражденіе за снаряженіе экспедиціи изъ трехъ небольшихъ кораблей присоединить къ числу его владѣній нѣсколько новыхъ богатыхъ провинцій.

Нужно сказать, что настоятель Палосскаго монастыря, Хуанъ Перецъ, которому Колумбъ передалъ въ короткихъ словахъ свою исторію и планы, былъ человѣкъ ученый и добросовѣстный. Онъ много занимался изученіемъ географіи и находилъ большое удовольствіе въ бесѣдахъ съ моряками, пристававшими въ Палосскій портъ. Разговоры съ генуэзцемъ и та возвышенная увѣренность, съ которою тотъ излагалъ предъ нимъ свои планы, пріятно поражали его, и этотъ скромный монахъ, быть можетъ, первый изъ своихъ современниковъ вполнѣ понялъ, что такая мысль не могла придти человѣку, неспособному къ ея исполненію. Вмѣсто того, чтобы оспаривать Колумба и отклонять его отъ задуманныхъ имъ намѣреній, онъ ободрилъ его, увѣряя, что рано или поздно цѣль столькихъ его усилій будетъ имъ достигнута. Оставляя около себя его маленькаго сына, Діэго, великодушный старикъ предложилъ путешественнику рекомендательное письмо къ одному своему другу, находившемуся при Фердинандѣ. Лишенный всякихъ средствъ и какой-бы то ни было поддержки, Колумбъ съ радостью принялъ это предложеніе и тотчасъ отправился въ путь, поцѣловавъ не безъ горести своего малютку и оставивъ его на попеченіи монаха. Скоро онъ прибылъ въ Кордову гдѣ тогда находились Фердинандъ и Изабелла со своимъ дворомъ.

Въ это самое время Испанія вела войну съ Маврами, въ которой послѣ восьмилѣтней борьбы пала Гренада. Весь народъ принималъ участіе въ этомъ новомъ крестовомъ походѣ; всѣ дороги были покрыты блестящими рыцарями Кастиліи и Аррагоніи, нетерпѣливо желавшими испробовать свой мечъ на мусульманахъ, такъ

что, когда Колумбъ пріѣхалъ въ Кордову, то онъ съ трудомъ могъ добраться до своего патрона, къ которому его направилъ Перецъ. Не смотря на рекомендательное письмо, вельможа принялъ своего гостя съ ледяной холодностію. Правда Колумбъ былъ такъ просто одѣтъ, что ему трудно было обратить на себя благосклонное вниманіе въ толпѣ этихъ рыцарей, покрытыхъ съ ногъ до головы блестящими латами. Но



несмотря на всѣ невзгоды, проникнутый, больше чѣмъ когда-нибудь, важностью своего предпріятія, Колумбъ, не отступалъ ни передъ чѣмъ:—онъ ждалъ болѣе благопріятной минуты, чтобъ быть выслушаннымъ; это удалось ему однако послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ. Вы можетъ быть, спросите, почему ему приходилось преодолѣвать столько препятствій почти у самой пристани всѣхъ его стремленій? Въ жизни, мои друзья, подобныя вещи случаются зачастую: люди очень рѣдко уважаютъ скромное достоинство и оно

почти всегда попирается надутымъ тщеславіемъ. Блестящая пустота скорѣе привлекаетъ вниманіе праздныхъ царедворцевъ, предъ которыми докучливая болтливость смѣло можетъ разсчитывать на то, въ чемъ навѣрно будетъ отказано несомнѣнному таланту и истинному генію.

Не слѣдуетъ удивляться, что Фердинандъ холодно отнесся къ рѣчамъ иностранца, единственная протекція котораго заключалась въ старомъ настоятелѣ монастыря. Но королева Изабелла, болѣе привѣтливая, чѣмъ ея мужъ, такъ благосклонно выслушала Колумба, что придворные, желая угодить ей, съ жаромъ принялись одобрять слова генуэзскаго моряка, обѣщавшаго Испаніи огромныя богатства и новыя владѣнія. По ихъ настоянію была назначена особая коммиссія для разсмотрѣнія проектовъ Колумба, и этотъ простой человѣкъ, никогда не пробовавшій говорить въ многочисленномъ обществѣ, предсталъ съ благородной стойкостью предъ собраніемъ ученѣйшихъ людей Испаніи, каждый изъ которыхъ считалъ себя вправѣ смотрѣть свысока на «фантазіи» неизвѣстнаго пришельца. Но явившійся пришелецъ говорилъ съ такимъ краснорѣчіемъ, съ такой непобѣдимой силой логики, что весь ученый синклитъ невольно долженъ былъ согласиться съ нимъ. Король Іоаннъ II, узнавъ объ успѣхѣ Колумба, сдѣлалъ ему секретное предложеніе вернуться въ Португалію, обѣщая при этомъ большія награды; но честный морякъ, поступившій на службу Испаніи, не хотѣлъ ни за что въ мірѣ обмануть свою благодѣтельницу Изабеллу.

Съ этого времени Колумбъ дѣлается важнымъ государственнымъ лицомъ. До сихъ поръ онъ жилъ въ Кордовѣ на небольшой заработокъ отъ продажи глобусовъ и картъ; но теперь, по распоряженію королевы,

ему дается многочисленная прислуга и онъ всюду долженъ слѣдовать за дворомъ впредь до полученія обѣщанныхъ ему трехъ кораблей, съ которыми ему поручалось отправиться на поиски новыхъ земель.

Не стану описывать, сколько томленія долженъ былъ перечувствовать великодушный Колумбъ до осуществленія данныхъ ему обѣщаній, въ ожиданіи которыхъ прошло пять долгихъ лѣтъ. Но и затѣмъ всему этому не видѣлось конца. Быть можетъ, подъ гнетомъ этой мертвящей медлительности, Колумбъ, не смотря на свое непоколебимое терпѣніе, уже начиналъ отчаяваться въ исполненіи своихъ плановъ; какъ вдругъ, послѣ столькихъ ожиданій, взятіе Гренады разомъ воскрешаетъ всѣ его прежнія надежды. Посреди волшебной роскоши залъ Альгамбрскаго дворца, принявшаго въ свои нѣдра королей побѣдителей, Фердинандъ и Изабелла даруютъ Колумбу званіе адмирала океана и губернатора всѣхъ провинцій, имѣющихъ быть имъ открытыми, и вслѣдъ затѣмъ отдается приказъ объ изготовленіи въ Палосѣ желаемыхъ кораблей съ необходимымъ количествомъ матросовъ для экипажа. Колумбъ на верху счастія отправляется въ этотъ портъ и спѣшитъ прежде всего обнять друга своего Хуана Переца, которому Испанія скоро обязана будетъ обладаніемъ богатѣйшихъ земель Новаго Свѣта.

V.

Открытіе Новаго Свѣта.

(1492 г.).

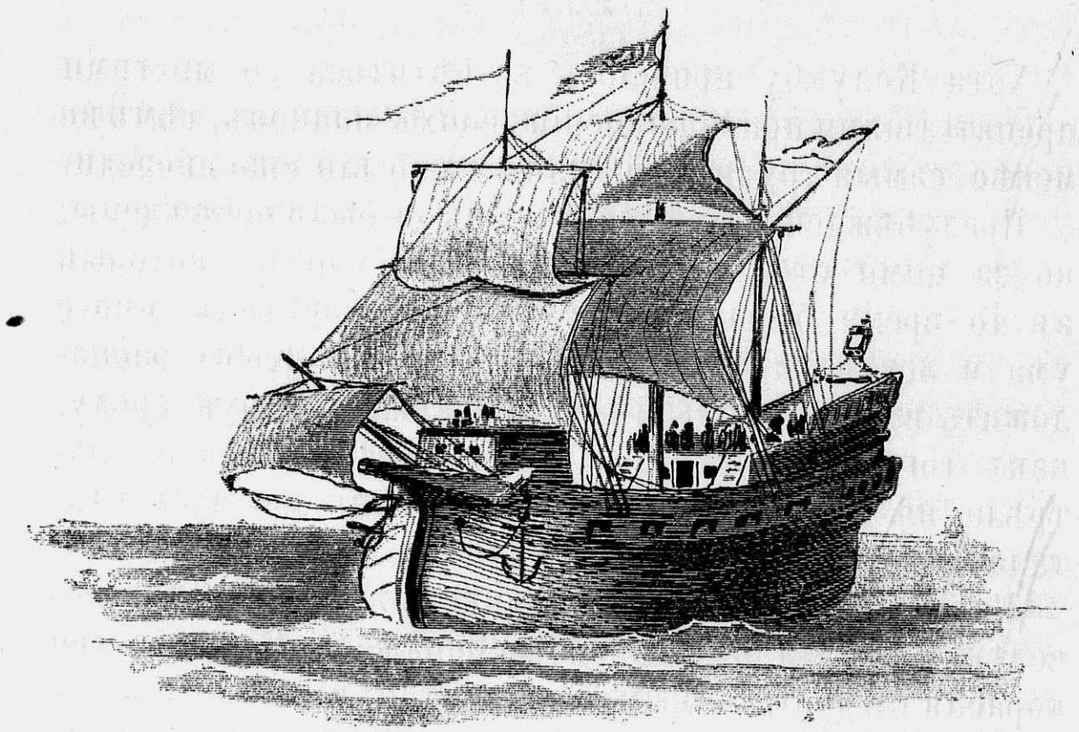
Хотя Колумбу пришлось встрѣтиться со многими препятствіями при исполненіи своихъ плановъ, тѣмъ не менѣе самыя труднѣйшія изъ нихъ были еще впереди.

Предубѣжденія королей и ученыхъ были побѣждены; но за ними стояла сплошная масса народа, который въ то время былъ крайне грубъ и суевѣренъ. Много ума и ловкости требовалось для того, чтобы расположить въ свою пользу такую невѣжественную среду, какъ тогдашніе испанцы, тѣмъ болѣе, что она смотрѣла на планы великаго генуэзца по своему и считала ихъ фантазіей разстроеннаго воображенія.

Какъ только сдѣлалось извѣстно въ Палосѣ о повелѣніи короля отдать въ распоряженіе Колумба три корабля съ достаточнымъ числомъ матросовъ для далекаго плаванія по океану, порождавшему столько страшныхъ разсказовъ, народъ столпился у пристани и сталъ роптать, громко заявляя, что его посылаютъ на вѣрную смерть. Шумъ и неудовольствія достигли такихъ размѣровъ, что грозили перейти въ волненіе. Всѣ на отрѣзъ отказывались вступать въ экипажъ, которому, по общему мнѣнію, не суждено было вернуться. Штурманы, выбранные для этой отважной экспедиціи, пристали также къ толпѣ и всячески уклонялись отъ участія въ этомъ безнадежномъ пред-

*

пріятіи. Однимъ словомъ, жалобамъ не было конца и, не смотря на приказаніе короля, никто не соглашался уступить своего судна въ распоряженіе Колумба, такъ что онъ послѣ долгихъ трудовъ едва могъ найти только одинъ, и то очень небольшой морской корабль, называвшійся каравеллою, и лишь нѣсколько человѣкъ, рѣшившихся раздѣлить опасность его предпріятія.



Къ счастью два брата Винцентъ и Алонзо Пинцоны, моряки, извѣстные своей смѣлостью и искусствомъ, согласились наконецъ отдать свои двѣ каравеллы, но съ условіемъ, чтобы имъ самимъ быть на нихъ штурманами; примѣръ ихъ такъ подѣйствовалъ, что вскорѣ затѣмъ мало по малу набралось достаточное число матросовъ для предполагаемаго путешествія. Весь экипажъ трехъ кораблей, капитанами которыхъ были Колумбъ и двое братьевъ Пинцоны, едва состоялъ

изъ 120 человѣкъ. И съ этой-то небольшой эскадрой неустрашимый генуэзецъ рѣшился ввѣрить себя всѣмъ случайностямъ невѣдомаго океана, за которымъ его воображеніе прозрѣвало волшебный островъ Сипанго, сокровище, уже предназначенное имъ сдѣлаться однимъ изъ алмазовъ испанской короны!

Если-бъ вы могли представить себѣ величественный видъ моря, открывающійся предъ мореплавателемъ, очутившимся чрезъ нѣсколько часовъ послѣ отплытія въ безбрежномъ пространствѣ на своей хрупкой деревянной скорлупѣ между небомъ и водой, то вамъ сдѣлался бы понятнымъ внезапный страхъ, объявшій спутниковъ Колумба, когда попутный вѣтеръ, надувъ паруса кораблей, потянулъ ихъ быстро на западъ и когда они потеряли изъ виду послѣдній очеркъ берега своей родины, которой никто изъ нихъ не надѣялся увидать снова. Только одинъ Колумбъ, весь погруженный въ свою великую идею, остался въ эту торжественную минуту спокоенъ и твердъ. Устремивъ глаза на компасъ, указывавшій направленіе корабля, онъ совершенно забылъ о могущихъ встрѣтиться на пути опасностяхъ и думалъ лишь о вѣрномъ успѣхѣ. Послѣднимъ клочкомъ земли, видѣннымъ имъ на пути, была группа Канарскихъ острововъ, гдѣ, съ разрѣшенія Колумба, экипажъ его запасся свѣжей провизіей; затѣмъ, снявшись съ якоря, флотилія продолжала свой путь въ прежнемъ направленіи. Такимъ образомъ прошло нѣсколько дней, втеченіи которыхъ они отдалились отъ этой группы на довольно значительное разстояніе. Тревожные и невѣжественные моряки начали безпокоиться и дивиться, какъ это до сихъ поръ они еще не нашли отыскиваемую землю. «Если она существуетъ не въ одномъ только воображеніи Колумба — говорили они — то мы давно должны были бы встрѣтить ее».

Прошелъ мѣсяцъ послѣ отплытія съ Канарскихъ острововъ, а флотилія все по прежнему шла въ томъ же направленіи, не встрѣчая на своемъ пути ничего, кромѣ воды да неба, какъ вдругъ показались двѣ птицы и, покружившись около кораблей, сѣли на одну изъ мачтъ. Увидѣвъ ихъ, Колумбъ подумалъ, что, безъ сомнѣнія, по близости должна лежать земля, которую ему предстоитъ открыть. Въ то же время онъ замѣтилъ, что море приняло по всему своему пространству зеленоватый цвѣтъ отъ множества травъ, плавающихъ на его поверхности; но напрасно его штурманы опускали лотъ (инструментъ для измѣренія глубины моря, состоящій изъ свинцовой гири, привязанной къ крѣпкой веревкѣ), — онъ не доставалъ до дна, откуда было ясно, что земля еще далеко.

Между тѣмъ матросы, внимательные къ каждому благопріятному знаку и возбужденные надеждой скоро достигнуть конца плаванія, постоянно взбирались на высокія мачты кораблей, чтобъ посмотрѣть не видно ли земли; но сколько можно было различить простыми глазами (зрительныя трубы или телескопы, позволяющіе видѣть отдаленные предметы, тогда еще не были изобрѣтены), всюду разстилалась одна только безбрежная водяная поверхность. Не открывъ ничего, обезкураженные, они слѣзали внизъ, чтобы черезъ нѣсколько времени снова повторить ту же безполезную гимнастику. Но что особенно привело въ отчаяніе упавшій духомъ экипажъ, — это встрѣченный ими обломокъ мачты разбитаго корабля; этотъ случай они приняли за указаніе, ниспосланное самимъ небомъ, чтобы предостеречь ихъ отъ дальнѣйшаго путешествія по океану, гдѣ такіе же, какъ они, смѣльчаки уже погибли, потерпѣвъ крушеніе.

Чрезъ нѣсколько дней прилетѣли новыя птицы съ

разноцвѣтными перьями, покружились вокругъ корабля, сѣли на мачту и своимъ пѣніемъ напомнили путешественникамъ соловьевъ ихъ дорогой Андалузіи; но все еще земля не являлась нетерпѣливымъ морякамъ. Братья Пинцоны, вѣрные данному обѣщанію, стойко держали сторону Колумба; но между ихъ матросами, также какъ и на адмиральскомъ кораблѣ, начался ропотъ. Неудовольствіе распространялось все болѣе и болѣе противъ дерзкаго генуэзца, подвергавшаго изъза своихъ праздныхъ фантазій ихъ жизнь опасности, вдали отъ женъ и дѣтей, которыя оставались въ неизвѣстности на счетъ участи уѣхавшихъ. Скоро этотъ ропотъ перешелъ въ угрозы Колумбу и нѣкоторые предложили было своимъ товарищамъ бросить въ море этого «иностранца», обманувшаго, по ихъ мнѣнію, короля обѣщаніемъ открыть никогда не существовавшія земли; въ случаѣ удачи своего злодѣйскаго плана они намѣревались вернуться обратно въ Испанію и сказать тамъ, что адмиралъ утонулъ, упавши за бортъ въ то время, когда глядѣлъ на свои астрономическіе инструменты. Но ловкій Колумбъ, внимательно слѣдя за ходомъ своего корабля, не пропускалъ мимо ушей ничего изъ того, что говорили между собой мятежники; нисколько не сробѣвъ передъ опасностью, онъ старался внушить имъ свою увѣренность, указывая на различные признаки, доказывавшіе, что земля была уже недалеко. Пинцонамъ и нѣкоторымъ изъ людей, вполнѣ преданнымъ ему и готовымъ раздѣлить съ нимъ его участь, онъ представлялъ ту безсмертную славу, которая достанется имъ въ удѣлъ съ открытіемъ такого важнаго торговаго пути; людямъ, жаждавшимъ богатства, которыхъ было много въ числѣ его спутниковъ, Колумбъ рисовалъ сокровища острова Сипанго и слитки золота, ждущіе ихъ въ недалекомъ будущемъ; трус-

ливымъ и лѣнивымъ онъ сулилъ спокойную беззаботную жизнь; наконецъ, всѣмъ безъ исключенія—награду и почести по возвращеніи на родину, гдѣ ихъ встрѣтитъ благодарность и удивленіе всей Испаніи. Такимъ то манеромъ, мои друзья, неустрашимый Колумбъ силою своего духа, по мѣрѣ возможности, сдерживалъ возмущенныхъ мятежниковъ; когда же его извѣстили о новыхъ заговорахъ на его жизнь, то онъ выразилъ лишь опасеніе умереть прежде достиженія цѣли своего злополучнаго путешествія.

Уже болѣе двухъ мѣсяцевъ длилось это путешествіе, между тѣмъ никто не видѣлъ ему конца. Жалобы и ропотъ до того, наконецъ, усилились на всѣхъ трехъ корабляхъ, что перешли въ ожесточенныя угрозы, такъ что даже братья Пинцоны, боясь, чтобы возмущеніе не кончилось для адмирала очень печально, т. е. чтобы отъ угрозъ не перешли къ ихъ исполненію, стали умолять Колумба повернуть назадъ и возвратиться въ Испанію. Но Колумбъ былъ не такой человѣкъ, чтобъ спасовать предъ какой-бы то ни было опасностію въ ту минуту, когда цѣль его была почти достигнута. Оставаясь непреклоннымъ, онъ собралъ вокругъ себя матросовъ своего корабля и сказалъ имъ увѣреннымъ тономъ: «Друзья мои! я убѣжденъ, что не далѣе, какъ черезъ три дня мы достигнемъ земли, которая до сихъ поръ какъ будто-бы убѣгала отъ насъ». За этими словами послышались изъ толпы со всѣхъ сторонъ проклятія. Друзьями Колумба овладѣлъ невольный трепетъ: въ разгарѣ слѣпой ярости достаточно было подняться надъ этимъ великимъ человѣкомъ рукѣ одного изъ злодѣевъ и все было бы кончено... Но Колумбъ продолжалъ, не выказывая ни тѣни смущенія: «и такъ, если черезъ три дня мы не увидимъ берега, я согласенъ возвратиться и отказаться отъ предпріятія, обѣщающаго намъ столько славы и богатствъ».

Эти слова, сказанныя съ спокойною рѣшимостію, заставили молчать даже самыхъ ожесточенныхъ крикуновъ. Едва только положеніе экипажа опредѣлилось, волненіе немедленно утихло. Съ этой минуты никто болѣе не спорилъ и даже не осмѣлился возвышать голоса; но между собой матросы порѣшили что если по истеченіи трехъ дней не покажется берегъ, то требовать немедленно исполненія обѣщанія. Въ это время дѣятельный адмиралъ не спалъ ни днемъ, ни ночью и не отходилъ ни на шагъ отъ компаса, управляя вмѣстѣ съ тѣмъ корабельнымъ рулемъ. По его приказанію, на каждомъ изъ кораблей на верху главной мачты постояно находился одинъ изъ матросовъ для того, чтобъ съ возможно болѣе дальняго разстоянія различить берегъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, именемъ короля Фердинанда, онъ далъ экипажу обѣщаніе, что кто первый увидитъ землю, тотъ получитъ такую сумму денегъ, которая обезпечитъ ему и его семьѣ безбѣдное существованіе впродолженіе всей остальной его жизни. Такимъ образомъ при появленіи каждой черной точки на горизонтѣ (берегъ начинаетъ показываться всегда въ видѣ точки) матросы кричали изо всѣхъ силъ: «Земля! Земля». Но большей частью за желанный берегъ принимались тучи и когда разсѣявалось заблужденіе, надежда смѣнялась унынiемъ.

Наканунѣ третьяго дня, т. е. послѣдняго срока, даннаго Колумбу матросами, адмиралъ объявилъ, что завтра на разсвѣтѣ предъ ними откроется земля, и при этомъ отдалъ матросамъ приказъ идти съ величайшею осторожностію, чтобы не изломать кораблей объ утесы, которыми могутъ быть покрыты берега. Но большинство матросовъ не совсѣмъ-то вѣрили сло-

вамъ Колумба, думая, что онъ еще разъ ихъ хочетъ обмануть и хотя въ ожиданіи такого событія, никто во всю ночь на всѣхъ трехъ корабляхъ не смыкалъ глазъ, между ними слышались еще угрозы и проклятія, посылаемыя адмиралу. Во время ночи, которая на этотъ разъ была необыкновенна тиха и прозрачна, корабли продолжали медленно подвигаться. Весь превратившись въ зрѣніе и вниманіе, Колумбъ стоялъ подъ рулемъ, вперивши свои взоры въ темную синеву горизонта, какъ вдругъ впереди показалась какая-то

свѣтлая движущаяся точка. Нужно-ли говорить о томъ, что онъ почувствовалъ въ это мгновеніе? Нужно-ли говорить, что первыя его мысли при этомъ вылились въ восклицаніе: «земля»! въ крикъ: «обитаемая земля»! Многіе изъ матросовъ, которыхъ онъ подозвалъ къ себѣ, увидѣли скоро то же самое. Эта свѣтлая точка заронила въ ихъ души умиравшую надежду и до такой степени усилила ихъ нетерпѣніе, что они едва-едва только могли дождаться разсвѣта.

И въ самомъ дѣлѣ, едва показались первые лучи утренней зари, какъ къ неописанной радости весь экипажъ увидѣлъ не въ далекомъ разстояніи отъ кораблей прекрасный зеленый берегъ, покрытый густымъ лѣсомъ благовонныхъ деревьевъ, ароматъ которыхъ доносилъ до нихъ утренній вѣтеръ, свойственный странамъ этого климата и дующій всегда съ восходомъ солнца отъ берега къ морю.

При видѣ этой, такъ давно желанной цѣли, на всѣхъ трехъ корабляхъ раздался радостный крикъ; а окружавшіе Колумба бросились къ его ногамъ, обнимали его колѣна и, проливая слезы раскаянія, просили у него прощенія за всѣ сдѣланныя ему оскорбленія. Но великій мореходецъ, забывъ всѣ пережитыя имъ невзгоды, кротко и снисходительно поднялъ ихъ. Въ то время какъ весь экипажъ воздавалъ ему божескія почести, онъ, отрѣшаясь отъ всякаго тщеславія, со смиреніемъ поднявъ руки къ небу, изъ глубины души благодарилъ Бога, помогшаго ему переплыть черезъ океанъ и достигнуть цѣли всѣхъ его желаній.

Съ этой минуты уже не могло быть сомнѣнія, что Христофоръ Колумбъ открылъ *Новый Свѣтъ*.

VI.

Лукайскіе острова.

(1492 г.).

Замѣтивъ въ такомъ близкомъ разстояніи отъ кораблей цвѣтущій и благоухающій берегъ, представившійся очарованному взору всего экипажа, Колумбъ не усумнился ни на минуту въ томъ, что передъ нимъ одинъ изъ тѣхъ чудесныхъ острововъ, о которыхъ Марко-Поло разсказываетъ въ своей книгѣ, а можетъ быть даже и самый Сипанго. Онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что находится около азіатскихъ владѣній, посѣщенныхъ этимъ путешественникомъ.

Полный надеждъ на осуществленіе своихъ пламеннѣйшихъ желаній, адмиралъ тотчасъ же приказалъ своей флотиліи пристать къ берегу; самъ же, одѣвшись въ великолѣпное платье ярко-краснаго цвѣта и держа въ одной рукѣ знамя съ вензелемъ Фердинанда и Изабеллы, вошелъ съ главными изъ своихъ спутниковъ въ шлюпку, которая должна была высадить его на берегъ. Два другіе капитана, Винцентъ и Алонзо Пинцоны, послѣдовали его примѣру и скоро Европейцы причалили свои три шлюпки къ землѣ, на которую не вступалъ еще никто изъ жителей Стараго Свѣта.

По мѣрѣ того, какъ шлюпки отдалялись отъ кораблей, матросы различали все яснѣй и яснѣй толпы народа, двигавшіяся по берегу, и по быстротѣ ихъ движеній можно было замѣтить издали удивленіе, произведенное на нихъ иностранцами. Колумбъ, все еще увѣренный въ томъ, что это одна изъ частей Индіи, принялъ этихъ людей за индѣйцевъ и приказалъ своему экипажу обращаться съ ними какъ можно ласковѣй, чтобъ лучше узнать отъ нихъ источники богатствъ ихъ родины. Но когда шлюпки пристали къ берегу, на немъ уже не было ни одного человѣка.

Вся толпа быстро побѣжала назадъ и скрылась въ сосѣднемъ лѣсу, откуда ея вожаки внимательно наблюдали за движеніями новопріѣзжихъ испанцевъ.

Первой заботой Колумба, по вступленіи на землю, было принести благодарность Провидѣнію, пославшему ему столько благъ послѣ такихъ опасностей. Потомъ, вынувъ шпагу и водрузивъ въ землю королевское знамя, онъ объявилъ громогласно, что отнынѣ земля эта принадлежитъ Испаніи. Воздухъ огласился во-

сторженными криками радости, и тутъ же было рѣшено единодушно назвать эту землю въ память счастливаго прибытія Санъ-Сальвадоромъ, что значитъ по испански Св. Спаситель.

Между тѣмъ туземцы, пораженные всей видимой ими церемоніей, подошли ближе, чтобы разсмотрѣть платье и блестящее вооруженіе испанцевъ, которые въ свою очередь пристально вглядывались въ жалкія фи-

гуры любопытныхъ дикарей. Они были совершенно голы и имѣли кожу мѣдно-краснаго цвѣта. По плечамъ ихъ падали длинные, черные, блестящіе волосы, но ни у одного изъ нихъ не было бороды, хотя тутъ находилось много стариковъ; головы ихъ были украшены перьями разныхъ цвѣтовъ, а тѣло узорами, придававшими имъ необыкновенно странный видъ. Большая часть этихъ дикарей была вооружена копьями или легкими стрѣлами, снабженными на концахъ острыми кремнями. Колумбъ, который своимъ высокимъ ростомъ и пышной одеждой привлекъ повидимому ихъ исключительное вниманіе, сдѣлалъ имъ знакъ приблизиться, но, вмѣсто того, чтобъ послѣдовать приглашенію, они съ испуганнымъ видомъ стали уходить, а когда нѣсколько солдатъ отправились за ними въ догонку, то вся толпа быстро скрылась въ томъ же лѣсу, изъ котораго предъ тѣмъ только что вышла. Колумбу было непріятно видѣть, что онъ навелъ на туземцевъ своимъ прибытіемъ паническій страхъ, и онъ сталъ думать, какъ бы ихъ расположить въ свою пользу. Въ эту самую минуту матросы привели къ нему только что пойманнаго ими дикаря. Такое самоуправство, выказанное на первомъ же шагу конечно не могло принести никакой пользы экспедиціи и потому адмиралъ велѣлъ немедленно отпустить его на свободу. Но вспомнивъ разсказы португальцевъ, плававшихъ у береговъ Африки, о любви дикарей къ цвѣтнымъ шляпамъ, бусамъ и колокольчикамъ, онъ приказалъ надѣть на дикаря красный колпакъ, ожерелье изъ бусъ и привязать къ его ушамъ погремушки, бряцанье которыхъ обыкновенно такъ нравится этимъ простымъ и бѣднымъ людямъ. Отпуская его, онъ знакомъ далъ ему понять, что на такіе же подарки могутъ разсчитывать и другіе его товарищи.

И дѣйствительно, едва только индѣецъ подошелъ къ своимъ, какъ тотчасъ же былъ окруженъ толпой любопытныхъ, которые оглядывали его со всѣхъ сторонъ и восхищались его украшеніями. Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія они тутъ же рѣшили послѣдовать предложенію счастливаго владѣльца бусъ и отправились цѣлой гурьбой къ бѣлымъ (такъ называли они испанцевъ за цвѣтъ ихъ кожи, особенно приводившій ихъ въ удивленіе). Черезъ нѣсколько минутъ наши путешественники были совершенно окружены индѣйцами всѣхъ возра-

стовъ, явившимися къ нимъ для полученія колокольчиковъ и ожерелій.

Кстати нужно вамъ сказать, что эти туземцы Новаго Свѣта были мягкаго и робкаго характера и въ своей простотѣ принимали корабли европейцевъ, съ ихъ парусами, за особыхъ птицъ, на крыльяхъ которыхъ бѣлые сошли съ неба. Охваченные любопытствомъ, столь естественнымъ въ людяхъ, не видавшихъ ничего, кромѣ своего родного лѣса, они не переставали удивляться всему, что видѣли на европейцахъ: ощупывали одежду и оружіе матросовъ, пуговицы ихъ платья, восхищались блескомъ шпагъ и безпечно дотрогивались до ихъ лезвія, не понимая всей опасности этихъ, по ихъ понятіямъ, великолѣпныхъ игрушекъ. Но что особенно изумило и испугало ихъ—это дымъ и грохотъ пушекъ; выстрѣлы изъ орудій показались имъ громомъ и молніей, а когда они услышали ихъ въ первый разъ, то пали отъ ужаса на землю, думая, что громъ этотъ поразилъ ихъ.

Между тѣмъ товарищи адмирала замѣтили въ ушахъ и носахъ дикарей нѣчто въ родѣ золотыхъ серегъ или бляхъ, служащихъ имъ украшеніемъ и охотно вымѣниваемыхъ ими на самыя малоцѣнныя вещи, привезенныя Европейцами. Видъ этого драгоцѣннаго металла заставилъ ихъ вспомнить обѣщаніе Колумба привезти ихъ въ такую страну, гдѣ золото также обыкновенно, какъ мѣдь или олово въ Европѣ. На ихъ вопросъ, откуда добывается этотъ металлъ, туземцы имъ указывали по направленію къ югу, давая при этомъ понять, что онъ находится въ большой землѣ, лежащей далеко отъ ихъ страны. Это извѣстіе было сообщено Колумбу, и оно еще болѣе поселило въ немъ увѣренность въ близости острова Сипанго, на который безъ сомнѣнія и указывали дикари. Узнавъ, что Санъ-Сальвадоръ небольшой островъ, Колумбъ порѣшилъ оставить его, съ тѣмъ чтобы отправиться отыскать эту обѣтованную страну. Кротостію и подарками онъ старался склонить нѣкоторыхъ изъ островитянъ сопровождать его въ новомъ путешествіи, на что тѣ скоро согласились столько же изъ радушія, сколько изъ любопытства и желанія поплавать на невиданныхъ ими до того птицахъ. Въ продолженіе всего пути эти простые люди не переставали удивляться каждой вещи, встрѣчаемой ими на кораблѣ: пушки, снасти, мачты и все снаряженіе экипажа приводили ихъ рѣшительно въ дѣтскій восторгъ.

Нужно вамъ сказать, друзья мои, что Санъ-Сальвадоръ, на которомъ Христоферъ Колумбъ въ первый разъ вступилъ на землю Новаго Свѣта, составляетъ часть группы небольшихъ острововъ, называемыхъ Лукайскими или Багамскими; и если вы возьмете въ руки карту Америки, то замѣтите, что они расположены между двумя континентами, образующими своимъ соединеніемъ эту часть свѣта.

VII.

Испаньола.

(1492 г.).

Потерявъ изъ виду Багамскіе острова, Христофоръ Колумбъ, полный надеждъ открыть наконецъ Сипанго, слѣдуя указанію индѣйскихъ проводниковъ, направилъ свои корабли на югъ и, пройдя быстро эту часть океана, увидѣлъ съ радостію обширную страну, покрытую прекрасной растительностью, что, по его мнѣнію, еще больше подтверждало разсказы древнихъ путешественниковъ объ Индіи.

Огромные лѣса, окаймлявшіе островъ и распространявшіе вокругъ себя ароматъ на далекое разстояніе, были наполнены попугаями всевозможныхъ величинъ, блиставшими при великолѣпномъ солнечномъ освѣщеніи тысячью яркихъ радужныхъ цвѣтовъ; не вдалекѣ отъ берега носились цѣлыя стаи другихъ птицъ такой большой величины, что когда онѣ садились на землю, то ихъ издали можно было принять за батальоны солдатъ; испанцы дали имъ названіе фламминго вслѣдствіе созвучія этого слова съ пламенемъ, на которое такъ походятъ своимъ цвѣтомъ перья этихъ птицъ при сильномъ солнечномъ освѣщеніи. Всѣ кустарники этой чарующей земли были покрыты разнаго рода причудливыми насѣкомыми, блестѣвшими на солнцѣ подобно рубинамъ, изумрудамъ и сапфирамъ, оправленнымъ въ золото и серебро.

Это описаніе чудесъ и красотъ тропическихъ странъ можетъ показаться вамъ невѣроятнымъ, и вы, пожалуй, усомнитесь въ правдивости разсказовъ, передаваемыхъ о нихъ путешественниками. Но ваше недовѣріе исчезнетъ тотчасъ же, какъ вы познакомитесь съ климатомъ южныхъ странъ, гдѣ природа, подобно колоссальному рогу изобилія, разсыпала повсемѣстно неисчерпаемое количество всевозможныхъ благъ; здѣсь она какъ будто хотѣла истощить всѣ свои средства очарованія, отдавши въ распоряженіе внѣшняго міра всѣ свои звуки, благоуханія и цвѣты. До сихъ поръ еще тамъ между дамами существуетъ обыкновеніе украшать свои волосы нѣкоторыми изъ туземныхъ насѣкомыхъ, блескъ которыхъ при большомъ освѣщеніи не уступаетъ игрѣ алмазовъ и другихъ драгоцѣнныхъ каменьевъ.

Колумбъ узналъ отъ индѣйцевъ, что островъ этотъ на ихъ языкѣ назывался Кубой, и хотя испанцы назвали его Хуаной (въ честь принца Іоанна, старшаго сына Фердинанда и Изабеллы), но онъ сохранилъ и до сихъ поръ свое первое имя. Колумбъ твердо былъ увѣренъ, что Куба составляетъ часть Азіатскаго материка, и сохранилъ эту увѣренность до конца своей жизни.

Островъ Куба, друзья мои, былъ населенъ тогда такими же безбородыми краснокожими дикарями, какъ и жители Лукайскаго архипелага. Высадившись на берегъ, Колумбъ скоро завелъ съ ними самыя дружественныя сношенія и даже убѣдилъ нѣсколькихъ изъ нихъ сопутствовать ему въ его дальнѣйшемъ плаваніи. Правда, за эту дружбу онъ щедро платилъ различными подарками вродѣ бусъ, булавокъ, бубенчиковъ, цвѣтныхъ платковъ и прочихъ бездѣлокъ, но и дикари не оставались въ долгу, съ удовольствіемъ отдавая испанцамъ золотыя бляхи, служившія имъ такъ же, какъ и индѣйцамъ Санъ-Сальвадора, для украшенія лба, ушей и носа. Одинъ

изъ ихъ предводителей, которому была подчинена значительная часть тамошнихъ племенъ, подарилъ Колумбу даже деревянную голову какого-то идола, у которой глаза, носъ, ротъ и уши были вылиты изъ чистаго золота. Но что особенно вызывало удивленіе и вниманіе испанцевъ, это обыкновеніе туземцевъ свертывать сухую траву, росшую въ изобиліи на тамошнихъ поляхъ, зажигать ее съ одного конца и затѣмъ тянуть ртомъ изъ другого ея дымъ. Вы, конечно, догадываетесь, что это

за трава, и отвѣчаете хоромъ: «табакъ»! Да это былъ дѣйствительно тотъ табакъ, который въ настоящее время въ такомъ большомъ употребленіи у всѣхъ народовъ. Сорты этой травы, растущіе въ Кубѣ, отличаются особой ароматичностію; впослѣдствіи они были завезены отсюда испанцами въ Европу и стали разводиться преимущественно на ея востокѣ; до той же поры обитатели нашей части свѣта не имѣли о немъ никакого понятія.

Колумбъ, нетерпѣливо стремившійся по указанію индѣйцевъ къ землѣ, откуда, по ихъ словамъ, они доста-

вали золото, не располагалъ засиживаться въ Кубѣ и скоро собрался въ дальнѣйшій путь, отдавши вмѣстѣ съ тѣмъ приказаніе другимъ кораблямъ слѣдовать за собою; но такъ какъ они шли отъ него на довольно значительномъ разстояніи, съ котораго простая команда могла не дойти по назначенію, то онъ повторилъ ее нѣсколько разъ при помощи особыхъ, употребляющихся въ подобныхъ случаяхъ, сигналовъ.

Какъ же велико было его удивленіе и досада, когда передъ разсвѣтомъ слѣдующаго дня оказалось, что за нимъ слѣдуетъ лишь одинъ корабль, другой же, состоявшій подъ начальствомъ Алонзо Пинцона, исчезъ; напрасно ставилъ онъ зажженные фонари на верхушку главной мачты своего корабля, полагая, что Пинцонъ заблудился и не можетъ отыскать адмиральскаго судна. Корабль не появлялся. Только на другой день, не замѣчая признаковъ его присутствія, онъ въ первый разъ заподозрилъ завистливаго Алонзо Пинцона въ намѣреніи бросить его и, вернувшись въ Испанію, объявить себя тамъ виновникомъ всѣхъ сдѣланныхъ адмираломъ открытій. Это все болѣе и болѣе подтверждавшееся подозрѣніе сильно огорчило Колумба, который только теперь понялъ, что въ числѣ людей, называвшихъ себя его друзьями, можетъ находиться не одинъ измѣнникъ.

Такая неожиданная непріятность по необходимости должна была замедлить ходъ его микроскопической флотиліи. Но онъ не падалъ духомъ и попрежнему мужественно продолжалъ преслѣдовать свою цѣль. Скоро, какъ бы въ награду за измѣну Алонзо, ему удалось открыть новый островъ, синія горы котораго высоко и живописно поднимались къ небесамъ. При видѣ его береговъ индѣйцы подняли крики ужаса, давая понять экипажу жестами, что островъ этотъ, называемый ими Гаити, населенъ людоѣдами. Колумбъ, не раздѣ-

ляя ихъ ужаса, распустилъ паруса и быстро присталъ къ одной изъ его бухтъ. Плодородная почва и умѣренный климатъ живо напомнили испанцамъ ихъ дорогую прекрасную родину, и потому они назвали его Испаньолой, что значитъ маленькая Испанія.

Скоро вы увидите, театромъ сколькихъ ужасныхъ событій и возмутительныхъ сценъ былъ этотъ благодатный клочекъ земли, на который Колумбъ, самъ того не зная, вносилъ своимъ вступленіемъ всѣ низменныя страсти Европы и пороки Стараго Свѣта.

VIII.

Кацики.

(отъ 1492 до 1493 г.).

Островъ Гаити, открывшійся предъ Колумбомъ, одинъ изъ самыхъ обширныхъ, цвѣтущихъ и плодородныхъ острововъ Новаго Свѣта. Богатство и живописность его природы производятъ такое чарующее впечатлѣніе, что одинъ только его видъ разомъ заставилъ позабыть нашихъ моряковъ всѣ трудности и лишенія, испытанныя ими на пути. Ихъ пріятно поразило также и необыкновенное оживленіе его обитателей. Едва только они стали приближаться къ берегу, какъ вся лежавшая предъ ними водяная поверхность покрылась маленькими челноками, скользившими съ неимовѣрной быстротой туда и сюда по различнымъ направленіямъ. Челноки эти имѣли своеобразное устройство и были выдолблены изъ цѣлыхъ кусковъ дерева.

Въ то же время на берегу показались толпы мужчинъ, женщинъ и дѣтей, оглашавшихъ воздухъ криками удивленія при видѣ европейскихъ кораблей. Однако какъ только шлюпки, посланныя Колумбомъ, причалили, вся эта толпа бросилась бѣжать въ лѣсъ, куда испанцы послали за ними погоню; но, не смотря на всю свою быстроту, они могли захватить лишь одну молодую дикарку, которую и привели къ адмиралу, какъ только тотъ вышелъ на берегъ.

Бѣдная женщина, не помня себя отъ страха и, вѣроятно, считая себя безвозвратно погибшей, подняла такой раздирающій душу вопль, какъ будто бы ее подвергали самымъ жесточайшимъ истязаніямъ; но Колумбъ обошелся съ ней такъ ласково и такъ щедро одарилъ ее различными ожерельями, кольцами, погремушками и прочими бездѣлками, что когда ей предоставили вернуться къ своимъ, то она хотя и воспользовалась этимъ позволеніемъ, но не безъ нѣкотораго сожалѣнія.

Первымъ желаніемъ молодой женщины по возвращеніи къ роднымъ было передать мужу все, что она видѣла у бѣлыхъ, и показать платье и драгоцѣнности, полученныя ею отъ этихъ людей. Ея разсказы и въ особенности подарки, которые она показывала имъ съ удовольствіемъ ребенка, раскладывающаго предъ другими дѣтьми свои игрушки, такъ прельстили окружавшихъ ее слушателей, что они возъимѣли намѣреніе и сами отправиться къ бѣлымъ, нисколько не сомнѣваясь въ ихъ божественномъ происхожденіи. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія, многочисленная толпа, поднявъ на плечи молодую индіанку, понесла ее съ торжествомъ къ берегу, гдѣ мужъ этой женщины принялся обнимать колѣна первыхъ встрѣтившихся испанцевъ въ благодарность за подарки, полученные его женой.

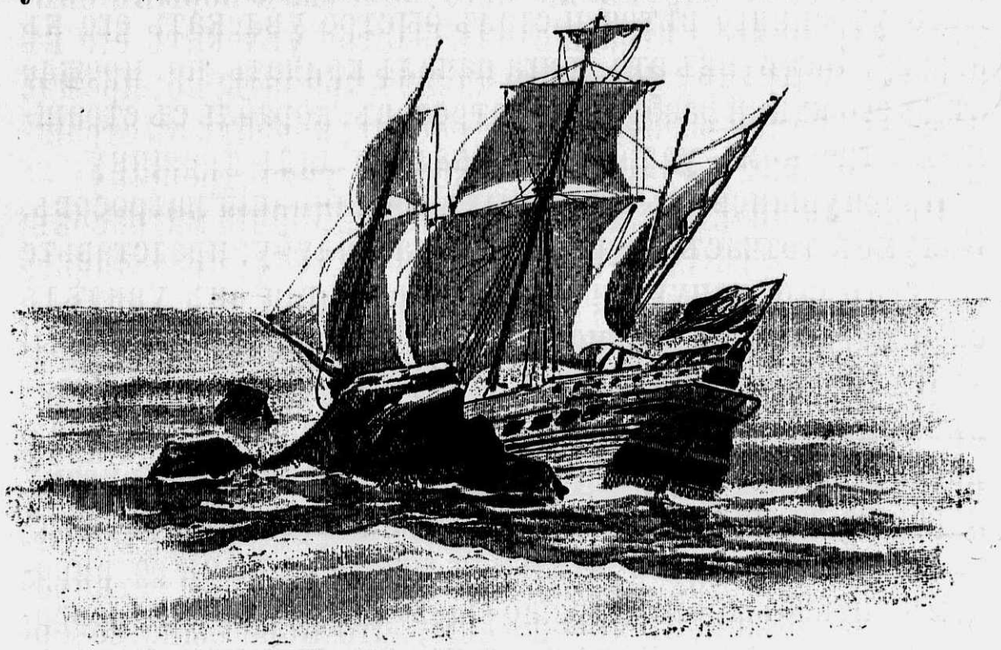
Между тѣмъ другая часть дикарей, находя всего лучшимъ явиться къ новопріѣзжимъ съ наиболѣе цѣнными дарами своего острова, стала стекаться къ берегу цѣлыми вереницами съ грудами сушеной рыбы, плодовъ, кореньевъ, изъ которыхъ они приготовляли свои лучшія кушанья, множествомъ попугаевъ и, наконецъ, съ золотыми бляхами и украшеніями своего домашняго обихода, такъ какъ индѣйцы, привезенные Колумбомъ съ Кубы и С.-Сальвадора, поспѣшили дать знать Гаитянамъ, что бѣлые люди очень дорожатъ этими металлами. Въ нѣсколько минутъ они познакомились съ испанцами и такъ стали съ ними коротки, какъ будто знали ихъ уже давно. Сколько тутъ было восторга, сколько дѣтскаго удивленія! Каждая вещь казалась имъ какимъ-то чудомъ: одежда, оружіе, инструменты, снасти—все это вызывало ихъ восклицанія, все это каждый изъ нихъ ощупывалъ, оглядывалъ и чуть-чуть не обнюхивалъ.

Вы, можетъ быть, спросите меня, какимъ образомъ эти дикари, совсѣмъ не зная европейцевъ, такъ быстро стали брататься съ ними и оказали имъ такой радушный пріемъ. Причина простая: эти бѣдные, довѣрчивые люди не могли допустить, чтобы существа, которыхъ они въ своей наивности считали сошедшими съ неба, были способны на какое-нибудь зло. «Развѣ боги дѣлаютъ зло?» говорили они между собой. Но вы скоро увидите, мои дорогіе друзья, какъ жестоко ошиблись безвѣстные жители далекаго острова. Если бы они могли только себѣ представить всю бездну тѣхъ золъ, которыя принесли съ собой ихъ непрошенные гости, то, конечно, не колеблясь ни минуты, истребили бы эту горсть дерзкихъ искателей приклю-

ченій, и судьба спутниковъ Колумба осталась-бы навсегда неизвѣстной для свѣта.

Нужно вамъ сказать, что въ то время, когда Колумбъ открылъ Испаньолу, населеніе этого острова, пользующагося жаркимъ, но благорастворенным климатомъ и необыкновеннымъ плодородіемъ, было очень значительно и раздѣлялось на пять главныхъ племенъ, которыя управлялись такимъ же числомъ начальниковъ, называвшихся на туземномъ языкѣ *кациками*. Эти кацики были настоящими владѣтельными князьями своей страны и хотя у нихъ не было ни дворцовъ, ни стражи, ни толпы придворныхъ, какъ у европейскихъ государей, тѣмъ не менѣе они пользовались королевскимъ почетомъ, и всѣ приказанія ихъ исполнялись съ безпрекословнымъ повиновеніемъ. Каждый кацикъ занималъ особую часть острова и жилъ съ своимъ племенемъ, раздѣленнымъ на нѣсколько селеній, изъ которыхъ иныя заключали въ себѣ до тысячи хижинъ, построенныхъ изъ дерева и листьевъ, потому что такія жилища служатъ достаточной защитой въ этомъ благословенномъ климатѣ. Европейцамъ жители Гаити показались менѣе краснокожими, чѣмъ Лукайцы и Кубанцы; но, подобно этимъ послѣднимъ, они были безбороды и отличались кротостью нравовъ.

Простоявъ нѣсколько времени у берега, Колумбъ рѣшился осмотрѣть островъ и, обогнувъ его, вскорѣ нашелъ удобную стоянку для своихъ кораблей, гдѣ они были защищены отъ бурь и могли безопасно оставаться въ томъ случаѣ, если бы ему пришлось съ экипажемъ выдти на берегъ. Отъ тамошнихъ индѣйцевъ онъ узналъ, между прочимъ, что эта часть острова, очаровавшая его своимъ живописнымъ видомъ, принадлежитъ одному изъ сильнѣйшихъ кациковъ, по имени Гваканагари, который могъ указать ему наиболѣе богатыя мѣсторожденія золота. Но прежде чѣмъ выдти на неизвѣстный берегъ, Колумбъ послалъ предупредить Гваканагари о томъ, что на другой день, утромъ, онъ намѣренъ посѣтить его владѣнія и побывать даже въ его резиденціи. Кацикъ принялъ это извѣстіе съ радостью и приготовился къ пріему дорогого гостя, о которомъ по острову уже ходило столько баснословныхъ разсказовъ.



Къ несчастію, на слѣдующую ночь Колумбъ, утомившись отъ безсмѣннаго управленія кораблемъ и считая дальнѣйшій путь безопаснымъ, потому что погода казалась ясной и тихой, рѣшился немного отдохнуть, а наблюденіе за рулемъ поручилъ одному изъ лоцмановъ, строго приказавъ ему держаться подальше отъ берега. Лоцманъ обѣщалъ въ точности исполнить приказаніе, и адмиралъ, полагаясь на это обѣщаніе, спокойно улегся въ каютѣ. Однако, новый кормчій оказался крайне безпечнымъ: сообразивъ, вслѣдствіе удаленія адмирала, что опасности никакой не предвидится, онъ передалъ руль маленькому юнгѣ, а самъ потихоньку

ушелъ въ каюту, гдѣ обыкновенно спятъ матросы; примѣру его послѣдовали вахтенные, т. е. обязанные караулить въ ту ночь корабль, и вскорѣ на суднѣ крѣпко заснули всѣ, кромѣ одного только ребенка-рулевого. Такъ прошло нѣсколько часовъ; корабль, предоставленный самому себѣ, лѣниво покачивался изъ стороны въ сторону, какъ вдругъ на него налетѣлъ порывъ свѣжаго утренняго вѣтра и сталъ быстро увлекать его къ берегу. Замѣтивъ это, юнга началъ кричать, но, прежде чѣмъ его крики разбудили матросовъ, корабль съ страшнымъ трескомъ ударился о скалу и далъ трещину.

Проснувшись отъ жалобныхъ восклицаній матросовъ, Колумбъ тотчасъ же бросился на палубу; представьте же себѣ его испугъ и сожалѣніе, когда онъ увидѣлъ свой корабль въ опасности быть разбитымъ въ щепы!

Не теряя ни минуты, со всѣмъ хладнокровіемъ человѣка, которому уже много разъ случалось быть на краю погибели, онъ послалъ людей на шлюпкѣ къ другому кораблю за помощью, а самъ между тѣмъ старался отдалить моментъ окончательной гибели, считая ее, впрочемъ, неизбѣжной. Хорошо еще, что море было совершенно тихо въ эту ночь, такъ что шлюпки, посланныя Винцентомъ Пинцономъ, во-время успѣли придти на помощь къ разбитому кораблю, и, благодаря твердости и присутствію духа Колумба, никто изъ матросовъ не сдѣлался жертвой этого несчастія.

Узнавъ съ разсвѣтомъ о крушеніи бѣлыхъ, кацикъ Гваканагари немедленно послалъ имъ на помощь множество своихъ лодокъ, чтобъ перевезти людей, грузъ и остатки самого корабля, который волны разбивали все болѣе и болѣе. При помощи этого великодушнаго дикаря и его подданныхъ, все цѣнное—пушки, одежда, съѣстные припасы, оружіе — было перевезено на берегъ, и Колумбу пришлось лишиться немногаго, о чемъ бы

стоило пожалѣть. Но за-то этотъ случай далъ ему возможность убѣдиться въ необыкновенной честности и безкорыстіи дикарей: имѣя передъ глазами столько вещей, просто безцѣнныхъ по ихъ понятіямъ, никто изъ этихъ простыхъ, невѣжественныхъ людей не рѣшился присвоить себѣ или похитить какую бы-то ни было бездѣлушку, и все было перенесено въ цѣлости.

Колумбъ, тронутый такимъ рѣдкимъ безкорыстіемъ, горячо благодарилъ Гваканагари за оказанную имъ услугу, а тотъ, въ свою очередь, плакалъ отъ радости, что могъ быть полезенъ кацику бѣлыхъ. По случаю этого счастливаго событія и въ честь пріѣзда иностранцевъ, онъ приказалъ устроить въ своемъ селеніи большой праздникъ, на которомъ, разумѣется, начались разнаго рода игры и пляски, причемъ туземцы выказали столько ловкости и граціи, что совершенно изумили европейцевъ. Чтобъ не остаться въ долгу у своихъ радушныхъ хозяевъ и дать имъ понятіе о силѣ европейскаго оружія, Колумбъ приказалъ сдѣлать нѣсколько залповъ изъ пушекъ, привезенныхъ съ разбитаго корабля. Свѣтъ и гулъ выстрѣловъ, отдававшихся раскатами по окрестностямъ, до того поразили дикарей, что они еще болѣе убѣдились въ божественномъ происхожденіи бѣлыхъ, а кацикъ поклялся навсегда остаться другомъ могущественныхъ людей, которые имѣли въ своемъ распоряженіи громъ и молнію и потому могли придти только съ неба.

IX.

Возвращеніе въ Европу.

(1493 г.).

Куда бы ни заходили спутники Колумба, вездѣ первой ихъ заботой было развѣдать о томъ, гдѣ добывается золото, такъ какъ это были по большей части праздные искатели приключеній, стремившіеся въ Новый Свѣтъ только въ надеждѣ на скорое и легкое обогащеніе. Представьте же себѣ радость этихъ людей, когда они увидѣли на головѣ Гваканагари корону изъ литого золота, а въ хижинѣ его множество золотыхъ вещей! Но еще болѣе поразило и обрадовало ихъ то, что всѣ индѣйцы этого племени носили въ ноздряхъ небольшія золотыя сережки, которыя они охотно вымѣнивали на разныя мелочи, предложенныя имъ испанцами. Самъ Гваканагари, повидимому, придавалъ такъ мало значенія своимъ драгоцѣнностямъ, что когда Колумбъ съ удивленіемъ началъ разсматривать его корону, то добрый кацикъ поспѣшилъ предложить ее своему дорогому гостю въ подарокъ, прибавивъ къ этому еще нѣсколько грубо выдѣланныхъ масокъ съ инкрустаціей изъ чистаго золота. На вопросъ адмирала, откуда онъ достаетъ такое количество этого драгоцѣннаго металла, Гваканагари знаками далъ понять, что золото находится въ изобиліи въ одной изъ частей острова, которую онъ назвалъ *Cunao*. Услышавъ это, Колумбъ,

никогда не покидавшій своей любимой мечты отыскать сказочный, плѣнительный Сипанго, тотчасъ же предположилъ, что слова Гваканагари относятся именно къ этой обѣтованной землѣ, и вознамѣривался, во что-бы то ни стало, присоединить ее къ владѣніямъ испанской короны.

Впрочемъ, адмиралъ ясно видѣлъ, что небольшого числа матросовъ, находившихся въ его распоряженіи, совершенно недостаточно для такого завоеванія въ неизвѣстной и отдаленной странѣ: поэтому онъ рѣшился отправиться сначала въ Испанію, сообщить королю о счастливомъ исходѣ своего путешествія и, для довершенія дѣла, просить еще нѣсколько кораблей съ достаточнымъ числомъ матросовъ и охотниковъ.

Затрудненіе было лишь въ томъ, что теперь у него остался только одинъ корабль, на которомъ никакимъ образомъ не могли помѣститься всѣ испанцы, прибывшіе съ нимъ на островъ. Что было дѣлать Колумбу?—предложить нѣкоторымъ изъ своихъ спутниковъ остаться на островѣ до своего вторичнаго прибытія, обѣщая скоро вернуться и привезти имъ всѣмъ королевскія награды? Колумбъ такъ и сдѣлалъ и былъ очень доволенъ, когда нѣсколько человѣкъ, утомленныхъ продолжительнымъ плаваніемъ, съ удовольствіемъ согласились на это предложеніе и выразили готовность остаться на островѣ до возвращенія адмирала, который тотчасъ же позаботился выстроить для ихъ безопасности небольшую крѣпостцу изъ дерева и глины, вооруживъ ее пушками, снятыми съ погибшаго корабля. Поставивши во главѣ остающихся испанцевъ одного изъ наиболѣе достойныхъ лицъ—офицера Арана, онъ увѣщевалъ ихъ повиноваться новому начальнику такъ же безпрекословно, какъ они повиновались ему самому, и просилъ поддерживать дружескія отношенія съ ту-

земцами, чтобы эти послѣдніе не переставали относиться къ европейцамъ съ любовью и уваженіемъ.

Вы легко представите себѣ, милые друзья мои, какъ грустно было испанцамъ провожать своихъ товарищей и какъ тяжело имъ показалось оставаться въ этой чужой странѣ, когда корабль мало по малу исчезъ у нихъ изъ виду и когда они подумали, что лишились теперь послѣдней возможности вернуться на родину,

гдѣ могли даже и не узнать никогда о постигшей ихъ участи, если буря или подводный камень уничтожитъ корабль—эту послѣднюю связь ихъ съ дорогой отчизной. Но больше всѣхъ горевалъ добрый Гваканагари. Онъ былъ безутѣшенъ вслѣдствіе отъѣзда своего новаго друга и, прощаясь съ нимъ, надавалъ ему множество подарковъ—нѣсколько золотыхъ коронъ, большое число масокъ и много золотого песку, которымъ, по его увѣренію, изобиловали берега рѣкъ въ чудесной странѣ Сипао. Колумбъ старался утѣшить добродушнаго дикаря обѣщаніемъ скоро опять посѣтить его, и затѣмъ,

воспользовавшись попутнымъ вѣтромъ, приказалъ поднять паруса на своемъ единственномъ кораблѣ. Скоро онъ уже былъ въ открытомъ морѣ, сопровождаемый привѣтствіями толпы индѣйцевъ, собравшихся на берегу посмотрѣть на отплытіе судна и по своему пожелать благополучнаго плаванія этому кацику бѣлыхъ, который всегда относился къ нимъ съ такой симпатіей.

Не прошло и трехъ дней со времени отъѣзда Колумба изъ Гаити, какъ вдругъ онъ, къ величайшему своему изумленію, замѣтилъ на морѣ европейскій корабль и вскорѣ узналъ въ немъ своего отставшаго товарища—каравеллу Алонзо Пинцона, о которой онъ столько безпокоился. Вы, конечно, уже догадались, что, оставивъ своего адмирала, Алонзо имѣлъ намѣреніе пробраться въ Испанію и тамъ, пользуясь отсутствіемъ Колумба, присвоить себѣ всю славу сдѣланныхъ имъ открытій. Но отъ намѣренія еще далеко до исполненія—и вотъ коварный Пинцонъ сбивается съ пути, каравелла его носится болѣе мѣсяца по прихоти вѣтра въ невѣдомомъ морѣ, и только счастливый случай спасаетъ его отъ неизбѣжной гибели. И какой случай!—встрѣча съ тѣмъ самымъ человѣкомъ, довѣріе котораго онъ обманулъ, съ тѣмъ человѣкомъ, у котораго онъ собирался отнять больше чѣмъ жизнь—его безсмертную славу и великія открытія, стоившія ему столько трудовъ и лишеній. При встрѣчѣ съ нимъ, благородный Колумбъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго выговора своему сопернику, а просто приказалъ ему слѣдовать за собой, и Алонзо Пинцонъ, мучимый злобой и завистью, не только не посмѣлъ ослушаться, но даже впродолженіе всего остального пути, длившагося больше мѣсяца, старался выказать передъ адмираломъ свою покорность и раскаяніе.

Однако, теперь плаваніе было не такъ благополучно,

какъ въ первый разъ: путешественниковъ застигла буря, грозная, величественная буря въ открытомъ морѣ, отъ которой нѣтъ убѣжища. Все небо покрылось густыми, свинцоваго цвѣта тучами, громадные валы то поднимали корабли на воздухъ, то бросали ихъ въ зіяющую морскую пучину, угрожавшую имъ каждую минуту гибелью. Буря свирѣпствовала уже трое сутокъ, и упавшіе духомъ матросы, измученные этой неравной борьбой со страшной стихіей, считали

себя обреченными на смерть, видя въ ней справедливую кару, ниспосланную небомъ за дерзкую попытку открыть страны, такъ долго скрытыя отъ людей самимъ Богомъ. Поднялся ропотъ противъ того, кто навлекъ ужасное мщеніе разгнѣваннаго божества на весь экипажъ, проснулись звѣрскіе инстинкты, заговорило чувство самосохраненія, и обезумѣвшіе отъ страха матросы, не зная въ чемъ искать спасенія, стали предлагать бросить въ море индѣйцевъ, взятыхъ адмираломъ съ собой, думая этимъ облегчить немного

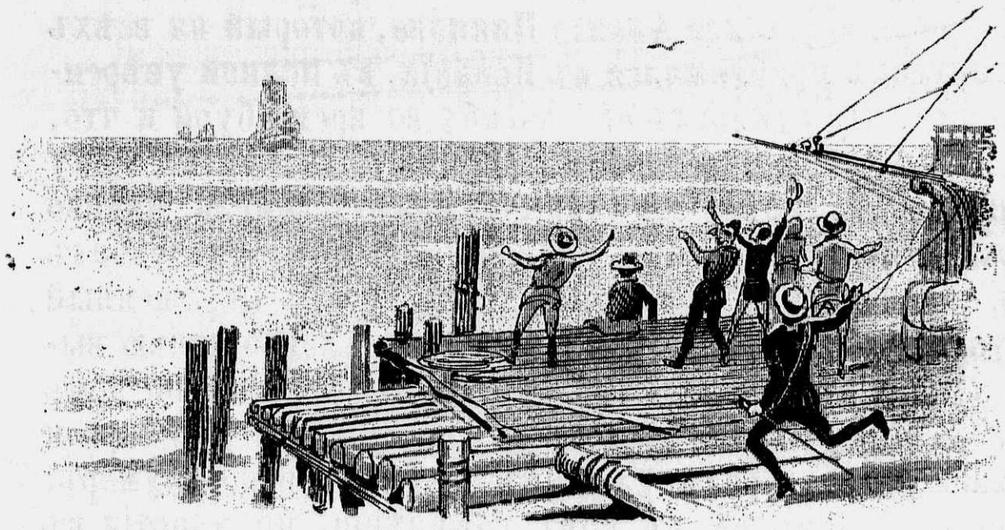
корабль и втайнѣ, можетъ быть, даже надѣясь смягчить гнѣвъ мстительнаго божества, пожертвовавъ язычниками. Но Колумбъ былъ слишкомъ гуманенъ и великодушенъ, чтобы согласиться на такую жестокость: со всей силой своего авторитета возсталъ онъ противъ такого варварскаго намѣренія и энергическимъ противодѣйствіемъ довелъ большинство своихъ спутниковъ до раскаянія въ этомъ безчеловѣчномъ предложеніи.

Между тѣмъ буря все не утихала, и опасность увеличивалась съ каждой минутой; корабль Алонзо Пинцона снова скрылся изъ виду, и на этотъ разъ уже никто не сомнѣвался, что его разбило бурей. Экипажъ окончательно выбился изъ силъ и потерялъ бодрость; надежды на спасеніе, повидимому, не оставалось никакой, и потому всѣ обратились къ молитвѣ, этому послѣднему прибѣжищу грубыхъ, невѣжественныхъ людей, которые, истощивъ въ борьбѣ съ препятствіемъ угрозы и проклятія и видя, наконецъ, что человѣческая помощь невозможна, начинаютъ сокрушаться о своихъ грѣхахъ и умолять Провидѣніе отвратить отъ нихъ грозящую опасность. Такъ же поступили и матросы Колумба: въ порывѣ искренней набожности, бывшей, однако, результатомъ страха, бросились они на колѣни и молились горячо, со слезами, молились такъ, какъ, можетъ быть, еще никогда въ своей жизни, и дали обѣтъ сходить босикомъ на поклоненіе Божіей Матери въ ближайшую часовню отъ того мѣста, гдѣ Провидѣнію угодно будетъ дать имъ возможность сойти на берегъ. Кромѣ того, съ общаго согласія, было рѣшено бросить жребій, съ тѣмъ условіемъ, чтобы вынувшій его отправился на богомолье ко всѣмъ наиболѣе уважаемымъ въ Испаніи святымъ принести благодарственную молитву за спасеніе товарищей отъ смерти. По странной случайности жребій нѣсколько разъ падалъ на

Колумба, который, какъ человѣкъ глубоко религіозный, охотно согласился выполнить условіе, если Богу угодно будетъ сохранить корабль и всѣхъ бывшихъ на немъ отъ неминуемой опасности. Послѣ этого, матросы нѣсколько ободрились и, возложивъ надежды на божественное милосердіе, сохранившее ихъ невредимыми во всѣхъ опасностяхъ далекаго плаванія, спокойнѣе стали ожидать той участи, которую пошлетъ имъ благое Провидѣніе.

Но самого Колумба, впродолженіе этой ужасной бури, тревожила не мысль о смерти, повидимому неизбѣжной, а мучительное сознаніе, что вмѣстѣ съ нимъ должны погибнуть для міра всѣ открытія, сдѣланныя имъ съ такимъ успѣхомъ и въ такое короткое время. Подъ вліяніемъ опасенія, что Новый Свѣтъ можетъ снова погибнуть для Европы, если корабль пойдетъ ко дну, Колумбу пришла счастливая мысль обернуть восковыми листами свой дневникъ, или корабельный журналъ, куда онъ ежедневно записывалъ всѣ подробности своего путешествія, закупорить этотъ свертокъ въ боченокъ и, въ случаѣ кораблекрушенія, пустить его въ море. Колумбъ надѣялся, что теченіемъ боченокъ будетъ принесенъ когда-нибудь къ берегамъ Европы, гдѣ, хотя черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти, человѣчество узнаетъ, что онъ осуществилъ свое предпріятіе, казавшееся всѣмъ безумной мечтой, а будущіе мореплаватели, пользуясь указаніями, находящимися въ журналѣ, получатъ возможность отыскать Лукайскіе острова и богатую Испаньолу. Обычай закупоривать письменные документы и корабельные журналы въ засмоленныя бутылки или бочки еще и до сихъ поръ сохраняется между моряками, когда они находятся въ опасности, и часто это служитъ для нихъ единственнымъ средствомъ сохранить для друзей и родныхъ свою послѣднюю волю и повѣсть о своихъ приключеніяхъ или извѣстить ихъ о своей участи.

По счастью, дорогіе друзья мои, это средство оказалось ненужнымъ для Колумба: буря, наконецъ, утихла, волненіе успокоилось, небо опять сдѣлалось ясно, и вскорѣ наши путешественники увидѣли невдалекѣ Азорскіе острова, принадлежавшіе тогда, какъ вамъ извѣстно, португальцамъ. Можете себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ Колумбъ и его товарищи со-



шли на землю, когда корабль присталъ къ одному изъ гостепріимныхъ острововъ! Они не забыли при этомъ обѣта, даннаго въ тяжелую минуту опасности, и тотчасъ по выходѣ на берегъ, босые, отправились въ часовню, находившуюся неподалеку, распѣвая по дорогѣ трогательный, благодарственный гимнъ Богородицѣ, особенно употребительный между моряками, именующими ее въ этомъ славословіи «Звѣздою морей».

Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха, который былъ такъ необходимъ для утомленнаго экипажа, корабль снова вышелъ въ море и черезъ нѣсколько времени

благополучно бросилъ якорь въ Палосской гавани, откуда, семь мѣсяцевъ тому назадъ, онъ отправился на поиски новой части свѣта. Еще издали замѣтивъ корабль, всѣ жители города столпились на берегу, съ радостнымъ изумленіемъ встрѣтили прибывшихъ и просто глазамъ своимъ не вѣрили, чтобы люди, отправившіеся въ такое далекое, опасное путешествіе, которыхъ друзья и родные уже оплакивали, какъ умершихъ, могли вернуться здравыми и невредимыми.

Черезъ день послѣ прибытія Колумба, показалась на морѣ каравелла Алонзо Пинцона, который на всѣхъ парусахъ приближался къ Испаніи, въ полной увѣренности, что адмиралъ его погибъ во время бури и что, слѣдовательно, теперь уже ничто не помѣшаетъ ему присвоить себѣ честь открытія новыхъ земель. Каково же было отчаяніе этого обманщика, когда онъ узналъ о счастливомъ возвращеніи адмирала! Пораженный такимъ неожиданнымъ извѣстіемъ, Алонзо ночью высадился на берегъ, потихоньку пробрался въ свой домъ и уже не выходилъ изъ него, потому что отъ горя и зависти захворалъ, слегъ въ постель и вскорѣ умеръ, не возбудивъ ни въ комъ сожалѣнія, ни участія къ своей преждевременной кончинѣ.

X.

Торжество Колумба.

(1493 г.).

Невозможно передать вамъ, милые друзья мои, изумленія и восторга всей Испаніи, при вѣсти о благополучномъ возвращеніи Колумба и о необыкновенно счастливомъ результатѣ его путешествія.

Король и королева, которыхъ Колумбъ поспѣшилъ извѣстить о своемъ прибытіи, пожелали, чтобы онъ немедленно явился въ Барселону, гдѣ тогда находился весь дворъ, потому что въ то время испанскіе короли не имѣли опредѣленной столицы, а жили попеременно въ главнѣйшихъ городахъ своего королевства. Получивъ предписаніе Фердинанда и Изабеллы, Колумбъ тотчасъ же отправился въ Барселону, причемъ ему пришлось проѣхать большую часть Испаніи, такъ какъ разстояніе между тогдашней резиденціей и Палосской гаванью было довольно значительно. Путешествіе это было настоящимъ тріумфомъ для великаго мореплавателя: изъ всѣхъ городовъ и деревень, черезъ которые онъ проѣзжалъ, жители сбѣгались толпами и окружали его, если не блестящей, то почетной свитой; каждому хотѣлось посмотрѣть на великаго человѣка, обезсмертившаго геніальнымъ открытіемъ не только свое имя, но также имена своихъ спутниковъ и ту страну, которая доставила ему средства осуществить славное

предпріятіе. Впрочемъ, нужно сказать, что къ чувству національной гордости примѣшивалась и значительная доля любопытства, возбуждаемаго индѣйцами, сопровождавшими адмирала. Ихъ странная наружность, мѣдно-красный цвѣтъ кожи, испещренной необыкновенными изображеніями, множество надѣтыхъ на нихъ золотыхъ украшеній,—все это производило на толпу сильное впечатлѣніе и приводило ее въ неописанный восторгъ.

Такъ, посреди радостныхъ восклицаній народа, посреди всеобщаго одобренія, прибылъ Колумбъ въ Барселону, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ждали Фердинандъ и Изабелла и гдѣ ему приготовили великолѣпную встрѣчу: вдоль улицъ, по которымъ долженъ былъ ѣхать великій адмиралъ во дворецъ, всѣ дома были украшены флагами и цвѣтами; съ ранняго утра вездѣ толпился народъ, одѣтый по праздничному; за городскими воротами встрѣтилъ мореплавателя отрядъ лучшаго испанскаго войска и присоединился къ его свитѣ.

Наконецъ, показался Колумбъ, привѣтствуемый громкими криками собравшагося народа; онъ ѣхалъ верхомъ на великолѣпной андалузской лошади, подаренной ему королемъ, скромный, сдержанный и какъ бы стѣснявшійся оказываемыми ему почестями. Въ свитѣ адмирала находились самыя знатныя и богатыя лица того времени; но на нихъ уже никто не обращалъ вниманія, и всѣ глаза были устремлены на знаменитаго путешественника, впереди котораго шли шестеро нагихъ татуированныхъ индѣйцевъ: на головахъ у нихъ были надѣты массивныя золотыя короны, на рукахъ—браслеты изъ того же металла, и всѣ они несли инструменты и оружіе, употребляемые дикарями. Впереди ихъ везли красивыхъ живыхъ попугаевъ и другихъ птицъ, которыя водятся на Лукайскихъ островахъ и

живописной Испаньолѣ; кромѣ того, тутъ же были собраны остальныя произведенія этихъ богатыхъ странъ—ароматическія растенія, самые рѣдкіе плоды и, наконецъ, большое количество золотого песку. Между прочимъ, тутъ были и маски съ золотой инкрустаціей—подарокъ добряка Гваканагари. Очень естественно, что всякому хотѣлось посмотрѣть на эти диковинки; народъ тѣснился вокругъ нихъ, и со всѣхъ сторонъ слышались восторженныя похвалы генію Христофора Ко-

лумба, открывшаго новыя страны, гдѣ было столько прекрасныхъ произведеній.

Фердинандъ и Изабелла, окруженные знатнѣйшими вельможами, ожидали Колумба въ тронномъ залѣ, богато украшенномъ для его пріема. При появленіи славнаго мореплавателя, король и королева, движимые невольнымъ чувствомъ уваженія, поднялись съ своего трона и даже не позволили великому человѣку стать на колѣни, какъ этого требовалъ придворный церемоніалъ того времени, но милостиво протянули ему руки, которыя онъ почтительно поцѣловалъ, и пригласили

сѣсть на приготовленное для него мѣсто, у подножія трона,—честь, до тѣхъ поръ еще невиданная при испанскомъ дворѣ, гдѣ никому, даже самымъ знатнымъ лицамъ, не позволялось садиться въ присутствіи короля и королевы. Колумбъ повиновался съ достоинствомъ, свойственнымъ истинному генію, и, получивъ приказаніе разсказать исторію своихъ открытій, спокойно передалъ все, что случилось съ нимъ со времени отъѣзда изъ Испаніи. Всѣ слушали этотъ краснорѣчивый разсказъ съ напряженнымъ вниманіемъ, хотя онъ продолжался нѣсколько часовъ.

Когда Колумбъ кончилъ, король и королева встали съ своихъ мѣстъ и съ благоговѣніемъ преклонили колѣни предъ Всевышнимъ, а всѣ присутствующіе запѣли трогательный гимнъ, выражавшій горячую благодарность за всѣ благодѣянія, которыми небо наградило Испанію, сдѣлавъ ее обладательницей странъ, еще неизвѣстныхъ ни одной націи въ мірѣ. Послѣ этого общаго молебствія, знатнѣйшіе вельможи проводили Колумба въ приготовленный для него дворецъ, а на слѣдующій день онъ получилъ богатые королевскіе подарки, причемъ ему было обѣщано снарядить въ самомъ непродолжительномъ времени нѣсколько кораблей, съ достаточнымъ числомъ матросовъ, чтобы окончательно утвердить за Испаніей славное пріобрѣтеніе.

Такимъ образомъ теперь Колумбъ находился на верху славы и могущества; но, принося смиренную молитву Провидѣнію за чудесное спасеніе отъ всѣхъ опасностей, великій мореплаватель, конечно, не предвидѣлъ, что скоро зависть и злоба людей заставятъ его испытать такія бѣдствія, предъ которыми ничтожны бури и непогоды, перенесенныя имъ на морѣ.

XI.

Колумбъ въ оковахъ.

(Отъ 1493 до 1504 г.).

Въ то время какъ въ Испаніи превозносили геній Колумба и оказывали ему всевозможныя почести, на далекомъ островѣ, имъ открытомъ, происходили страшныя несчастія, которыхъ не могъ и ожидать благородный путешественникъ.

Большая часть испанцевъ, оставленныхъ имъ на Испаньолѣ, оказались людьми грубаго и непокорнаго нрава; едва только корабль, уносившій Колумба, успѣлъ скрыться изъ виду, какъ они уже перестали повиноваться своему новому начальнику и рѣшили жить каждый самъ по себѣ, не давая никому отчета въ своихъ поступкахъ: прежде всего, конечно, они начали притѣснять бѣдныхъ индѣйцевъ, дурно обращались съ ними и заставляли приносить себѣ все золото, которое у тѣхъ еще оставалось. Напрасно Гваканагари старался устранить всякій поводъ къ насиліямъ, приказывая своимъ подданнымъ добровольно отдать бѣлымъ все свое имущество, не исключая даже хижинъ; покорность индѣйцевъ нисколько не смягчала грубаго обращенія испанскихъ пришельцевъ, позволявшихъ себѣ всякія жестокости относительно туземцевъ и не щадившихъ при этомъ даже женщинъ и дѣтей. Кроткіе дикари недоумѣвали, какимъ образомъ бѣлые, которыхъ

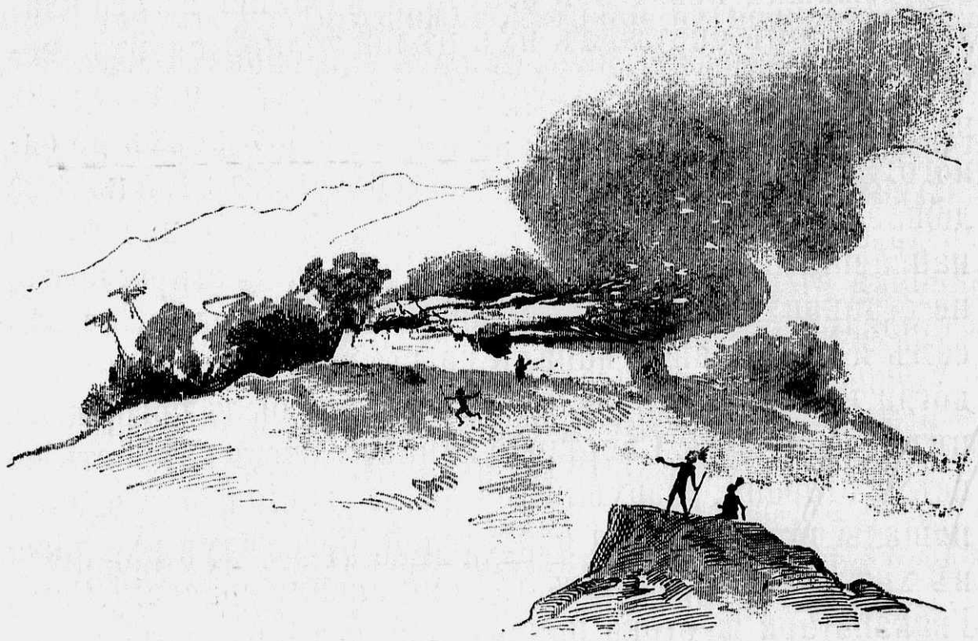
они считали чуть не богами, сошедшими съ неба, могутъ быть такъ безжалостны и злы; но противиться этимъ людямъ они все-таки не рѣшались, вслѣдствіе того, что огнестрѣльное оружіе, одежда и сама наружность европейцевъ внушали имъ непобѣдимый страхъ; благодаря такому превосходству, населеніе цѣлой области безмолвно покорялось горсти чужеземцевъ, невыразимо страдая отъ ихъ деспотизма.

Но извѣстно, что взаимное согласіе не можетъ быть продолжительно между людьми грубыми, злыми, особенно если ихъ не сдерживаетъ никакая внѣшняя сила; насиліе и жестокость, съ которыми они сначала преслѣдуютъ слабыхъ и беззащитныхъ, обращаются впослѣдствіи противъ нихъ же самихъ: они начинаютъ ссориться, враждовать между собою и, наконецъ, дѣлаются жертвами собственныхъ раздоровъ. Тоже случилось и съ безразсудными спутниками Колумба: отказавшись признавать надъ собой начальство Арана, они не въ состояніи были мирно ужиться въ своей маленькой крѣпости, гдѣ по крайней мѣрѣ каждый изъ нихъ могъ считать себя безопаснымъ отъ нападенія внѣшнихъ враговъ; они перессорились между собой до такой степени, что дѣло не разъ доходило до драки, и, наконецъ, раздѣлившись на нѣсколько небольшихъ партій, разбрелись по всему острову отыскивать знаменитую страну Сипао, гдѣ, по увѣренію индѣйцевъ, русла рѣкъ состояли изъ золотого песку, а въ землѣ находились слитки этого драгоцѣннаго металла. Видя малочисленность и слабость своихъ мучителей, дикари, мало-по-малу, перестали ихъ бояться и ждали только удобнаго случая, чтобъ отдѣлаться отъ непрошенныхъ гостей. Случай этотъ вскорѣ представился.

Нужно вамъ сказать, что не всѣ кацики острова Гаити были такъ кротки и миролюбивы, какъ добрый Гваканагари; напротивъ, одинъ изъ нихъ, именно владѣлецъ страны Сипао, отличался дикимъ и воинственнымъ характеромъ. Туземцы называли его Каонабо (господинъ золотого дома), потому что онъ обладалъ большими сокровищами. Этотъ Каонабо чувствовалъ непримиримую ненависть къ испанцамъ и, узнавши, какую ничтожную горсть людей оставилъ Колумбъ на островѣ, рѣшился воспрепятствовать дерзкимъ пришельцамъ завладѣть его богатствами. Поэтому, когда нѣсколько неосторожныхъ искателей золота показались въ его владѣніяхъ, онъ окружилъ ихъ цѣлой толпой своихъ воиновъ, вооруженныхъ дубинами и стрѣлами, и, несмотря на отчаянное сопротивленіе, уничтожилъ всѣхъ до одного. Затѣмъ, не дожидаясь, чтобы вѣсть объ этой побѣдѣ дошла до остальныхъ европейцевъ, Каонабо поспѣшно направился въ страну, занимаемую Гваканагари; шелъ, не останавливаясь, день и ночь по непроходимымъ лѣсамъ и неожиданно напалъ на крѣпостцу въ то время, когда немногочисленный отрядъ Арана былъ погруженъ въ глубокій сонъ. Свирѣпый кацикъ зажегъ крѣпость со всѣхъ сторонъ, разрушилъ ее до основанія и безъ всякой пощады истребилъ ея обитателей, преслѣдуя ихъ даже въ хижинахъ индѣйцевъ, гдѣ они искали спасенія. Самъ Гваканагари жестоко поплатился за то, что хотѣлъ защитить своихъ гостей: онъ былъ раненъ камнемъ въ ногу, и многіе изъ его подданныхъ были убиты у него на глазахъ. Какъ видите, спутники Колумба въ самомъ непродолжительномъ времени получили достойное наказаніе за свои безчеловѣчные поступки съ бѣдными дикарями, и кровь европейцевъ впервые обагрила тогда землю Новаго Свѣта.

Между тѣмъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ Испаніи, Колумбъ получилъ обѣщанные Фердинандомъ корабли, и на этотъ разъ уже не жалкія каравеллы, а большія, прочныя суда, число которыхъ

было такъ значительно, что адмиралъ могъ взять съ собой не только матросовъ и солдатъ, но также хлѣбопашцевъ, ремесленниковъ, плотниковъ, каменьщиковъ и др. рабочихъ. Кромѣ того, Колумбъ принужденъ былъ принять въ число своихъ спутниковъ множество искателей приключеній, стекавшихся изъ всѣхъ государствъ и спѣшившихъ отправиться въ новую страну, разсчитывая пріобрѣсти тамъ значительныя богатства.



Колумбъ позаботился также запастись земледѣльческими орудіями, разными инструментами, необходимыми для постройки домовъ, взялъ множество домашнихъ животныхъ — куръ, барановъ, свиней, коровъ, лошадей нѣсколькихъ породъ и, наконецъ, собакъ — такъ какъ въ первое свое путешествіе онъ замѣтилъ, что ни одного изъ этихъ полезныхъ животныхъ не было на открытыхъ имъ островахъ. Съ такимъ богатымъ запасомъ всякихъ средствъ для колонизаціи новой страны отплылъ Колумбъ отъ живописныхъ береговъ Андалузіи,

при громадномъ стеченіи народа, привѣтствовавшаго уѣзжающихъ громкими криками и пожеланіями успѣха.

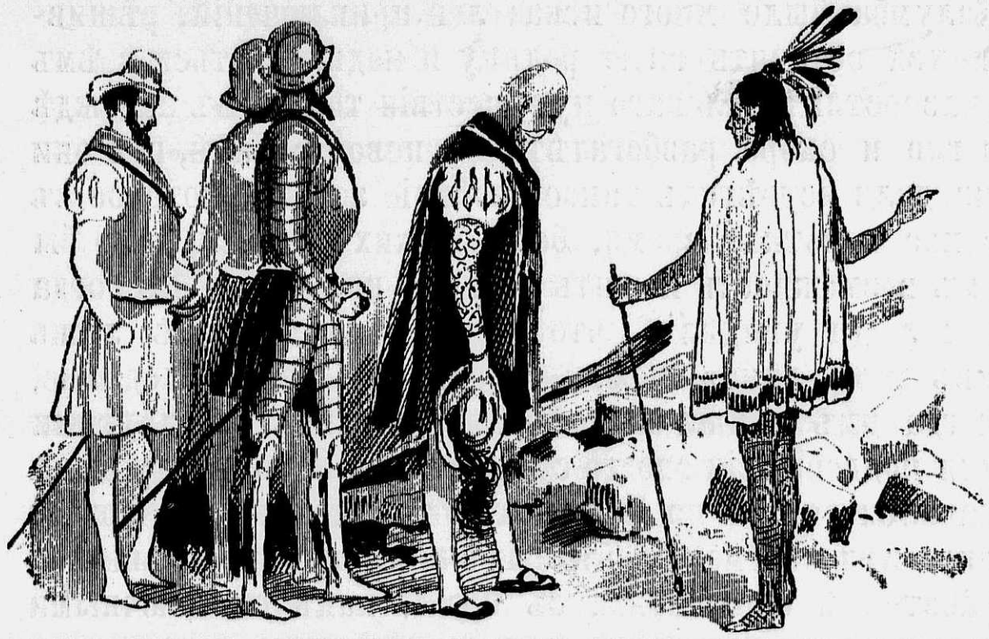
Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ флотилія Колумба достигла Новаго Свѣта, открывъ на пути еще группу острововъ, покрытыхъ роскошной растительностью. Но когда одинъ изъ кораблей подошелъ къ самому большому острову и нѣсколько человѣкъ офицеровъ и матросовъ, посланныхъ адмираломъ, хотѣли сойти на берегъ, то туземные жители встрѣтили ихъ цѣлымъ градомъ камней и стрѣлъ и дружнымъ нападеніемъ заставили европейцевъ удалиться. Впрочемъ, эти послѣдніе все-таки захватили въ плѣнъ нѣсколькихъ женщинъ, которыя знаками объяснили, что онѣ были плѣнницы караибовъ, племени чрезвычайно свирѣпаго и даже имѣвшаго обыкновеніе пожирать своихъ плѣнныхъ, почему европейцы назвали это племя антропофагами, т. е. людоѣдами. Нечего и говорить, какой ужасъ овладѣлъ всѣми испанцами при такомъ страшномъ извѣстіи и какъ спѣшили они уйти отъ негостепріимнаго острова; съ отвращеніемъ разсматривали они нѣсколькихъ представителей этого свирѣпаго племени, которыхъ удалось захватить матросамъ, распорядившись предварительно надѣть на нихъ цѣпи и привязать къ мачтамъ, что, конечно, нисколько не способствовало смягченію нрава суровыхъ дикарей, а бывшихъ плѣнницъ взяли на корабль и такимъ образомъ спасли несчастныхъ женщинъ отъ вѣрной смерти. Покидая Караибскіе острова, Колумбъ назвалъ самый большой изъ нихъ Гваделупой, изъ уваженія къ нѣсколькимъ монахамъ, которые при отъѣздѣ просили его дать названіе ихъ монастыря первому изъ вновь открытыхъ острововъ. Названіе это сохранилось до сихъ поръ, и вы, безъ сомнѣнія, знаете, что Гваделупа съ сосѣдними островами принадлежитъ теперь Франціи. Еще издали

примѣтилъ Колумбъ голубоватыя горы Испаньолы и, желая поскорѣе обрадовать оставшихся тамъ испанцевъ, приказалъ сдѣлать нѣсколько залповъ изъ пушекъ, чтобы извѣстить ихъ о своемъ прибытіи. Но, къ удивленію и досадѣ адмирала, на берегу не показывался никто, кромѣ нѣсколькихъ дикарей, да и тѣ бросились бѣжать въ сосѣдніе лѣса, какъ только увидѣли корабли. Судите-же сами, каково было огорченіе добраго адмирала, когда посланные на берегъ матросы принесли печальную вѣсть, что на томъ мѣстѣ, гдѣ была маленькая крѣпость, они нашли только груду развалинъ, обломки оружія, лоскутки одежды и кучу человѣческихъ костей, повидимому принадлежащихъ европейцамъ.

При этомъ страшномъ извѣстіи, спутники Колумба пришли въ сильное негодованіе и, подозрѣвая въ убійствѣ своихъ единоплеменниковъ кацика Гваканагари, требовали ужасной мести этому измѣннику. Но Колумбъ не хотѣлъ вѣрить такому коварству своего друга и рѣшился прежде увидѣться съ нимъ; тогда кроткій кацикъ со слезами на глазахъ разсказалъ ему о всемъ случившемся и, въ подтвержденіе своихъ словъ, указалъ на рану, полученную имъ при защитѣ бѣлыхъ, и груды пепла, оставшіяся отъ индѣйскихъ хижинъ, сожженныхъ свирѣпымъ Каонабо. Вполнѣ довѣряя правдивости и честности своего друга, Колумбъ искренно обнялъ его и обѣщалъ сохранить къ нему прежнія миролюбивыя отношенія; но остальные европейцы подозрительно смотрѣли на бѣднаго кацика, да и самъ онъ относился къ нимъ недовѣрчиво, потому что изъ опыта узналъ, какъ жестоки и безчеловѣчны могутъ быть эти бѣлые.

Черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія на Испаньолу, когда съ кораблей было выгружено все привезенное изъ Европы, Колумбъ приступилъ къ постройкѣ

города, названнаго имъ въ честь испанской королевы Изабеллой, и скоро на пустынномъ берегу острова, покрытаго прежде только густымъ дѣвственнымъ лѣсомъ, какъ бы чудомъ возникли стѣны европейскаго города. Въ то же время и земледѣльцы принялись за работы: вспахали большія пространства земли и посѣяли на ней хлѣбныя растенія, привезенныя изъ Испаніи; кромѣ того, они насадили нѣсколько плантацій сахарнаго тростника, взятаго ими съ острова Сици-



ліи, гдѣ это драгоцѣнное растеніе разводилось уже давно. По прошествіи нѣкотораго времени, новые поселенцы съ радостью увидѣли, что европейскія растенія отлично принимаются на этой благодарной почвѣ, никогда не знавшей культуры, и скоро окрестности Изабеллы покрылись роскошными зелеными полями и плантаціями. Такъ какъ число рабочихъ рукъ было недостаточно для процвѣтанія новой колоніи, то Колумбъ распорядился дать въ помощь каждому европейцу нѣсколькихъ дикарей, которые хотя и были слабы, даже

изнѣжены отъ дѣйствія жаркаго и влажнаго климата, но по своей понятливости могли быть очень полезны при всякихъ работахъ. Приведя все въ порядокъ, адмиралъ дѣятельно началъ собирать золото, вымѣнивая его у дикарей на погремушки и другія мелкія вещицы, привезенныя имъ изъ Европы и имѣвшія въ глазахъ туземцевъ гораздо большую цѣну, чѣмъ кусочки желтаго металла, столь обыкновеннаго на ихъ родинѣ.

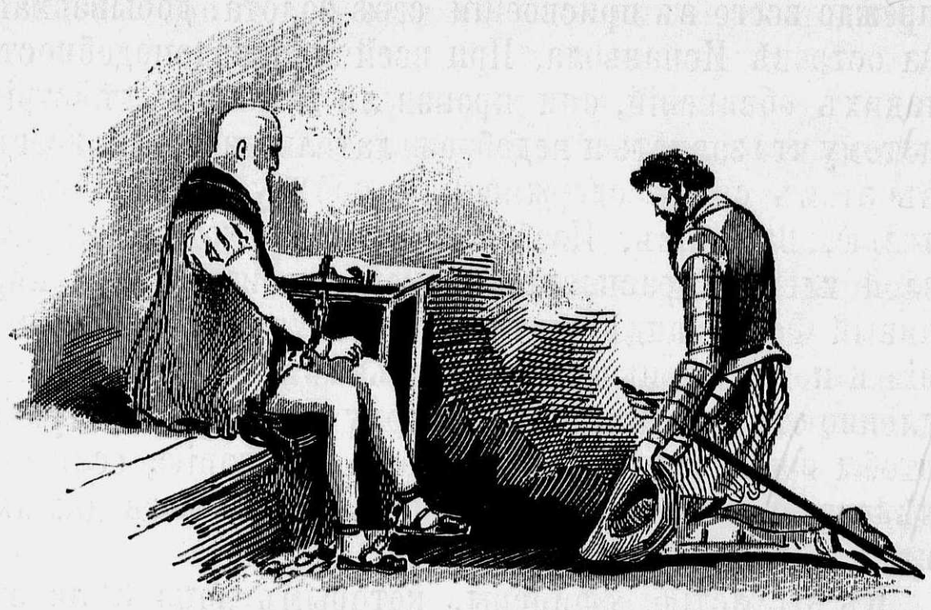
Вы, конечно, не забыли, что въ числѣ спутниковъ Колумба было много искателей приключеній, рѣшившихся оставить свою родину и подвергнуться всѣмъ опасностямъ далекаго путешествія только въ надеждѣ легко и скоро разбогатѣть въ новой странѣ, гдѣ они ожидали встрѣтить такое изобиліе золота, которое въ самое короткое время, безъ всякихъ усилій, дало бы имъ возможность нажить большіе капиталы. Но когда эти люди увидѣли, что и въ Новомъ Свѣтѣ лишь «въ потѣ лица» можно пріобрѣсти все необходимое, когда имъ пришлось работать наравнѣ съ другими для поддержанія своего существованія, то между ними начался ропотъ на Колумба за то, что онъ не позволялъ имъ обременять бѣдныхъ индѣйцевъ непосильной работой и обращаться съ ними, какъ съ вьючными животными; наконецъ, не довольствуясь этимъ, они прямо рѣшились упрекать адмирала въ томъ, что онъ обманулъ ихъ. Жизнь, полная труда и лишеній, скоро наскучила наѣхавшимъ авантюристамъ, жаждавшимъ только богатства, и они приступили къ Колумбу съ просьбой отпустить ихъ обратно въ Европу, на что тотъ охотно согласился, желая избавиться отъ праздныхъ и безпокойныхъ тунеядцевъ. Это была большая неосторожность со стороны Колумба, который, какъ всѣ благородные и великодушные люди, не могъ подозрѣвать другихъ въ томъ, на что самъ не былъ способенъ.

А между тѣмъ, дозволивъ этимъ обманувшимся въ своихъ ожиданіяхъ эмигрантамъ вернуться въ Испанію, онъ нажилъ себѣ въ нихъ непримиримыхъ враговъ, не замедлившихъ заплатить ему самой черной неблагодарностью за всѣ оказанныя имъ услуги.

Едва успѣли эти недовольные вернуться въ Испанію, какъ принялись распространять о Колумбѣ самыя гнусныя клеветы, стараясь обвинить его передъ королемъ и королевой въ разныхъ небывалыхъ преступленіяхъ и прежде всего въ присвоеніи себѣ золота, добываемаго на островѣ Испаньола. При всей неправдоподобности такихъ обвиненій, они произвели желанное дѣйствіе, потому что зависть и недоброжелательство почти всегда въ этомъ свѣтѣ одерживаютъ побѣду надъ добродѣтелью. Впрочемъ, Изабелла долго не хотѣла вѣрить злой клеветѣ, распространяемой о любимцѣ; но довѣрчивый Фердинандъ считалъ ее заслуживающей вниманія и потому приказалъ нѣсколькимъ офицерамъ немедленно отправиться на Испаньолу и привезти Колумба, чтобы подвергнуть его строгому наказанію, если онъ дѣйствительно окажется виновнымъ въ возводимыхъ на него преступленіяхъ.

Къ несчастію, офицеры, которымъ дано было это щекотливое порученіе, оказались людьми грубыми, заранѣе предубѣжденными противъ адмирала и потому склонными вѣрить всѣмъ сплетнямъ, распускавшимся его врагами. Вслѣдствіе этого, не наводя никакихъ справокъ, не дѣлая никакихъ попытокъ узнать истину, королевскіе посланные обманомъ заманили Колумба на свой корабль и дерзко потребовали, чтобъ онъ ѣхалъ съ ними обратно въ Испанію. Мало того, они рѣшились заковать въ цѣпи, какъ вора или убійцу, этого великаго человѣка, которому міръ былъ обязанъ открытіемъ богатѣйшей страны свѣта. Безропотно, не

произнеся ни одной жалобы, подчинился славный мореплаватель грубымъ требованіямъ своихъ тирановъ и даже самъ старался отклонить намѣреніе матросовъ, предлагавшихъ, въ порывѣ преданности и состраданія къ своему дорогому адмиралу, разбить его недостойныя оковы и силою освободить изъ рукъ низкихъ клеветниковъ. «Если эти оковы, говорилъ онъ, надѣты на меня по приказанію короля, то ему одному принадлежитъ и право снять ихъ». Но, несмотря на цѣпи



и стражу, несмотря на унизительное обвиненіе, тяготѣвшее надъ нимъ, Колумбъ, впродолженіе всего пути, былъ окруженъ на кораблѣ, гдѣ считался плѣнникомъ, такимъ уваженіемъ и почетомъ со стороны всего экипажа, что даже его тюремщики не осмѣливались говорить съ нимъ иначе, какъ преклонивъ колѣна и съ открытой головой.

Невозможно представить себѣ, какое негодованіе овладѣло всѣми испанцами, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Колумбъ снова прибылъ въ Палосскую гавань, но уже не торжествующій, а подъ стражей, какъ преступникъ. Даже король и королева были поражены, узнавъ о тѣхъ строгихъ мѣрахъ, которыя были приняты отъ ихъ имени противъ человѣка, обезсмертившаго ихъ царствованіе, и потребовали, чтобы Колумбъ былъ тотчасъ освобожденъ и явился во дворецъ. Но оскорбленный адмиралъ не хотѣлъ снимать унизительныя оковы до тѣхъ поръ, пока не оправдается публично отъ всѣхъ обвиненій, направленныхъ противъ него, и только личная просьба Изабеллы заставила его измѣнить свое рѣшеніе. Нужно ли говорить вамъ, что скоро Колумбъ былъ совершенно оправданъ, а низкіе клеветники, обвинившіе его, подверглись справедливому гнѣву короля и должны были безмолвно выносить презрѣніе всей Испаніи.

Несмотря на то, Колумбъ не могъ стать выше несправедливости, оказанной ему, и униженіе, испытанное имъ въ глазахъ цѣлаго свѣта, оставило въ его душѣ такіе глубокіе слѣды, что онъ уже былъ не въ состояніи оправиться отъ этого жестокаго удара. Цѣпи, въ которыя онъ былъ закованъ своими жестокими и завистливыми врагами, приказалъ онъ повѣсить у своей постели и хотя впослѣдствіи предпринималъ еще два путешествія, причемъ сдѣлалъ много новыхъ открытій, но въ немъ уже не замѣчалось прежнихъ силъ и бодрости. Черезъ нѣсколько лѣтъ великій мореплаватель возвратился въ Испанію, опасно занемогъ, узнавъ о смерти своей покровительницы, королевы Изабеллы, и вскорѣ умеръ, еще не старый, но убитый жестокимъ оскорбленіемъ, которое подѣйствовало на его здоровье гораздо разрушительнѣе, чѣмъ безчисленные труды, опасности и лишенія, испытанныя втеченіе всей его жизни.

Сыну своему Діего, принимавшему участіе въ двухъ послѣднихъ путешествіяхъ, Колумбъ оставилъ большое состояніе и титулъ адмирала обѣихъ Индій; но цѣпи,

нѣкогда надѣтыя на него завистниками, онъ желалъ унести съ собой даже въ могилу и, умирая, завѣщалъ, чтобы ихъ положили въ его гробъ. Такъ погибъ одинъ изъ величайшихъ геніевъ, когда либо прославившихъ человѣчество, погибъ подъ бременемъ глубокаго огорченія, вслѣдствіе несправедливости людей, и безсмертная слава его открытій не могла примирить его съ неблагодарностью согражданъ.

XII.

Америко-Веспучи.

(Отъ 1498 до 1512 г.).

Съ тѣхъ поръ какъ, благодаря генію и предпріимчивости Христофора Колумба, Новый Свѣтъ сдѣлался достояніемъ Европы, всѣ отважные авантюристы того времени стремились къ открытію невѣдомыхъ отдаленныхъ странъ. Страсть къ опаснымъ путешествіямъ овладѣла всѣми европейскими мореходцами и особенно португальскими, которые прежде другихъ пускались въ рискованныя, отдаленныя путешествія и потому съ неудовольствіемъ смотрѣли на то, что великій генуэзецъ совершенно затмилъ славу ихъ подвиговъ у береговъ Африки своими геніальными открытіями. Нѣкоторые изъ неустрашимыхъ португальскихъ мореплавателей рѣшились снова испытать свои силы на этомъ пути и сдѣлали не мало чрезвычайно важныхъ открытій.

Еще въ то время, когда Колумбъ предпринималъ свои послѣднія путешествія, одинъ опытный португальскій морякъ, Васко-де-Гама, отправившись вдоль африканскаго берега по тому пути, который былъ проложенъ Варѳоломеемъ Діацомъ, первый отважился обогнуть мысъ Доброй Надежды и такимъ образомъ нашелъ морской путь въ Восточную Индію, эту страну, богатую золотомъ и благовоніями, которую столько времени тщетно искали многіе славные мореплаватели. Два года

спустя, другой морякъ, также португалецъ, по имени Альварецъ Кабралъ, желая избѣжать страшныхъ урагановъ, свирѣпствующихъ вблизи Мыса Бурь, послужившаго препятствіемъ для дальнѣйшаго плаванія Діаца, направилъ свой корабль нѣсколько въ сторону и сильнымъ вѣтромъ былъ прибитъ къ берегамъ неизвѣстной страны, которая, по своей роскошной растительности и благорастворенному климату, показалась ему какимъ-то земнымъ раемъ. Вскорѣ Кабралъ узналъ, что эта чудная страна составляетъ часть Новаго Свѣта,

открытаго Колумбомъ, и португальцы основали здѣсь впослѣдствіи большое государство, названное ими Бразиліей, существующее и въ настоящее время.

Такимъ образомъ, благодаря похвальному соревнованію въ опасныхъ, отдаленныхъ морскихъ путешествіяхъ между испанцами и португальцами, каждый годъ былъ ознаменованъ для этихъ двухъ націй пріобрѣтеніями новыхъ земель, изъ которыхъ они извлекли потомъ громадныя богатства, состоявшія изъ золота, серебра, алмазовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней.

Когда число такихъ пріобрѣтеній сдѣлалось довольно значительно, испанскій монархъ Фердинандъ и тогдашній король Португаліи Эммануилъ Счастливый (названный такъ, потому что въ его царствованіе подвластный ему народъ пріобрѣлъ большія сокровища)—опасаясь, чтобы вновь открытыя страны не послужили впослѣдствіи поводомъ къ несогласію между двумя націями—обратились къ папѣ Александру VI, занимавшему тогда престолъ св. Петра, съ просьбой, опредѣлить самымъ положительнымъ образомъ, какія страны Новаго Свѣта должны принадлежать каждой изъ двухъ сосѣднихъ націй. Папа заставилъ прежде всего обоихъ королей дать клятву, что они распространятъ христіанскую религію во всѣхъ ново-открытыхъ земляхъ, и затѣмъ приступилъ къ рѣшенію вопроса самымъ простымъ способомъ: онъ взялъ карту земного шара, провелъ на ней черту отъ полюса къ Азорскимъ островамъ, проходившую за сто лье по ту сторону этихъ послѣднихъ, и сказалъ, что земли, открытыя къ востоку отъ этой воображаемой линіи (которая получила названіе демаркаціонной, или пограничной), должны принадлежать португальскому королю, открытыя же къ западу отъ этой линіи — испанскому. Такое рѣшеніе показалось обоимъ монархамъ до того справедливымъ, что они съ удовольствіемъ подчинились ему, и впродолженіе многихъ лѣтъ демаркаціонная линія служила единственной границей между владѣніями Испаніи и Португаліи.

Но между тѣмъ, какъ оба монарха полюбовно дѣлили между собой земли Новаго Свѣта, обширность котораго была имъ, впрочемъ, далеко не извѣстна, многіе спутники Колумба, принимавшіе дѣятельное участіе въ его путешествіяхъ, испросили у Фердинанда позволеніе снарядить другія экспедиціи съ той же цѣлью.

Изъ числа этихъ неустрашимыхъ мореходцевъ особенно прославились —Винцентъ Пинцонъ, братъ несчастнаго Алонзо, умершаго, какъ вамъ извѣстно, въ Палосѣ отъ горя, когда ему не удалось присвоить себѣ славу открытій Колумба; потомъ, благородный и блестящій рыцарь Охеда, помогавшій Колумбу въ устройствѣ первыхъ поселеній на островѣ Испаньола, и, наконецъ, Америко-Веспучи, родомъ изъ Италіи, простой флорентійскій купецъ, но человѣкъ предпріимчивый, обладавшій большими свѣдѣніями и рѣшившійся отправиться въ далекій путь только въ надеждѣ на скорое обогащеніе посредствомъ торговли съ жителями ново-открытыхъ странъ.

Нужно вамъ сказать, что во время одного изъ своихъ путешествій, Колумбъ былъ занесенъ къ берегамъ неизвѣстной страны, населенной столь свирѣпыми дикарями, что они встрѣтили вышедшихъ было на берегъ испанцевъ цѣлымъ градомъ стрѣлъ, наносившихъ смертельныя раны, потому что концы этихъ стрѣлъ были пропитаны сокомъ ядовитыхъ растеній.

Главное занятіе туземцевъ состояло въ добываніи раковинъ, содержащихъ драгоцѣнный жемчугъ, который прежде считался самымъ лучшимъ украшеніемъ между европейскими дамами; однако, не забудьте, что для доставленія имъ этого украшенія бѣдные дикари должны были опускаться на значительную глубину и при этомъ не только подвергать себя большимъ опасностямъ, но нерѣдко рисковать и самой жизнью. Въ водахъ залива, куда занесло Колумба, жемчугъ ловился въ такомъ изобиліи, что онъ далъ ему названіе Жемчужнаго, а относительно самой страны узналъ отъ индѣйцевъ, что туземцы называютъ ее Паріа и что она очень обширна, имѣетъ высокія горы и орошается множествомъ большихъ рѣкъ, впадающихъ въ близлежащее море. По

этимъ даннымъ Колумбъ предположилъ, что описываемая индѣйцами страна составляетъ часть большого материка; но, не имѣя возможности изслѣдовать его, обозначилъ на географической картѣ тотъ путь, по которому онъ дошелъ до неизвѣстнаго берега.

Эта карта тщательно сохранялась въ Испаніи, и ею воспользовались неустрашимый Охеда и товарищъ его Америко-Веспучи, когда, нѣсколько лѣтъ спустя, они думали отыскать страну, къ берегамъ которой приставалъ Колумбъ и былъ встрѣченъ туземцами такъ недружелюбно. Соображаясь съ указаніями великаго мореплавателя, они скоро достигли Жемчужнаго залива и, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, вступили въ торговыя сношенія съ прибрежными жителями, вымѣнивая у нихъ на европейскія издѣлія драгоцѣнный, крупный жемчугъ и куски золота такой значительной величины, какой имъ еще не случалось видѣть. Однако, предпріимчивый Америко не ограничился этой выгодной мѣной въ своихъ занятіяхъ; но вмѣстѣ съ огромнымъ богатствомъ, постарался собрать столько основательныхъ свѣдѣній о своемъ континентѣ и его обитателяхъ, что впослѣдствіи могъ составить чрезвычайно интересную книгу, которая была первымъ трудомъ по этой части и впервые познакомила европейцевъ съ Новымъ Свѣтомъ. Судите сами, съ какимъ увлеченіемъ читали книгу Америко въ Европѣ, особенно тѣ, кто интересовался открытіями испанскихъ мореплавателей; благодаря этому сочиненію, между европейцами мало-помалу вошло въ обычай называть новую страну, открытую Колумбомъ, землей Америко, а потомъ просто Америкой, что дѣлается и теперь, хотя, какъ потомъ оказалось, авторъ интересной книги зналъ описанную имъ страну почти только по слухамъ.

Какъ видите, неблагодарные современники не толь-

ко при жизни не оказали должнаго вниманія къ великимъ заслугамъ Колумба, но и послѣ смерти отняли у него лучшую часть его безсмертной славы, назвавши открытый имъ континентъ по имени совершенно неизвѣстнаго флорентійскаго купца. И только немногіе свѣтлые умы этой эпохи, понимавшіе все великое значеніе открытій Колумба, старались по возможности загладить эту несправедливость, сохранивъ воспоминаніе о геніальномъ человѣкѣ для потомства; поэтому хотя названіе Америки попрежнему осталось за богатой страной, описанной флорентійскимъ купцомъ, но

всѣ образованные люди нашего времени обязаны знать имя великаго мореплавателя, открывшаго эту новую часть свѣта.

Около того времени, когда Веспучи и Охеда достигли американскаго материка, другой спутникъ Колумба, по имени Понсъ-де-Леонъ, услышавъ отъ туземцевъ Испаньолы, что на одномъ изъ Лукайскихъ острововъ есть источникъ, обладающій чудеснымъ свойствомъ возвращать молодость тѣмъ, кто выкупается въ его водахъ, снарядилъ небольшое судно и отправился на поиски знаменитаго ключа. Но тщетно Понсъ-де-Леонъ осматривалъ всѣ Лукайскіе острова—чудесная вода не находилась, что, конечно, очень естественно, потому что никогда не было, да и не могло быть такой воды или другой какой-иибудь жидкости, которая предохраняла бы людей отъ старости; но поиски легковѣрнаго Понсъ-де-Леона не остались вполнѣ безплодными для человѣчества: во время своего продолжительнаго плаванія онъ приблизился къ берегу неизвѣстной, живописной страны, покрытой роскошной растительностью, и назвалъ ее Флоридой, т. е. землей цвѣтовъ, въ честь Вербнаго воскресенья (иначе называемаго у католиковъ Пасхой цвѣтовъ *), когда впервые увидѣлъ ее. Къ сожалѣнію, эта прекрасная страна была обитаема такимъ свирѣпымъ и воинственнымъ племенемъ, что высадившіеся на берегъ искатели живой воды принуждены были поспѣшно удалиться; но открытіе это принесло пользу въ томъ отношеніи, что, благодаря ему, въ Европѣ узнали о существованіи вблизи Багамскихъ острововъ красивой плодородной страны, гдѣ можно основать колонію для сношеній съ туземными дикарями.

*) Pâques fleuries.

XIII.

Великій океанъ.

(Отъ 1512 до 1517 г.).

Немного лѣтъ еще прошло со времени открытія Америки, а уже на всѣхъ островахъ, лежащихъ на пути къ ней, можно было встрѣтить толпы испанцевъ, по большей части стремившихся туда для пріобрѣтенія богатства. Островъ Испаньола имѣлъ уже нѣсколько большихъ городовъ и былъ вскорѣ названъ, по имени важнѣйшаго изъ нихъ, Сен-Доминго, основаннаго братомъ Христофора Колумба. На островѣ Куба, случайно открытомъ знаменитымъ мореплавателемъ въ первое его путешествіе, также поселилось много европейцевъ всѣхъ сословій, и даже на отдаленномъ берегу Паріа, получившемъ такую извѣстность, благодаря описанію Америко-Веспучи, одинъ изъ спутниковъ Колумба, Бальбоа, основалъ маленькую колонію и самъ былъ въ ней губернаторомъ.

Этотъ Бальбоа по справедливости считается однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ европейскихъ авантюристовъ, отправившихся въ Новый Свѣтъ. Такую славу онъ пріобрѣлъ себѣ особенно своими безстрашными походами во внутренность страны, имѣвшими, впрочемъ, исключительною цѣлью отыскиваніе золота, которымъ, по словамъ индѣйцевъ, населявшихъ берегъ Паріа, изобиловала ихъ земля. Путешествія по этимъ совершенно неизвѣстнымъ мѣстностямъ были соединены, конечно, съ безчисленными, громадными затрудненіями; но, къ сожалѣнію, результаты утомительныхъ странствованій отважнаго Бальбоа и его спутниковъ оказывались крайне ничтожны: нѣсколько горстей золотого песку составляли ихъ единственные трофеи; да и тѣ были взяты не съ бою, а добровольно отданы туземцами, которые не могли понять, почему испанскіе солдаты такъ дорожатъ этимъ металломъ и за каждую крупинку его готовы ссориться и даже драться съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ.

Разъ, когда, въ присутствіи Бальбоа, двое изъ его товарищей собирались начать драку изъ-за небольшого количества золота, молодой кацикъ, бывшій свидѣтелемъ ихъ ссоры, не могъ скрыть своего изумленія и сказалъ: «Неужели вы хотите драться изъ-за такихъ пустяковъ? Неужели только для добыванія золота оставляете вы свою родину и переносите вдали отъ нея столько лишеній? Въ такомъ случаѣ вамъ слѣдуетъ идти на эти горы — съ вершины ихъ вы увидите страну, омываемую большимъ моремъ, гдѣ вашего любимаго золота такъ много, что никто изъ туземцевъ не обращаетъ на него вниманія». При этихъ словахъ кацикъ указалъ на высокія горы, поднимавшіяся на югѣ, и когда Бальбоа, слушавшій его съ напряженнымъ вниманіемъ, пожелалъ узнать, сколько времени нужно идти до страны, богатой золотомъ, то дикарь отвѣчалъ, что въ шесть *солнцъ*, т. е. въ шесть дней, (индѣйцы называютъ солнцемъ время отъ восхода и до заката этого свѣтила) бѣлые могутъ достигнуть этой обѣтованной, по ихъ понятіямъ, земли.

Указаніе кацика безконечно обрадовало отважнаго Бальбоа и возбудило въ немъ надежду на новое, важное открытіе, о чемъ онъ, впрочемъ, ни слова не сказалъ своимъ немногимъ товарищамъ, уцѣлѣвшимъ отъ

болѣзней и другихъ бѣдствій, испытанныхъ на чужбинѣ. Собравъ тѣхъ, кто были посильнѣе, и взявъ нѣсколькихъ проводниковъ изъ индѣйцевъ, мужественный Бальбоа немедленно отправился въ путь въ сопровожденіи цѣлой толпы дикарей, несшихъ за нимъ съѣстные припасы и боевые снаряды, такъ какъ въ странѣ не было ни одного животнаго для перевозки тяжестей.

Не буду описывать, съ какими препятствіями пришлось бороться этимъ смѣльчакамъ при переходѣ черезъ крутыя горы, покрытыя утесами и густымъ, непроходимымъ лѣсомъ, гдѣ передъ ними то открывались бездонныя, страшныя пропасти, то дикіе туземцы осыпали ихъ градомъ стрѣлъ и камней, стараясь уничтожить дерзкихъ пришельцевъ, внушавшихъ имъ непобѣдимый страхъ своимъ оружіемъ и одеждой. Но извѣстно, что мужество и терпѣніе могутъ восторжествовать надъ всѣми препятствіями; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что безстрашный Бальбоа и его неутомимые спутники съумѣли преодолѣть всѣ опасности труднаго путешествія, и только очень немногіе поплатились за него жизнію.

Мучимые страшной жаждой, для утоленія которой приходилось довольствоваться дикими плодами, потому что воды почти нигдѣ не было, шли отважные путники уже болѣе трехъ недѣль, и самъ безстрашный Бальбоа началъ уже подозрѣвать, что проводники нарочно завели его въ эти пустыни, съ намѣреніемъ погубить небольшой отрядъ, когда одинъ изъ индѣйцевъ объявилъ, что съ вершины горы, на которую они теперь поднимаются, видно будетъ море. Обрадованный Бальбоа забылъ въ ту минуту всю усталость, почувствовалъ въ себѣ новыя силы и, опередивъ своихъ товарищей, первый взошелъ на высокую гору. Здѣсь глазамъ его представилось великолѣпное, чудное зрѣ-

лище: на необозримое пространство разстилалось предъ нимъ сверкающее море, окаймленное роскошными лугами и сливавшееся на востокѣ съ горизонтомъ. Пораженный этой величественной картиной, Бальбоа невольно упалъ на колѣни, чтобы возблагодарить Бога за исполненіе его давнишняго, завѣтнаго желанія. Вы поймете восторгъ Бальбоа, когда узнаете, что передъ нимъ былъ Великій Океанъ и что этимъ открытіемъ счастливому авантюристу удалось подтвердить геніальную

догадку безсмертнаго Колумба о существованіи обширнаго моря къ востоку отъ Азіи.

Согласитесь, друзья мои, что послѣ столькихъ трудовъ и лишеній, послѣ такого славнаго открытія, Бальбоа имѣлъ полное право занять почетное мѣсто въ числѣ испанскихъ завоевателей Америки. Однако, такъ не случилось; черезъ нѣсколько лѣтъ, изъ Испаніи былъ присланъ новый губернаторъ, по имени Педраріа, чтобъ основать колонію у самаго берега Великаго Океана. Устроивъ новую колонію, названную Панамой, Педраріа обратилъ вниманіе на своего

предмѣстника Бальбоа, собиравшагося предпринять другіе смѣлые походы, и, узнавъ его свѣтлый умъ и предпріимчивый характеръ, почувствовалъ непримиримую ненависть къ мужественному авантюристу. Опасаясь дѣйствовать прямо, Педраріа старался сначала привлечь къ себѣ честнаго Бальбоа, не подозрѣвавшаго обмана, даже выдалъ за него свою дочь; а потомъ, заманивъ въ засаду, приказалъ отрубить ему голову, какъ злодѣю и бунтовщику. Вотъ какая печальная участь постигла отважнаго авантюриста, открывшаго человѣчеству новые пути къ славѣ и богатству!

Если вы возьмете теперь въ руки карту Новаго Свѣта и отыщите на ней горы, черезъ которыя перешелъ Бальбоа, то увидите, что эти горы образуютъ узкую и длинную полосу, извѣстную подъ названіемъ Панамскаго перешейка, раздѣляющаго громадный Американскій материкъ на два большихъ континента; одинъ изъ нихъ, простирающійся далеко на сѣверъ, къ самому полюсу, называется Сѣверной Америкой, а другой, лежащій къ югу,—Южной. Между этими двумя континентами разсѣяна большая часть острововъ, открытыхъ Колумбомъ въ Атлантическомъ океанѣ, образующемъ здѣсь большіе заливы—Антильское море и Мексиканскій заливъ. Послѣдній получилъ свое названіе отъ одного изъ богатѣйшихъ государствъ Сѣверной Америки, съ исторіей котораго вы скоро познакомитесь.

XIV.

Варѳоломей Ласказасъ.

(Отъ 1517 до 1529 г.).

Если первые свои шаги испанскіе авантюристы ознаменовали смѣлыми предпріятіями и подвигами безспорнаго мужества, то ихъ дальнѣйшее поведеніе во вновь открытыхъ странахъ и особенно ихъ обращеніе съ бѣдными, простыми дикарями, мирное существованіе которыхъ они нарушили своимъ появленіемъ, было омрачено самыми варварскими поступками. Нисколько не стараясь цивилизовать этихъ робкихъ, невѣжественныхъ людей, или посредствомъ кроткихъ убѣжденій внушить имъ чувства христіанской любви и братства, гордые чужеземцы думали только о томъ, чтобъ извлечь побольше выгодъ для себя изъ несчастныхъ индѣйцевъ, и потому обременили ихъ тяжелой, изнурительной работой.

Прежде всего, за неимѣніемъ вьючныхъ животныхъ, испанскіе завоеватели начали употреблять дикарей для переноски тяжестей на большія разстоянія, и злополучные островитяне, не привыкшіе вообще къ продолжительной работѣ и потому тщедушные и слабосильные, массами погибали подъ бременемъ тяжелаго труда; затѣмъ, европейцы заставили слабыхъ, даже изнѣженныхъ туземныхъ женщинъ взяться за тяжелыя земледѣльческія орудія и обработывать для безчеловѣчныхъ

*

притѣснителей ту землю, которая до того времени безъ всякихъ усилій давала своимъ дѣтямъ все необходимое. А когда, наконецъ, на островѣ Испаньолѣ были открыты богатыя золотыя розсыпи, то корыстолюбивые завоеватели употребили тѣхъ же дикарей для добыванія золота, составлявшаго для алчныхъ выходцевъ предметъ неудержимой страсти. Ударами бича или палки заставляли они туземцевъ работать почти безъ отдыха, рыть глубокія шахты, причемъ несчастные работники уми-

рали тысячами, частію на поляхъ, смоченныхъ ихъ слезами и кровью, частію въ шахтахъ, вырытыхъ ихъ руками. Безумная, неудержимая жажда богатствъ и власти до того овладѣла испанскими авантюристами, что варварское обращеніе ихъ съ кроткими, беззащитными островитянами, которые такъ довѣрчиво и радушно приняли ихъ на свою родину, достигло, наконецъ, ужасающихъ размѣровъ. Разсказываютъ, что разъ, во время охоты, одному испанцу нечѣмъ было накормить своихъ собакъ, и онъ, схвативъ ребенка изъ рукъ матери-индіанки, бросилъ его проголодавшимся живот-

нымъ; однако, къ стыду человѣчества, они оказались менѣе жестоки, чѣмъ ихъ безчеловѣчный хозяинъ.

Не правда-ли, мои читатели, жестокія преслѣдованія, которымъ подвергались беззащитные, ни въ чемъ неповинные индѣйцы со стороны грубыхъ завоевателей, должны возбуждать въ насъ справедливое негодованіе противъ испанцевъ, предававшихся такому недостойному, такому безсмысленному деспотизму? Но это негодованіе должно усилиться, когда мы вспомнимъ, что свои варварскіе поступки они осмѣливались оправдывать религіей, именемъ евангельскаго ученія, повелѣвающаго любить ближняго, какъ самого себя, и не дѣлать другимъ того, чего не желаешь себѣ.

Въ это печальное время, когда торжествовалъ возмутительный произволъ и совершались такія страшныя насилія, одно воспоминаніе о которыхъ заставляетъ содрогаться отъ ужаса, явился человѣкъ, осмѣлившійся взять на себя защиту угнетеннаго народа и возвысить свой честный голосъ противъ недостойныхъ тирановъ. Это былъ Варѳоломей Ласказасъ, простой испанскій монахъ, прибывшій въ Испаньолу вслѣдъ за Христофоромъ Колумбомъ, съ цѣлью проповѣдывать Евангеліе между дикарями, и не могшій остаться равнодушнымъ при видѣ страданій порабощеннаго народа. Послѣ долгихъ, но тщетныхъ усилій склонить испанцевъ къ болѣе гуманному обращенію съ дикарями, страданія которыхъ онъ по возможности старался облегчать, Варѳоломей Ласказасъ рѣшился вернуться въ отечество и тамъ найти средства помочь несчастнымъ островитянамъ, возбудивъ состраданіе самого короля къ невыносимому положенію его новыхъ подданныхъ. По прибытіи въ Испанію, благочестивый монахъ представилъ Фердинанду ужасную картину бѣдствій, испытываемыхъ ин-

дѣйцами подъ гнетомъ завоевателей, и умолялъ его сжалиться надъ беззащитными жертвами ихъ варварства.

Согласитесь, что то было прекрасное зрѣлище, когда, въ присутствіи одного изъ могущественнѣйшихъ государей Европы, окруженнаго блестящимъ дворомъ, этотъ простой монахъ, посѣдѣвшій отъ трудовъ, изнуренный лишеніями, рѣшился заявить о злоупотребленіяхъ, которыя позволяли себѣ испанскіе завоеватели, и протестовать противъ нихъ во имя высокаго чувства любви къ

ближнимъ, во имя христіанской религіи, этой, по преимуществу, религіи слабыхъ и гонимыхъ. Никто изъ присутствующихъ, даже самые суровые, грубые люди, не могли удержаться отъ слезъ, слушая горячую рѣчь Ласказаса, а растроганный король приказалъ ему тотчасъ же вернуться въ Испаньолу, чтобы спасти, если еще не поздно, ея жителей отъ жестокости завоевателей, и далъ формальное запрещеніе употреблять туземцевъ на слишкомъ тяжелыя работы. Кромѣ того, для предохраненія индѣйцевъ отъ окончательной гибели и для пополненія недостатка въ рабочихъ рукахъ, королъ призналъ необходимымъ позволить испанцамъ, жившимъ на островахъ Испаньолѣ и Кубѣ, покупать черныхъ невольниковъ, т. е. негровъ, привозимыхъ туда генуэзскими и португальскими купцами.

Однако, нужно вамъ сказать, что постыдная торговля людьми, казавшаяся сострадательному королю такимъ удобнымъ средствомъ поддержать благосостояніе его колоній, всегда признавалась безнравственной истинными друзьями человѣчества. Да и могло-ли это быть иначе? Не должны-ли всѣ, въ комъ сохранилась хоть капля любви къ ближнимъ, глубоко возмущаться тѣмъ, что негры, выросшіе на берегахъ Африки, перевозятся жадными и жестокими торгашами въ Америку, гдѣ и климатъ, и всѣ условія жизни для нихъ совершенно чужды, гдѣ купившіе ихъ обращаются съ своими рабами самымъ безчеловѣчнымъ образомъ и обременяютъ непосильнымъ, изнурительнымъ трудомъ? Самая религія наша противится такому злоупотребленію, потому что, по смыслу ея ученія, никто не имѣетъ права обращать въ рабство своихъ ближнихъ, какого бы цвѣта они ни были.

Тѣмъ не менѣе, рабство существовало; постыдный торгъ людьми, извѣстный подъ особеннымъ названіемъ «торговли неграми», продолжался почти до нашего времени, несмотря на энергическую борьбу съ этимъ страшнымъ зломъ всѣхъ благородныхъ, гуманныхъ людей.

Какъ трудно поддается масса новымъ идеямъ и какъ упорно отстаиваетъ она свои дурные инстинкты, особенно корыстолюбіе, доказывается тѣмъ, что впродолженіе болѣе трехъ вѣковъ торговля невольниками составляла законное учрежденіе въ новой части свѣта, и милліоны африканскихъ негровъ, всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ, смочили своей кровью и слезами почву большей части колоній, основанныхъ европейцами. Однако, примѣсь болѣе сильной и здоровой расы, явив-

шейся противъ своей воли, на смѣну слабымъ индѣйцамъ, не спасла этихъ послѣднихъ отъ окончательной гибели, и спустя нѣсколько лѣтъ послѣ открытія Америки, на островахъ, принадлежащихъ испанцамъ, не осталось ни одного представителя несчастнаго племени краснокожихъ.

Въ награду за свое человѣколюбіе и безконечную доброту, Варѳоломей Ласказасъ получилъ славное наименованіе Апостола Индѣйцевъ; но это не могло утѣшить сострадательнаго монаха въ томъ, что ему не удалось спасти злополучную націю отъ деспотизма ея властителей; поселившись потомъ въ американскомъ монастырѣ, онъ оставался до самой смерти посреди дикарей, распространяя между ними христіанское ученіе, ободряя и утѣшая ихъ, когда не въ силахъ былъ оказать болѣе существенную помощь и облегчить ихъ страданія.

XV.

Фернандъ Кортецъ въ Мексикѣ.

(Отъ 1517 до 1520 г.).

Если у васъ есть подъ руками карта Новаго Свѣта, то вы легко отыщете на ней, неподалеку отъ извѣстнаго уже вамъ острова Кубы, обширный полуостровъ, составляющій часть Южной Америки и называвшійся у туземцевъ Юкатаномъ—названіе это сохранили за нимъ впослѣдствіи и европейцы.

Въ то время, когда неустрашимый Бальбоа достигъ Великаго Океана, губернаторомъ Кубы былъ нѣкто по имени Веласкезъ, человѣкъ гордый, тщеславный, упрямый и корыстолюбивый, какъ всѣ испанскіе авантюристы той эпохи; но это послѣднее качество не вознаграждалось въ немъ отчаянною смѣлостью и непобѣдимымъ мужествомъ, которыми отличались его соотечественники и которыя нерѣдко побуждали ихъ на великіе подвиги.

Неспособный самъ принимать участіе въ такихъ подвигахъ и въ то же время желая показать свою дѣятельность, Веласкезъ снарядилъ экспедицію изъ небольшого числа судовъ и отправилъ нѣсколькихъ офицеровъ съ матросами изслѣдовать ближайшія къ острову Кубѣ мѣстности. Маленькая флотилія приставала во многихъ пунктахъ къ берегамъ Юкатана, и экипажъ ея былъ очень изумленъ, встрѣтивъ туземныхъ жителей не нагими, какъ всѣ дикари, которыхъ они видѣли до сихъ

поръ, но одѣтыми въ разнообразные костюмы изъ бѣлой бумажной ткани. Однако-жъ, всѣ попытки ближе ознакомиться съ туземцами оказались безуспѣшны, потому что какъ только испанскія шлюпки приближались къ берегу, на немъ собирались толпы людей, вооруженныхъ одни пращами, другіе стрѣлами и дѣйствовавшихъ такъ дружно и рѣшительно, что европейцы принуждены были поспѣшно удалиться, захвативъ, впрочемъ, нѣсколькихъ изъ нихъ въ плѣнъ.

Какъ ни ничтожно казалось подобное пріобрѣтеніе, но оно принесло пользу посланнымъ Веласкеза, такъ какъ они узнали отъ этихъ плѣнныхъ дикарей, что въ недалекомъ разстояніи отъ Юкатана существуетъ обширное многолюдное государство, во главѣ котораго находится правитель, обладающій нѣсколькими городами и несмѣтнымъ богатствомъ. Этой новости было совершенно достаточно, чтобъ возбудить хищническія наклонности испанцевъ и заставить ихъ вернуться въ Кубу для сообщенія Веласкезу о собранныхъ ими извѣстіяхъ.

Нечего и говорить, какъ обрадовался алчный губернаторъ Кубы, узнавши, что вблизи отъ его острова находится такое значительное государство. Ему уже казалось, что богатства, въ немъ заключающіяся, превосходятъ все до сихъ поръ пріобрѣтенное испанцами въ Новомъ Свѣтѣ. Необходимо было тотчасъ же завладѣть этимъ баснословнымъ государствомъ; но для такого предпріятія требовалось много мужества и смѣлости, знакомыхъ Веласкезу развѣ только по слухамъ, а потому исполненіе опаснаго предпріятія пришлось поручить другому. Выборъ губернатора палъ на одного подчиненнаго ему офицера, отличавшагося большими военными способностями и безспорной храбростью.

Офицеръ этотъ назывался Фернандомъ Кортецомъ.

Онъ принадлежалъ къ небогатой, но благородной фамиліи и въ числѣ другихъ испанскихъ авантюристовъ отправился въ Америку, въ надеждѣ тамъ отличиться, пріобрѣсти извѣстность и нажить большое состояніе. Но при всей смѣлости, выносливости, энергіи и храбрости Кортеца, случай отличиться долго не представлялся, и самолюбіе его сильно страдало отъ этой неудачи.

Такой человѣкъ, конечно, готовъ былъ воспользоваться возможностью прославить свое имя какимъ ни-

будь необыкновеннымъ предпріятіемъ и потому, когда Веласкезъ предложилъ ему отправиться съ небольшой арміей на покореніе могущественнаго американскаго государства, то Кортецъ, не колеблясь ни минуты, согласился принять это трудное порученіе, для выполненія котораго ему было дано только 600 человѣкъ войска и 18 лошадей, причемъ, разумѣется, въ его распоряженіе предоставлялось нѣсколько судовъ для переѣзда на американскій материкъ. Но никакія опасности не могли удержать храбраго Кортеца отъ рискованнаго похода.

Съ величайшимъ нетерпѣніемъ дожидался онъ окончанія необходимыхъ приготовленій, продалъ свое небольшое имущество, сдѣлалъ себѣ великолѣпный мундиръ, чтобы придать большій блескъ званію испанскаго генерала, а деньги, оставшіяся у него отъ этихъ расходовъ, роздалъ офицерамъ и солдатамъ, которые должны были участвовать въ экспедиціи. Такая щедрость еще болѣе усилила преданность и уваженіе маленькой арміи къ ея новому начальнику, пользовавшемуся и прежде всеобщей любовью за свой независимый, открытый характеръ; но въ завистливой душѣ Веласкеза явилось по этому поводу смутное подозрѣніе, что выборъ его былъ не совсѣмъ удаченъ и что, пожалуй, не ему одному придется воспользоваться громадными выгодами, которыхъ онъ ожидалъ отъ этого предпріятія. Однако, замѣнить Кортеца кѣмъ нибудь другимъ хитрый губернаторъ не рѣшился, опасаясь возбудить неудовольствіе солдатъ, вполнѣ довѣрявшихъ военнымъ способностямъ молодого генерала, и потому, провожая маленькую армію въ этотъ опасный походъ, онъ отъ души пожелалъ не встрѣчаться больше никогда съ ея командиромъ, внушавшимъ ему непобѣдимое отвращеніе.

До сихъ поръ завоевателямъ Америки приходилось бороться только съ отдѣльными, немногочисленными племенами бѣдныхъ дикарей, не имѣвшихъ средствъ сопротивляться европейскому оружію; но Кортецъ, отправляясь съ острова Кубы, бралъ на себя несравненно болѣе трудную и сложную задачу—онъ шелъ съ ничтожной арміей на завоеваніе обширнаго государства, занимаемаго сильнымъ и богатымъ народомъ, языкъ, нравы, численность и военное искусство котораго были ему совершенно неизвѣстны. Однако, счастливый случай помогъ Кортецу въ этомъ отношеніи: между первыми индѣйцами, встрѣтившимися ему на пути, онъ

нашелъ одного испанца, по имени Агиляра, бывшаго уже восемь лѣтъ въ плѣну у туземцевъ Юкатана и потому знавшаго ихъ языкъ. Освободивъ своего соотечественника изъ неволи, Кортецъ узналъ отъ него впервые даже названіе того государства, покореніе котораго составляло теперь единственную цѣль всѣхъ его желаній и надеждъ. Агиляръ сообщилъ генералу, что это государство называется Мексикой, занимаетъ огромное пространство и управляется мужественнымъ и деспотическимъ княземъ Монтезумой, владѣющимъ большею частью американскихъ племенъ.

Эти свѣдѣнія не испугали, однако, храбраго Кортеца и его спутниковъ; мало того, когда они узнали, что во владѣніи мексиканскаго императора есть богатые золотые пріиски и серебряные рудники, изъ которыхъ ежегодно добывается несмѣтное количество драгоцѣнныхъ металловъ, то всѣ опасности показались этимъ корыстолюбивымъ людямъ ничтожными и всѣ стремленія ихъ сосредоточивались теперь только на томъ, чтобы завладѣть сокровищами Монтезумы.

XVI.

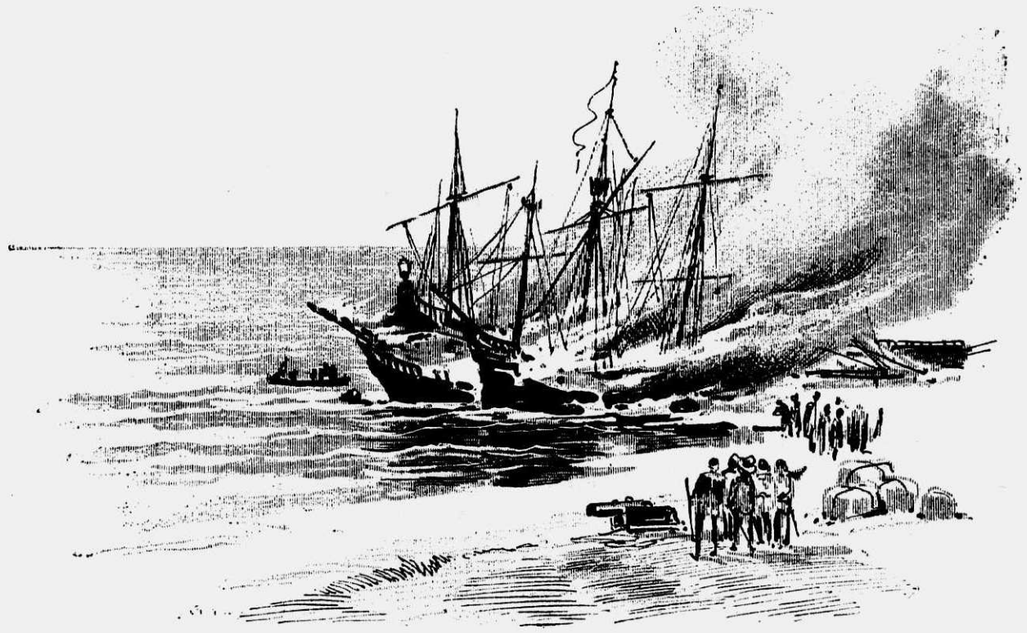
Корабли Кортеца.

(1520 г.).

Высадившись на берегъ въ Мексикѣ, Кортецъ позаботился прежде всего построить у самаго моря небольшой городъ и далъ ему названіе Вера-Круцъ (что на испанскомъ языкѣ значитъ *истинный крестъ*), желая такимъ образомъ показать, что его походъ имѣетъ религіозное значеніе, какъ это дѣлали всѣ испанскіе авантюристы того времени, по словамъ которыхъ единственной цѣлью ихъ безчисленныхъ завоеваній было желаніе распространить понятіе объ истинномъ Богѣ между дикарями-идолопоклонниками.

Окончивъ постройку города, маленькая армія занялась приготовленіями къ отчаянно-смѣлому завоеванію, причемъ Кортецъ началъ доказывать своимъ спутникамъ безполезность сохраненія кораблей и убѣждалъ сжечь ихъ всѣ, за исключеніемъ одного, назначавшагося для отправленія въ Испанію съ извѣстіемъ о совершенныхъ ими подвигахъ. Онъ надѣялся этимъ способомъ отнять у своихъ товарищей всякую мысль о возвращеніи назадъ и заставить ихъ или побѣдить, или умереть.

Солдаты, вполнѣ преданные своему начальнику, безусловно довѣряя каждому его слову, охотно согласились на его предложеніе, отнимавшее у нихъ послѣднюю возможность вернуться въ Европу, и немедленно перенесли въ Вера-Круцъ паруса, снасти, якоря,—вообще все, что могло пригодиться впослѣдствіи, а самые корабли предали пламени. Съ тѣхъ поръ, о людяхъ, которые, разъ задавшись какой нибудь цѣлью, лишаютъ себя всякой возможности уклониться отъ нея, измѣнить свой образъ дѣйствій, принято говорить, что они «сожгли свои корабли».



Между тѣмъ, слухъ о появленіи европейцевъ въ предѣлахъ мексиканской имперіи началъ распространяться среди ея населенія; туземцы съ ужасомъ передавали другъ другу, что бѣлые люди имѣютъ въ своемъ распоряженіи громъ и молнію и на какихъ-то чудовищныхъ существахъ перелетаютъ громадныя пространства съ быстротою стрѣлы. Эти баснословные разсказы основывались на томъ, что у испанцевъ было огнестрѣльное оружіе и нѣсколько верховыхъ лошадей, сила, легкость и покорность которыхъ казались чѣмъ-то сверхестественнымъ для жителей Америки, никогда не видав-

шихъ подобныхъ животныхъ. Неудивительно поэтому, что когда мексиканцы увидѣли въ первый разъ лошадей, рывшихъ копытами землю, и услышали ихъ громкое ржаніе, то вообразили, будто эти необыкновенныя существа требуютъ человѣческихъ жертвъ, такъ какъ, по понятіямъ дикарей, поклонявшихся змѣямъ, тиграмъ и другимъ вреднымъ животнымъ, только кровь человѣка могла быть пріятна такимъ грознымъ божествамъ. Представьте же себѣ, какой ужасъ овладѣлъ мексиканцами, когда они увидѣли испанскихъ солдатъ, вооруженныхъ *мушкетами* (старинное очень тяжелое ружье, только что начавшее распространяться тогда въ Европѣ), необыкновенно быстро переѣзжавшихъ съ мѣста на мѣсто на своихъ легкихъ скакунахъ и перевозившихъ вслѣдъ за собой тяжелыя пушки, грохотъ которыхъ раздавался по окрестностямъ на подобіе грома. Очень естественно, что большая часть племенъ, жившихъ вблизи Вера-Круца, не рѣшилась сопротивляться маленькой арміи Кортеца, вслѣдствіе чего испанцы скоро сдѣлались повелителями такихъ многочисленныхъ народныхъ массъ, которыя безъ всякаго усилія могли бы совершенно истребить ничтожную горсть дерзкихъ пришельцевъ. Впрочемъ, Кортецъ не злоупотреблялъ почтеніемъ, питаемымъ къ нему дикарями за его личную храбрость, а напротивъ, старался привлечь ихъ къ себѣ, даже убѣдилъ доставлять съѣстные припасы для своего войска и одно изъ самыхъ воинственныхъ племенъ, именно *тласкалановъ*, склонилъ къ участію въ нападеніи на Монтезуму, воспользовавшись ненавистью ихъ къ деспотическому монарху, силою оружія принудившему доставлять ежегодно въ столицу его обширной имперіи, Мексико, нѣсколько юношей и дѣвушекъ изъ этого племени, для принесенія ихъ тамъ въ жертву богамъ.

Когда Монтезума узналъ о прибытіи европейцевъ въ его владѣнія и намѣреніи ихъ побывать въ столицѣ имперіи, даже посѣтить его собственный дворецъ, то повелителемъ Мексики овладѣлъ невольный страхъ, хотя для него лично такое вторженіе не представляло, повидимому, никакой опасности, потому что онъ былъ постоянно окруженъ преданными тѣлохранителями и пользовался уваженіемъ всего народа. Но, по странной случайности, въ это самое время между невѣжественными и суевѣрными подданными мексиканскаго императора было сильно распространено предсказаніе, утверждавшее, что могущественная имперія будетъ разрушена какими-то чужеземцами. Это предсказаніе до того овладѣло умами мексиканцевъ и такъ повліяло на самого Монтезуму, что заставило опустить руки при первомъ извѣстіи о появленіи людей другой націи въ его владѣніи и отняло всякую мысль о сопротивленіи ихъ насильственному вторженію. Вмѣсто того, чтобы поскорѣе собрать свои войска и смѣло идти на встрѣчу дерзкимъ пришельцамъ, Монтезума отправилъ къ Кортецу двухъ самыхъ значительныхъ кациковъ просить отважнаго генерала не вступать далѣе въ Мексику, государь которой не имѣетъ противъ него враждебныхъ намѣреній, въ доказательство чего посылаетъ богатые подарки всѣмъ испанцамъ. Эти великолѣпные подарки состояли изъ образцовъ естественныхъ произведеній страны и превосходныхъ мѣстныхъ издѣлій. Тутъ были прекрасныя бумажныя ткани, бѣлизной и тонкостью не уступавшія шелковымъ матеріямъ; изящно сдѣланныя изъ разноцвѣтныхъ перьевъ картины, представлявшія животныхъ, деревья и цвѣты; драгоцѣнныя золотыя украшенія—ожерелья, браслеты и кольца. Но испанцамъ особенно понравились два массивныхъ подноса,—золотой, изображавшій, по мнѣнію дикарей, солнце, и се-

ребряный, служившій эмблемой луны,—и нѣсколько большихъ ящиковъ, наполненныхъ драгоцѣнными камнями, крупнымъ жемчугомъ и слитками золота и серебра въ томъ видѣ, какъ эти металлы встрѣчаются частію въ рудникахъ, частію въ рѣкахъ Мексики. Однако, бѣдный Монтезума жестоко ошибся, надѣясь, что его роскошные, чисто царскіе подарки могутъ удовлетворить жадность испанцевъ; напротивъ, хищническія наклонности этихъ людей были только силь-

нѣе возбуждены видомъ драгоцѣнныхъ произведеній страны, которую они думали завоевать, и Кортецъ съ трудомъ сдерживалъ ихъ нетерпѣніе поскорѣе завладѣть богатымъ государствомъ, а посланнымъ императора Мексики отвѣчалъ, что, по приказанію одного изъ могущественнѣйшихъ государей Европы, онъ долженъ посѣтить Монтезуму въ его столицѣ.

Вслѣдъ затѣмъ, маленькая армія немедленно отправилась дальше. Получивъ это извѣстіе, императоръ былъ пораженъ дерзостью чужеземцевъ, рѣшающихся идти наперекоръ его желаніямъ, и при этомъ случаѣ

отъ души пожалѣлъ, что не принялъ противъ нихъ болѣе дѣйствительныхъ мѣръ, чѣмъ просьбы и подарки.

Но спутники Кортеца уже и сами готовы были считать свое предпріятіе слишкомъ смѣлымъ, видя цвѣтущее положеніе и громадность государства, которымъ они рѣшились завладѣть. По мѣрѣ приближенія къ столицѣ, они все больше и больше убѣждались въ высокой степени развитія народа, населявшаго Мексику: такъ, вмѣсто жалкихъ хижинъ, попадавшихся имъ до сихъ поръ въ Новомъ Свѣтѣ, тутъ всюду встрѣчались многолюдные города, снабженные водопроводами, украшенные дворцами и храмами необыкновенно прочной постройки изъ громадныхъ камней.

Дѣйствительно, мексиканскіе храмы были выстроены такъ искусно, что нѣкоторые изъ нихъ сохранились даже до нашего времени; храмы эти называются на туземномъ языкѣ *теокаллисъ* и по наружному виду имѣютъ большое сходство съ вѣчными египетскими пирамидами. Гордые европейцы, всегда смотрѣвшіе на индѣйцевъ съ пренебреженіемъ и видѣвшіе въ нихъ темныхъ, невѣжественныхъ дикарей, были крайне изумлены, встрѣтивъ въ этой отдаленной, варварской, по ихъ мнѣнію, странѣ, астрономическіе приборы, вродѣ солнечныхъ часовъ, называвшіеся *гномонами* и служившіе для опредѣленія времени, по высотѣ солнца и по длинѣ бросаемой имъ тѣни. Все это доказывало испанцамъ, что они находятся посреди народа, болѣе цивилизованнаго, чѣмъ всѣ другіе американскіе дикари, и заставляло испытывать невольный страхъ при мысли, что такая незначительная горсть ихъ находится въ самомъ центрѣ обширнаго и многолюднаго государства.

Но опасенія завоевателей были напрасны: мексиканцы уже заранѣе считали себя уничтоженными при видѣ этихъ необыкновенныхъ всадниковъ, покрытыхъ

блестящимъ оружіемъ и гордо разъѣзжавшихъ на своихъ быстрыхъ коняхъ. Отовсюду сбѣгались они посмотрѣть на никогда невиданныхъ бѣлыхъ людей, принимая ихъ за сверхъестественныя существа и обращаясь къ нимъ съ привѣтствіями какъ бы къ настоящимъ божествамъ: «Если вы боги, жестокіе и мстительные—говорили туземцы на своемъ языкѣ—примите отъ насъ этихъ рабовъ, и пускай кровь ихъ, выпитая вами, смягчитъ вашъ гнѣвъ; если вы принадлежите къ числу болѣе кроткихъ боговъ, мы предлагаемъ вамъ благовонія и цвѣты, но если вы простые смертные, то, для утоленія вашего голода, мы дадимъ вамъ самыхъ спѣлыхъ плодовъ и самаго лучшаго мяса».

Испанцы съ удовольствіемъ выслушивали эти привѣтствія, смыслъ которыхъ объяснялъ имъ Агиляръ, гордились такими почестями и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовали презрительное состраданіе къ жалкой націи, трепещущей и преклоняющейся передъ ничтожнымъ европейскимъ отрядомъ.

Такимъ-то образомъ, окруженные всеобщимъ благоговѣніемъ и встрѣчая вездѣ одну только покорность, приблизились спутники Кортеца къ столицѣ мексиканской имперіи, Мексико, и здѣсь были еще болѣе поражены видомъ этого красиваго города, выстроеннаго посреди огромнаго озера и соединявшагося съ берегомъ посредствомъ длинныхъ и узкихъ мостиковъ, по которымъ едва могли пройти въ рядъ нѣсколько человѣкъ. Съ вершины горъ, окружавшихъ озеро, Кортецъ долго любовался прелестнымъ видомъ Мексико, съ его великолѣпными зданіями и высокими храмами, куполы которыхъ, выложенные листовымъ золотомъ, ослѣпительно блестѣли на солнцѣ. Вообще городъ этотъ представлялъ собою такое очаровательное зрѣлище, что европейцамъ, никогда не видавшимъ ничего подобнаго, казалось,

будто они попали въ какую-то волшебную, сказочную страну, не имѣющую ничего общаго съ дѣйствительностью. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ столицы, Монтезума, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ сановниковъ имперіи, вышелъ на встрѣчу своимъ непрошеннымъ гостямъ. Онъ сидѣлъ на золотомъ креслѣ, которое несли четыре главныхъ кацика, въ великолѣпныхъ одеждахъ, вышитыхъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Воины, окружавшіе императора, были вооружены только длин-

ными копьями съ наконечниками изъ обожженаго дерева и стрѣлами, снабженными, вмѣсто металлическаго острія, отточенными кремнями или рыбьими костями, изъ чего вы можете заключить, что мексиканцы, подобно всѣмъ другимъ племенамъ, населявшимъ Америку, совершенно не знали употребленія желѣза.

Встрѣча мексиканскаго монарха съ Кортецомъ произошла по всѣмъ правиламъ придворнаго этикета: оба сошли на землю въ знакъ взаимнаго уваженія, котораго ни одинъ изъ нихъ не питалъ къ другому, и обмѣнялись вѣжливыми привѣтствіями, причемъ Монтезума

казался грустнымъ и озабоченнымъ, какъ будто онъ предчувствовалъ безчисленныя бѣдствія, ожидающія его подданныхъ съ появленіемъ этихъ чужеземцевъ. Затѣмъ, императоръ приказалъ сопровождавшимъ его художникамъ срисовать одежду, лошадей и пушки испанцевъ на бѣлыхъ листочкахъ изъ хлопчатой бумаги, и, несмотря на все несовершенство такого матеріала, рисунки, сдѣланные ими, отличались большой точностью.

Послѣ этого, Монтезума пригласилъ Кортеца и его спутниковъ въ свою столицу, гдѣ для пріѣхавшихъ европейцевъ былъ приготовленъ огромный дворецъ, въ которомъ помѣстились также и тласкаланы, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ, сопровождавшіе испанскую армію для переноски ея багажа и оружія.

Такимъ образомъ, эта ничтожная горсть авантюристовъ, благодаря своей отвагѣ, безъ боя, безъ малѣйшаго сопротивленія, заняла столицу Мексики и была окружена тамъ величайшимъ почетомъ со стороны всѣхъ жителей и самого императора. Этотъ поразительный фактъ можетъ служить нагляднымъ примѣромъ того, какъ обаятельно дѣйствуетъ на людей смѣлость, мужество и вообще нравственное превосходство. Теперь Кортецъ уже не сомнѣвался, что, рано или поздно, ему удастся овладѣть мексиканской имперіей, которая считалась въ то время однимъ изъ богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ государствъ Новаго Свѣта. Но вы скоро увидите, сколько трудовъ и опасностей предстояло еще испытать храброму начальнику экспедиціи, прежде чѣмъ онъ могъ осуществить свою грандіозную мечту.

XVII.

Осада Мексико.

(Отъ 1520 до 1525 года).

Изъ всѣхъ страстей, волнующихъ человѣчество и унижающихъ нравственное достоинство людей, ни одна страсть, ни одинъ порокъ не дѣйствуютъ на человѣка такъ губительно, какъ ненасытное корыстолюбіе; оно изсушаетъ его умъ и сердце, заглушаетъ въ немъ всѣ добрыя наклонности, дѣлаетъ его несправедливымъ, жестокимъ и даже въ самой благородной душѣ уничтожаетъ состраданіе къ несчастіямъ ближнихъ. То же случилось и съ гордымъ завоевателемъ Мексики, когда, при видѣ безчисленныхъ сокровищъ, принадлежавшихъ Монтезумѣ, имъ овладѣла эта недостойная страсть: подъ вліяніемъ ея, Кортецъ скоро утратилъ прежнія благородныя чувства и сдѣлался виновникомъ ужасныхъ бѣдствій, постигшихъ вскорѣ несчастную мексиканскую имперію.

Прошло нѣсколько дней со времени вступленія испанцевъ въ Мексику, впродолженіе которыхъ императоръ всѣми способами старался доказать имъ свое благоволеніе, какъ вдругъ Кортецъ узнаетъ, что нѣсколько человѣкъ изъ его спутниковъ, отставшихъ въ дорогѣ и потому не успѣвшихъ войти въ городъ вмѣстѣ съ нимъ, были измѣнически умерщвлены мексиканцами и что головы убитыхъ, тайно препро-

вожденныя къ Монтезумѣ, выставлены, по приказанію его, надъ дверями главнаго храма, какъ наиболѣе пріятная жертва для національныхъ боговъ.

Получивъ это страшное извѣстіе, Кортецъ, дѣйствительно разсерженный или только притворяясь такимъ для своихъ цѣлей, беретъ съ собой нѣсколькихъ съ ногъ до головы вооруженныхъ офицеровъ и отправляется во дворецъ Монтезумы; здѣсь онъ строго упрекаетъ его за возмутительную жестокость относительно людей, не сдѣлавшихъ мексиканцамъ ни малѣйшаго зла, и требуетъ, чтобы убійцы были немедленно преданы въ руки испанцевъ. А чтобы императоръ не вздумалъ уклониться отъ исполненія этого требованія, Кортецъ настаиваетъ съ угрозами на своемъ намѣреніи перевести Монтезуму во дворецъ, назначенный для помѣщенія испанцевъ, и держать его тамъ подъ стражей, въ качествѣ заложника, до тѣхъ поръ, пока убійцы не получатъ достойнаго возмездія, обѣщая, что между его товарищами глава имперіи будетъ окруженъ подобающими его сану почестями и что всѣмъ придворнымъ будетъ дозволено служить ихъ повелителю точно такъ же, какъ и въ то время, когда онъ находился на свободѣ.

При этомъ оскорбительномъ требованіи, гордый мексиканецъ не могъ сдержать своего негодованія противъ дерзкихъ чужеземцевъ, осмѣливающихся относиться такъ грубо къ нему, почти полубогу, окруженному поклоненіемъ и обожаніемъ подвластнаго ему народа; но когда одинъ изъ офицеровъ выхватилъ кинжалъ и съ страшными угрозами подступилъ къ императору, то послѣдній принужденъ былъ уступить; онъ немедленно согласился на всѣ условія, предложенныя Кортецомъ, и объявилъ своимъ приближеннымъ кацикамъ, что намѣренъ провести нѣкоторое время у своихъ добрыхъ друзей, испанцевъ.

Трудно представить себѣ, какое отчаяніе и негодованіе овладѣло жителями столицы, когда они узнали, что ихъ любимый и неограниченный монархъ находится во власти чужеземцевъ, въ качествѣ плѣнника. Въ городѣ началось волненіе, мексиканцы уже готовы были взяться за оружіе, чтобы силой освободить своего повелителя изъ рукъ враговъ; но Монтезума энергически воспротивился такому освобожденію. Не подумайте, что это было слѣдствіемъ жалкой трусости; нѣтъ, Монтезума славился своимъ мужествомъ и неустрашимостью, онъ дѣйствовалъ такъ, потому что дорожилъ жизнью своихъ подданныхъ и не хотѣлъ подвергать ихъ всѣмъ ужаснымъ послѣдствіямъ неравной борьбы съ непріятелемъ, въ рукахъ котораго находились громы пушекъ и страшныя животныя, способныя растоптать всякаго, кто къ нимъ приблизится. Не желая проливать напрасно кровь своего народа, императоръ запретилъ всякія насильственныя мѣры противъ испанцевъ и рѣшился терпѣливо перенести унизительное заключеніе, надѣясь такой покорностью смягчить Кортеца и отклонить его отъ новыхъ жестокихъ поступковъ. Но благородный монархъ горько ошибался, разсчитывая на великодушіе испанцевъ, и дальнѣйшія событія скоро заставили его раскаяться въ своей неумѣстной покорности.

Судите сами: какъ только убійцы испанскихъ солдатъ были отданы въ руки Кортеца, онъ приказалъ сжечь ихъ живыми на кострѣ, сложенномъ изъ копій, отнятыхъ у жителей столицы, а вслѣдъ затѣмъ отправился къ Монтезумѣ и велѣлъ надѣть на него цѣпи, подъ тѣмъ предлогомъ, что казненные, посреди невыразимыхъ страданій, будто бы указали на императора, какъ на главнаго виновника совершенныхъ ими убійствъ.

Трудно понять, какимъ образомъ могущественный Монтезума могъ безропотно подчиниться такому уни-

зительному обращенію, когда ему стоило только сказать слово, и озлобленные мексиканцы безъ всякой пощады истребили бы дерзкихъ авантюристовъ, осмѣлившихся посягнуть на священную особу ихъ императора и обращаться съ нимъ, какъ съ презрѣннымъ преступникомъ. Но въ томъ-то и дѣло, что рѣшительные поступки испанцевъ парализовали всю энергію, всѣ силы этого слабаго и добродушнаго народа до такой степени, что онъ не могъ придти въ себя отъ

изумленія, а его руководители, кацики, приближенные императора, окончательно растерялись. У нихъ не хватало смѣлости открыто возстать противъ притѣснителей, освободить силою изъ рукъ ихъ своего монарха, и они были способны только скорбѣть, жаловаться и со слезами на глазахъ поддерживать обременявшія его цѣпи.

Покорность Монтезумы обезоружила даже самого Кортеца и, можетъ быть, заставила его раскаяться въ своей жестокости, потому что, черезъ нѣсколько дней,

онъ отдалъ приказаніе снять оковы съ несчастнаго императора и обращаться съ нимъ менѣе сурово. Между тѣмъ рабство уже успѣло настолько развратить когда-то гордаго и неприступнаго монарха, что онъ не чувствовалъ ни злобы, ни презрѣнія къ своимъ мучителямъ, радовался оказанной ему милости, какъ ребенокъ, и въ восторгѣ цѣловалъ ноги солдатъ, освободившихъ его отъ тяжелыхъ оковъ.

Что-же дѣлалъ завистливый, мрачный губернаторъ Кубы въ то время, когда такое неслыханное слѣпое счастье покровительствовало отважнымъ замысламъ ненавистнаго ему человѣка? Получая постоянно извѣстія о блестящихъ подвигахъ Кортеца, онъ выходилъ изъ себя и проклиналъ свой неудачный выборъ, причемъ чувство зависти къ смѣломуавантюристу, который съ такимъ успѣхомъ выполнилъ данное ему порученіе, увеличивалось въ немъ съ каждымъ днемъ. Наконецъ, рѣшившись во что-бы то ни стало уничтожить своего врага, Веласкезъ отправилъ на его мѣсто другого генерала, по имени Нарваецъ. Поставивъ его во главѣ значительнаго войска, онъ приказалъ ему немедленно схватить Кортеца и, скованнаго по рукамъ и ногамъ, отправить въ Кубу, а самому продолжать завоеваніе Мексики. Однако, исполнить это приказаніе оказалось не легко, потому что новый генералъ не внушалъ солдатамъ ни довѣрія, ни уваженія и, при всей многочисленности своего войска, былъ нисколько неопаснымъ соперникомъ для Кортеца, поспѣшившаго выступить противъ него съ своей маленькой арміей, какъ только получилъ извѣстіе о назначеніи себѣ преемника. Приблизившись ночью къ лагерю Нарваеца, онъ окружилъ башню, въ которой тотъ заперся для большей безопасности, и однимъ своимъ появленіемъ привлекъ на свою сторону почти всѣхъ вновь пришедшихъ сол-

датъ. Во время ночной схватки Нарваецъ получилъ опасную рану и безъ всякаго сопротивленія отдался въ руки того самаго человѣка, котораго долженъ былъ доставить Веласкезу въ качествѣ плѣнника.

Такимъ образомъ, армія, посланная противъ покорителя Мексики, только увеличила его собственныя силы и явилась какъ-бы на помощь ему для завершенія предпріятія. Благодаря неожиданному подкрѣпленію, у Кортеца оказалось теперь около тысячи человѣкъ солдатъ, 80 лошадей и нѣсколько пушекъ, наводившихъ такой страхъ на обитателей Новаго Свѣта. Нужно сказать, что подкрѣпленіе это подоспѣло какъ-разъ во-время, потому что въ отсутствіе Кортеца, оставившаго для охраненія плѣннаго Монтезумы небольшой отрядъ подъ начальствомъ капитана Альварадо, этотъ послѣдній имѣлъ неосторожность нарушить своимъ вмѣшательствомъ какую-то священную церемонію, ежегодно совершаемую мексиканцами, причемъ они, слѣдуя варварскому обычаю, приносили множество человѣческихъ жертвъ въ честь своихъ главныхъ боговъ. Такое оскорбленіе послужило поводомъ къ всеобщему возстанію: забывъ свой страхъ передъ европейцами, не обращая вниманія на опустошенія, производимыя въ ихъ рядахъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, жители Мексики рѣшились положить конецъ владычеству испанцевъ и съ ожесточеніемъ напали на дворецъ, служившій ихъ мѣстопребываніемъ. Альварадо думалъ удержать ярость народа, заставивъ плѣннаго императора выйти къ нему, чтобы подѣйствовать на толпу силою прежняго авторитета; но бунтовщики не хотѣли слушать нѣкогда всемогущаго повелителя, и нѣсколько стрѣлъ, пущенныхъ почти въ упоръ, были единственнымъ отвѣтомъ на всѣ его мольбы. Раненный Монтезума упалъ на руки окружавшихъ его стражей. Не желая пережить гибели своего

народа, онъ сорвалъ повязки, которыя поспѣшили было наложить на его раны, и вскорѣ умеръ.

Вѣсть объ ужасной кончинѣ императора быстро распространилась между жителями столицы и довела ярость до послѣдней степени ожесточенія. Мексиканцы не боялись теперь ни пушечныхъ залповъ, ни конницы, ни новой арміи Кортеца, поспѣшившаго выручить изъ бѣды неосторожнаго Альварадо, и сражались геройски, какъ могутъ сражаться только люди, отстаивающіе не-

зависимость своей родины. Видя такое отчаянное сопротивленіе и безчисленныя толпы народа, потерявши болѣе половины солдатъ и почти всѣхъ лошадей, Кортецъ принужденъ былъ отступить изъ Мексико и на ближайшей горѣ собралъ остатки своего разстроеннаго войска, чтобы привести его въ порядокъ. Съ этой горы испанцы еще такъ недавно любовались красотой города, преданнаго теперь всѣмъ ужасамъ кровопролитной войны; но теперь имъ пришлось увидѣть уже не прежнюю мирную картину, а страшное зрѣлище мучитель-

ной смерти своихъ сорока товарищей, которые остались въ рукахъ побѣдителей и при свѣтѣ костровъ были принесены ими въ жертву богамъ; пришлось слышать стоны и раздирающіе душу крики этихъ несчастныхъ и невыразимо страдать отъ сознанія своего безсилія облегчить мученія соотечественниковъ или вырвать ихъ изъ рукъ разсвирѣпѣвшей толпы.

XVIII.

Казнь Гватимозена.

(1525-й годъ).

Недалеко отъ Мексико, по дорогѣ въ Вера-Круцъ,—это единственное убѣжище, куда направилась теперь разбитая испанская армія,—находился значительный городъ Отумба, въ настоящее время уже не существующій, но вблизи котораго и до сихъ поръ сохранились развалины двухъ огромныхъ храмовъ, посвященныхъ солнцу и лунѣ и, по своей древности и массивной постройкѣ, пользующихся всеобщей извѣстностью между путешественниками, посѣщавшими отдаленныя страны Новаго Свѣта.

Здѣсь-то, ободренные успѣхомъ и надеждой скоро совсѣмъ избавиться отъ страшныхъ пришельцевъ, мексиканцы настигли отрядъ Кортеца, еще не успѣвшій хорошенько оправиться отъ пораженія и усталости. Но предводитель его, какъ человѣкъ въ высшей степени мужественный, не могъ упасть духомъ при первой же неудачѣ и своей отвагой съумѣлъ такъ воодушевить утомленныхъ солдатъ, что они храбро вступили въ бой съ многочисленнымъ непріятелемъ и даже отняли у него священное знамя, которое туземцы очень уважали, считая его даромъ боговъ, ниспосланнымъ съ неба для уничтоженія бѣлыхъ. Суевѣрные мексиканцы сочли такую потерю дурнымъ предзнаменованіемъ и, еще за-

долго до окончательнаго пораженія, въ испугѣ разбѣжались въ разныя стороны, оставивъ на мѣстѣ битвы множество золота и серебра, привезеннаго съ собой кациками. Предоставивши всю эту богатую добычу своимъ солдатамъ и тласкаланамъ, остававшимся попрежнему его вѣрными союзниками, Кортецъ поспѣшилъ въ Вера-Круцъ, чтобъ дать отдыхъ измученному войску и собраться съ силами для новаго нападенія на Мексико.

Между тѣмъ и мексиканцы, оправившись отъ суевѣрнаго страха, начали дѣятельно готовиться къ продолженію войны. Прежде всего они позаботились пріискать главу для своего государства и, въ знакъ сожалѣнія о невольномъ убійствѣ прежняго императора, возвели на престолъ молодого и храбраго принца Гватимозена, зятя несчастнаго Монтезумы. Потомъ, они вызвали изъ провинцій всѣхъ туземныхъ воиновъ для защиты столицы, которой угрожало скорое нападеніе со стороны испанцевъ. Наконецъ, чтобы не допустить ихъ войти въ Мексико, сломали всѣ мосты, служившіе для сообщенія съ городомъ, а на случай, если бы непріятель вздумалъ перебраться черезъ озеро вплавь, приготовили множество маленькихъ тростниковыхъ лодокъ, съ двумя вооруженными людьми въ каждой. Вообще народъ рѣшился сопротивляться до послѣдней крайности и во что бы ни стало помѣшать европейцамъ снова овладѣть столицей.

Но вы скоро увидите, что, несмотря на всеобщее одушевленіе и многочисленность защитниковъ города, всѣ преимущества были далеко не на ихъ сторонѣ; въ рукахъ испанцевъ находились непобѣдимыя силы — знаніе и геніальная изобрѣтательность ихъ вождя, Фернанда Кортеца, который заранѣе предвидѣлъ планъ обороны, принятый жителями Мексико, и, соображаясь съ нимъ, приготовился къ нападенію. Онъ приказалъ

своимъ спутникамъ построить девять небольшихъ парусныхъ судовъ, перенести ихъ по частямъ на берегъ озера, окружавшаго столицу, а затѣмъ, когда они были собраны и спущены на воду, вооружилъ каждое изъ нихъ небольшой пушкой и размѣстилъ въ нихъ всѣхъ людей, составлявшихъ испанское войско. Въ состояніи ли были маленькіе, утлые челноки индѣйцевъ устоять противъ нападенія такой сильной флотиліи? Разумѣется, нѣтъ,—ихъ опрокидывали, затоп-

ляли и, наконецъ, принудили совсѣмъ удалиться съ озера, оставшагося вслѣдствіе этого въ полномъ распоряженіи испанцевъ, которые не пускали на него теперь ни одной лодки и такимъ образомъ мѣшали подвозу съѣстныхъ припасовъ въ осажденный городъ.

Вѣроятно, мексиканцы не предвидѣли такого исхода и не позаботились запастись провизіей, потому что въ столицѣ, съ ея громаднымъ населеніемъ, скоро начался страшный голодъ, появились тяжелыя болѣзни, смертность достигла ужасающихъ размѣровъ, и, послѣ не-

продолжительныхъ, но жестокихъ страданій, жители приступили къ Гватимозену съ требованіемъ впустить европейцевъ въ городъ, чтобъ положить конецъ всеобщему бѣдствію. Покоряясь народной волѣ, Гватимозенъ, противъ своего желанія, принужденъ былъ согласиться на это требованіе, но, чтобы, по крайней мѣрѣ, обмануть ожиданія корыстолюбивыхъ испанцевъ, приказалъ сначала бросить въ воду всѣ драгоцѣнности, находившіяся въ храмахъ и дворцахъ Мексико, а самъ рѣшился бѣжать. Пользуясь темнотою ночи, барка его, руководимая сильными гребцами, отплыла уже довольно далеко отъ берега, какъ вдругъ ее примѣтили съ одного непріятельскаго судна, погнались за ней и, безъ сомнѣнія, пустили бы ко дну, если бы спутники Гватимозена не прибѣгли къ послѣднему средству спасенія, объявивъ, что они везутъ самого императора.

Благодаря этой случайности, послѣдній монархъ Мексики очутился въ рукахъ побѣдителей, поспѣшившихъ теперь войти въ городъ и, въ припадкѣ безумной ярости, принявшихся грабить дворцы, разрушать храмы и убивать беззащитныхъ жителей. Такое грубое насиліе, конечно, должно очень омрачить въ вашихъ глазахъ блескъ славныхъ подвиговъ, совершенныхъ испанскими авантюристами, и показать вамъ, какъ мало эти просвѣщенные европейцы отличались отъ невѣжественныхъ туземцевъ, которыхъ они, въ своемъ высокомѣріи, считали неисправимыми варварами.

Впрочемъ, нужно вамъ сказать, что не чувство мести и не страсть къ разрушенію руководили дѣйствіями безпощадныхъ побѣдителей, а неудержимая жажда богатствъ, законными обладателями которыхъ они считали себя, овладѣвъ столицей Мексики, всегда представлявшейся имъ какимъ-то неисчерпаемымъ источникомъ всевозможныхъ сокровищъ. Каково-же было

ихъ негодованіе, когда они увидѣли, что всѣ эти сокровища исчезли! Обманутые въ своихъ надеждахъ, авантюристы съ бѣшенствомъ бросились на несчастныхъ жителей, преслѣдуя и убивая всѣхъ, кто попадался имъ подъ руки, и даже самъ Кортецъ, къ стыду и негодованію тѣхъ, кому дорога память о его великихъ заслугахъ, опозорилъ свое славное имя, принявъ участіе въ этой недостойной мести. Чтобы узнать, куда дѣвались сокровища, которыми такъ славилась

Мексика, онъ приказалъ положить Гватимозена вмѣстѣ съ его главнымъ кацикомъ на раскаленные уголья и продолжать эту мучительную пытку до тѣхъ поръ, пока они не выдадутъ тайны. Молодой государь выказалъ при этомъ необыкновенное мужество, твердо вынося ужасныя истязанія, а на мольбы кацика позволить ему открыть, въ какомъ мѣстѣ были брошены въ воду драгоцѣнности, изъ состраданія къ его мученіямъ, отвѣчалъ только: — «А развѣ я на розахъ?»... и черезъ нѣсколько минутъ умеръ, не выдавъ своей тайны.

*

Сдѣлавшись неограниченными обладателями Мексиканской имперіи, послѣ смерти Гватимозена и разрушенія столицы, испанцы не замедлили употребить во зло власть, доставшуюся имъ такъ легко. Много богатствъ извлекли они изъ своего завоеванія; но много также горя и слезъ доставили туземцамъ, обременяя ихъ тяжелыми работами, заставляя добывать драгоцѣнные металлы и камни, которыми, къ сожалѣнію, была такъ богата эта несчастная страна, переименованная ими въ Новую Испанію, потому что она имѣла во многихъ отношеніяхъ большое сходство съ ихъ далекой родиной въ Старомъ Свѣтѣ. Названіе это сохранилось за ней и въ настоящее время.

Вы, безъ сомнѣнія, спросите — чѣмъ-же отплатили Кортецу его сограждане за такія блестящія услуги, оказанныя родной странѣ, чѣмъ наградили его за такіе великіе подвиги, совершенные съ помощью ничтожной арміи изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ? Одной только неблагодарностью, потому что въ Испаніи, какъ и вездѣ, можетъ быть, современники не были способны достойно оцѣнить геніальныхъ людей, и покоритель Мексики едва не подвергся той-же печальной участи, какая постигла Христофора Колумба.

Завоеваніе одной изъ богатѣйшихъ странъ Новаго Свѣта не спасло Кортеца отъ клеветы и зависти соотечественниковъ; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ славнаго управленія Мексикой, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ принужденъ былъ отправиться въ Испанію, чтобы оправдаться отъ обвиненія въ томъ, что присвоилъ себѣ большую часть сокровищъ, которыя добывались въ управляемой имъ странѣ и считались собственностью испанскаго короля Карла V, царствовавшаго въ то время.

Сознавая себя совершенно правымъ и гордясь своими заслугами, которыхъ не могла отнять у него никакая

власть, Кортецъ поспѣшилъ исполнить строгое повелѣніе короля и прибылъ въ Испанію; но втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не могъ получить позволенія объясниться съ монархомъ, сильно предубѣжденнымъ противъ завоевателя Мексики, благодаря вліянію своихъ недостойныхъ совѣтниковъ. Вѣроятно, еще долго пришлось бы Кортецу оставаться въ этомъ неопредѣленномъ и оскорбительномъ положеніи, если-бы онъ не рѣшился добиться аудіенціи почти силой: встрѣтивъ разъ короля, ѣхавшаго въ коляскѣ по улицамъ Толедо, онъ вскочилъ на подножку экипажа и громко потребовалъ правосудія. А когда изумленный Карлъ обратился къ окружающимъ съ вопросомъ, кто этотъ дерзкій старикъ, то знаменитый воинъ смѣло отвѣтилъ: «Я—человѣкъ, завоевавшій для васъ большее число государствъ, чѣмъ ваши предки оставили вамъ городовъ».

Король былъ такъ пораженъ энергическимъ отвѣтомъ Кортеца, что на другой-же день призвалъ его во дворецъ и принялъ очень милостиво; но управленіе Новой Испаніей было поручено другому, и завоеватель ея, глубоко оскорбленный такой несправедливостью, не хотѣлъ долѣе оставаться на родинѣ, а предпочелъ провести остатокъ дней въ Мексикѣ, гдѣ у него было значительное состояніе, и черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ тамъ, исполненный негодованія на неблагодарность своихъ согражданъ.

XIX.

Путешествіе Магеллана.

(Отъ 1519 до 1522 г.).

Еще въ то время, когда Кортецъ оканчивалъ завоеваніе Мексики, сопровождавшееся такимъ необыкновеннымъ успѣхомъ, одинъ португальскій морякъ, по имени Магелланъ, благодаря содѣйствію испанскаго короля, получилъ въ свое распоряженіе пять небольшихъ кораблей, на которыхъ намѣревался отправиться въ отдаленное путешествіе, съ цѣлью отыскать западный путь въ Остъ-Индію, что составляло нѣкогда любимую мечту Христофора Колумба. Тридцать лѣтъ тому назадъ подобное намѣреніе показалось-бы безумнымъ бредомъ, игрой разстроеннаго воображенія, но со времени открытія Америки, для испанцевъ уже не существовало, повидимому, ничего невозможнаго, и потому предпріятіе Магеллана было встрѣчено всеобщимъ сочувствіемъ. Духъ предпріимчивости и отваги, которымъ въ средніе вѣка отличались Норманны, получившіе такую громкую извѣстность своими отдаленными плаваніями, былъ тогда господствующимъ настроеніемъ въ Испаніи, гдѣ нашлось много охотниковъ раздѣлить труды португальскаго моряка, и маленькая флотилія была скоро готова къ отплытію.

Нужно вамъ сказать, что Магелланъ не походилъ на обыкновенныхъ авантюристовъ, видящихъ въ отдаленномъ путешествіи только средство для скорой наживы или для легкаго пріобрѣтенія извѣстности; напротивъ, это былъ человѣкъ безкорыстный, просвѣщенный и способный, отдавшись всецѣло какой-нибудь идеѣ, пожертвовать для нея всѣмъ на свѣтѣ. Какъ опытный морякъ, онъ не считалъ нужнымъ слѣпо придерживаться пути, проложеннаго въ Америку Колумбомъ; но, по выходѣ изъ Кадикса, главной андалузской гавани, плылъ сначала къ югу, потомъ, миновавъ берега Бразиліи и встрѣтивъ недалеко отъ нея устье широкой рѣки, вздумалъ

пробраться съ своими кораблями вверхъ по ея теченію. Эта многоводная рѣка получила впослѣдствіи названіе Ріо-де-Ланлата, т. е. серебряная рѣка, потому что недалеко отъ ея береговъ были открыты серебряные рудники; однако, несмотря на обширность ея, плаваніе по ней, по мѣрѣ удаленія отъ устья, становилось все затруднительнѣе, такъ что Магелланъ принужденъ былъ, наконецъ, отказаться отъ своего намѣренія и вернуться въ Атлантическій океанъ. Здѣсь смѣлый морякъ продолжалъ плыть въ томъ же направленіи (т. е. на югъ), подъ жгучими лучами тропическаго солнца, въ самомъ нездоровомъ климатѣ, вліяніе котораго не замедлило обнару-

житься среди его экипажа—на кораблях появились разныя болѣзни, матросы умирали или лежали больные, а избѣжавшіе этой участи упрашивали Магеллана отказаться отъ неосуществимаго намѣренія и вернуться въ Испанію. Между тѣмъ смѣлый морякъ все еще не терялъ надежды достигнуть предположенной цѣли. Онъ такъ твердо вѣрилъ въ свой успѣхъ, что, въ виду его, считалъ позволительными всякія жертвы и готовъ былъ на всѣ лишенія. Наконецъ, послѣ долгихъ мѣсяцевъ мучительнаго ожиданія, въ одинъ прекрасный день экипажъ увидѣлъ вдали небольшой проливъ, пересѣкавшій, повидимому, континентъ Новаго Свѣта.

При ближайшемъ осмотрѣ оказалось, что этотъ проливъ былъ очень узокъ и такъ загроможденъ скалами, что матросы считали рѣшительно невозможнымъ переплыть его. Но никакія препятствія не могли удержать Магеллана отъ намѣренія изслѣдовать, куда ведетъ опасный проливъ, и смѣлый морякъ не задумался совершить черезъ него трудный переѣздъ, стоившій ему трехъ кораблей; зато съ двумя остальными Магелланъ, послѣ трехнедѣльнаго затруднительнаго плаванія, снова вышелъ въ открытое море. Вы, конечно, догадываетесь, что это было то самое море, которымъ нѣкогда любовался несчастный Бальбоа съ вершины горъ, окружающихъ Панаму; оно казалось такимъ же громаднымъ, какъ и Атлантическій океанъ, только менѣе бурнымъ, почему Магелланъ назвалъ его Тихимъ океаномъ.

Съ этой минуты, начальникъ флотиліи уже не сомнѣвался въ возможности скоро достигнуть азіатскаго материка, если плыть по направленію къ сѣверо-западу. И онъ былъ правъ; но вслѣдствіе роковой, непредвидѣнной случайности, ему не пришлось увидѣть осуществленія этого завѣтнаго желанія всей своей жизни. На пути корабли пристали къ группѣ небольшихъ

острововъ, гдѣ матросы надѣялись возобновить запасы прѣсной воды и провизіи, истощившіеся втеченіе двухлѣтняго плаванія. Большая часть экипажа отправилась на берегъ, не ожидая встрѣтить здѣсь новую опасность, какъ вдругъ туземные дикари напали на испанцевъ съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ, убили нѣсколько человѣкъ своими ядовитыми стрѣлами и, къ несчастію, смертельно ранили самого Магеллана. Оплакивая свою тяжелую, невозвратимую потерю, спутники убитаго поспѣшили оставить эти негостепріимные острова, названные впослѣдствіи Филиппинскими, въ честь испанскаго короля Филиппа II, вступившаго на престолъ по смерти Карла V. Проливъ, по которому отважился пройти преждевременно погибшій великій мореплаватель, былъ названъ въ память его Магелланов-вымъ, въ чемъ выразилась послѣдняя и единственно возможная благодарность къ заслугамъ безсмертнаго португальца со стороны его товарищей по экспедиціи.

Однако, печальная участь, постигшая Магеллана, не отняла у спутниковъ его рѣшимости продолжать начатое имъ предпріятіе. Старшій офицеръ Себастьянъ-дель-Кано принялъ начальство надъ кораблями и, держась все того же сѣверо-западнаго направленія, отправился дальше по неизвѣстному океану, на которомъ было разсѣяно множество острововъ. Наконецъ, совершенно неожиданно путешественники увидѣли Молукскіе острова, принадлежавшіе португальцамъ, получавшимъ съ нихъ въ необыкновенномъ изобиліи перецъ, корицу, гвоздику и другія пряности, употребленіе которыхъ распространилось въ Европѣ со времени крестовыхъ походовъ.

Когда Себастьянъ-дель-Кано убѣдился, что случай привелъ его во владѣнія европейской державы, то рѣшился остановиться на нѣсколько дней, чтобъ собрать отъ португальцевъ свѣдѣнія относительно дальнѣй-

шаго плаванія. Представьте же себѣ, какъ онъ удивился и обрадовался, узнавъ, что находится теперь недалеко отъ Восточной Индіи, по сосѣдству съ Китайской имперіей и Японіей, которая, подъ названіемъ острова Сипанго, пользовалась такой громкой извѣстностью во всей Европѣ со времени распространенія баснословныхъ разсказовъ Марко-Поло. Сознавая всю важность сдѣланнаго имъ открытія, преемникъ Магеллана поспѣшилъ отправиться въ дальнѣйшій путь на своемъ единственномъ кораблѣ «Побѣда» и, пользуясь указаніями португальскихъ моряковъ, обогнулъ мысъ Доброй Надежды, около котораго, какъ вы знаете, 20 лѣтъ тому назадъ, прошелъ Васко-де-Гама, и благополучно прибылъ въ Испанію.

Такимъ образомъ было совершено первое кругосвѣтное путешествіе; спутники Магеллана прошли мимо всѣхъ материковъ, находящихся на земномъ шарѣ, и вернулись назадъ со стороны противоположной той, откуда отправились, употребивъ на это славное путешествіе 3 года и 28 дней и возбудивъ всеобщее изумленіе къ такому удивительному событію, не только въ Испаніи, но и во всей Европѣ.

Для того чтобъ вполнѣ оцѣнить громадность совершеннаго Магелланомъ и его спутниками путешествія, которое тогда дѣйствительно было необыкновеннымъ подвигомъ, хотя въ наше время оно очень часто предпринимается моряками всѣхъ націй, стоитъ только прослѣдить на глобусѣ путь, пройденный знаменитымъ португальскимъ мореплавателемъ. При этомъ васъ еще болѣе поразитъ геній и проницательность Колумба, который, силою своего ума, пришелъ къ убѣжденію въ возможности достигнуть моремъ азіатскаго материка и богатой Остъ-Индіи, если плыть постоянно къ западу. Какъ видите, опытъ блистательно подтвердилъ смѣлую мысль безсмертнаго генуэзца.

Замѣчу здѣсь кстати, что Магеллановъ проливъ образуется съ одной стороны обширными и безплодными равнинами, гдѣ живутъ дикари Южной Америки, отличающіеся, какъ говорятъ, необыкновенно высокимъ ростомъ, а съ другой—группой острововъ различной величины, называемыхъ Патагонскимъ Архипелагомъ или Огненной Землей, потому что, по мнѣнію тогдашнихъ путешественниковъ, эти острова пользовались самымъ жаркимъ климатомъ въ свѣтѣ. Оконечность одного изъ острововъ, мысъ Горнъ, составляетъ крайній предѣлъ земель, извѣстныхъ на югѣ, и называется такъ по имени одного англійскаго моряка, изслѣдовавшаго эту громадную косу, мимо которой проходятъ теперь всѣ корабли, идущіе изъ Европы въ Тихій океанъ.

XX.

Франсуа Пизарръ и Альмагро.

(Отъ 1523 до 1525 г.).

Взглянувши на карту Новаго Свѣта, вы увидите, недалеко отъ залива Паріа, открытаго Колумбомъ, начало громадной цѣпи горъ, идущихъ черезъ всю Южную Америку до Магелланова пролива. Эти горы, вершины которыхъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, составляютъ одну изъ самыхъ высокихъ цѣпей на земномъ шарѣ и, какъ вы сами можете убѣдиться, тянутся вдоль береговъ Тихаго океана.

Между этимъ горнымъ хребтомъ, называемымъ Андами, и безграничнымъ Великимъ океаномъ простирается та изобилующая золотомъ страна, на которую индѣйцы указывали несчастному Бальбоа, не имѣвшему, однако, возможности воспользоваться ея неисчерпаемыми богатствами вслѣдствіе своей насильственной, преждевременной смерти. Послѣ него находилось не мало охотниковъ, желавшихъ пойти по слѣдамъ смѣлаго авантюриста, но ихъ останавливали обширные лѣса и непроходимыя болота, лежащія на пути во внутренность Америки.

Въ то время въ Панамѣ пользовались извѣстностью двое испанцевъ, отличавшихся необыкновеннымъ мужествомъ, предпріимчивостью и впослѣдствіи наиболѣе прославившихся между всѣми испанскими авантюристами, подвигамъ которыхъ удивлялся тогда весь міръ.

Одного изъ нихъ звали Франсуа Пизарръ, другого—Діего Альмагро; первый былъ незнатнаго рода и въ дѣтствѣ пасъ свиней у своего отца, имѣлъ грубый, дикій нравъ и, повидимому, отличался такой тупостью, что даже не могъ выучиться читать; но подъ этой непривлекательной внѣшностью скрывались недюжинныя силы и неудержимая страсть къ громкимъ, славнымъ подвигамъ. Другой—сирота, никогда не знавшій своихъ

родителей, которыхъ нищета заставила, говорятъ, покинуть ребенка при самомъ рожденіи, былъ воспитанъ чужими людьми изъ состраданія и, благодаря хорошимъ способностямъ и прилежанію, получилъ порядочное образованіе.

Несмотря на различіе характеровъ, Пизарръ и Альмагро избрали одинаковое поприще для своей дѣятельности: оба поступили въ военную службу и отправились въ Америку, чтобы тамъ пріобрѣсти себѣ извѣстность, какъ это удалось многимъ честолюбивымъ людямъ того времени. Узнавши о славныхъ походахъ

Кортеца, о томъ, съ какимъ ничтожнымъ числомъ солдатъ успѣлъ онъ завоевать Мексику, молодые авантюристы мечтали, въ свою очередь, попытать счастія и моремъ пробраться въ ту невѣдомую страну, о богатствахъ которой сохранилось воспоминаніе по разсказамъ бывшихъ спутниковъ Бальбоа. Не имѣя средствъ снарядить экспедицію на свой счетъ, они обратились къ одному школьному учителю, тоже испанцу, по имени Фердинанду де-Люсъ, и предложили ему принять участіе въ этомъ предпріятіи, обѣщая щедро подѣлиться съ ними будущими сокровищами. На этомъ условіи школьный учитель согласился помочь предпріимчивымъ соотечественникамъ и предоставилъ въ ихъ распоряженіе два небольшихъ корабля, на которыхъ могло помѣститься человѣкъ двѣсти солдатъ, нѣсколько лошадей и пушекъ. Всѣ приготовленія были очень скоро окончены, и Пизарръ, во главѣ сотни испанцевъ, раздѣлявшихъ его надежды на счастливый исходъ предпріятія, первый покинулъ Панаму съ однимъ изъ кораблей. Черезъ нѣсколько дней послѣ довольно затруднительнаго плаванія, путешественники высадились на неизвѣстномъ берегу, покрытомъ густымъ лѣсомъ, и были встрѣчены очень недружелюбно воинственными дикарями, которые, вооружившись камнями и стрѣлами, упорно противились вторженію чужеземцевъ во внутренность страны.

Такое неудачное начало не охладило, однако, рвенія и мужества Пизарра. Сознавая, что послѣ испытанныхъ имъ пораженій съ ничтожнымъ количествомъ утомленнаго войска невозможно двинуться дальше, непреклонный Пизарръ сталъ терпѣливо ждать подкрѣпленія отъ Альмагро изъ Панамы. Между тѣмъ пережиданіе это было обставлено самыми неблагопріятными условіями: солдаты гибли отъ всевозможныхъ лишеній;

мѣстность и климатъ способствовали развитію болѣзней, а окрестные дикари не давали покоя и грозили постоянными нападеніями. Спутники Пизарра, послѣдовавшіе за нимъ только въ надеждѣ, что ихъ ожидаетъ несомнѣнный успѣхъ и неистощимыя богатства, считали себя обманутыми и потеряли довѣріе къ своему предводителю, когда пришлось на первыхъ-же порахъ потерпѣть неудачу и перенести столько лишеній. «Если положеніе наше такъ безвыходно теперь, при самомъ началѣ похода, то что-же будетъ дальше, когда исто-

щатся наши силы и выйдутъ съѣстные припасы? Навѣрное, мы всѣ погибнемъ отъ голода и болѣзней или будемъ истреблены дикарями, и никому изъ насъ не придется увидѣть далекую родину, обнять родныхъ и друзей»...

Такъ разсуждали несчастные испанцы, измученные бѣдствіями неудачной войны, и рѣшились требовать отъ Пизарра, чтобъ онъ немедленно отправился назадъ въ Панаму. Но этотъ человѣкъ обладалъ желѣзнымъ характеромъ и непобѣдимой силой воли; поэтому всѣ старанія склонить его къ отъѣзду были тщетны, такъ какъ онъ оставался равнодушенъ не только къ мольбамъ и жалобамъ, но и къ угрозамъ своихъ спутниковъ, которые говорили, что оставятъ его одного въ этой не-

извѣстной странѣ, гдѣ онъ неминуемо долженъ погибнуть. Однако, Пизарръ сознавалъ свое безсиліе удержать солдатъ противъ ихъ воли отъ постепенно возраставшаго въ нихъ желанія возвратиться въ Панаму и потому рѣшился прибѣгнуть къ нравственнымъ мѣрамъ, стараясь возбудить ихъ самолюбіе и привязанность къ своему вождю. Съ этой цѣлью онъ взялъ шпагу, провелъ ею черту на землѣ и предложилъ, чтобы желающіе бросить его переходили на другую сторону, а согласные остаться съ нимъ и раздѣлить его участь сохранили свои прежнія мѣста.

Вначалѣ это предложеніе подѣйствовало на солдатъ и заставило ихъ поколебаться; имъ сдѣлалось совѣстно открыто возстать противъ начальника, которому они еще такъ недавно клялись въ безусловномъ повиновеніи, въ преданности на жизнь и на смерть. Но стоило только одному изъ наиболѣе трусливыхъ перейти черезъ роковую черту, какъ за нимъ тотчасъ послѣдовалъ другой, третій—и вскорѣ всѣ спутники Пизарра оказались на противоположной сторонѣ, за исключеніемъ 13 человѣкъ, выразившихъ готовность дѣлить всѣ его труды и, въ случаѣ нужды, умереть вмѣстѣ съ нимъ. Вотъ какому ничтожному числу смѣльчаковъ обязанъ міръ завоеваніемъ богатѣйшей страны Новаго Свѣта.

Альмагро былъ въ Панамѣ и вербовалъ охотниковъ для усиленія войска своего товарища въ то время, когда узналъ о печальномъ положеніи Пизарра, оставленнаго возмутившимися солдатами. Видя, что всѣмъ ихъ планамъ грозитъ неизбѣжная гибель, такъ какъ съ 13-ю спутниками невозможно удержаться въ далекой и негостепріимной странѣ, гдѣ дикари не замедлятъ воспользоваться слабостью дерзкихъ пришельцевъ и постараются истребить ихъ, Альмагро принялся хлопотать о томъ, чтобы возбудить между испанцами сочувствіе къ бѣдственному положенію земляковъ среди враждебнаго варварскаго народа. Онъ краснорѣчиво доказывалъ, какія громадныя выгоды можетъ извлечь Испанія изъ пріобрѣтенія новой страны, и въ то же время выставлялъ на видъ, какой позоръ ожидаетъ испанцевъ, если они не окажутъ помощи своимъ несчастнымъ соотечественникамъ; словомъ—съумѣлъ такъ воодушевить жителей Панамы, что они напере-

рывъ принялись помогать въ отправкѣ другого корабля къ Пизарру. А солдаты, рѣшившіеся отправиться на выручку товарищей, были по большей части люди сильные, мужественные и готовые на все для успѣха предпріятія.

Несмотря на всю энергію и настойчивость Альмагро, прошло три долгихъ мѣсяца прежде, чѣмъ Пизарръ и его спутники дождались столь необходимой для нихъ помощи. Нечего и говорить, какъ мучительно показалось выжиданіе для этихъ людей, брошенныхъ на пустынномъ берегу, посреди величайшихъ опасностей.

По цѣлымъ часамъ, не сводя глазъ съ моря, тревожно слѣдили они, не покажется-ли на горизонтѣ давно ожидаемый корабль, несущій имъ спасеніе, и трудно описать тотъ восторгъ, съ какимъ былъ встрѣченъ ими Альмагро, когда этотъ неизмѣнный товарищъ присталъ, наконецъ, къ берегу. Съ его прибытіемъ въ сердцахъ авантюристовъ снова проснулась надежда на успѣхъ, даже увѣренность въ немъ; обрекая себя почти на вѣрную смерть въ то время, когда они рѣшились остаться съ своимъ начальникомъ, эти смѣльчаки почувствовали теперь непобѣдимую отвагу, и даже самая мысль о неудачѣ какъ-бы не существовала для нихъ.

Черезъ нѣсколько дней, Альмагро, вѣрный своей задачѣ заботиться о нуждахъ товарищей, снова вернулся въ Панаму за подкрѣпленіемъ, а Пизарръ, во главѣ довольно значительнаго отряда, смѣло направился во внутрь страны, которая едва не сдѣлалась его могилой.

XXI.

Инки.

(Отъ 1528 до 1532 г.).

Со времени своего вступленія въ новую страну, испанцы очень изумились, найдя въ ней всѣ признаки культуры: земля была хорошо обработана, и жилища совсѣмъ не походили на тѣ грубыя постройки, которыя встрѣчались имъ до сихъ поръ на американскомъ континентѣ. Туземцы этой области, пользующейся самымъ жаркимъ и самымъ благорастворенным климатомъ въ свѣтѣ, хотя и отличались такимъ-же мѣднокраснымъ цвѣтомъ кожи, какъ дикари Кубы и Гаити, однако, не ходили нагими, подобно этимъ послѣднимъ, а напротивъ, одѣвались наряднѣе мексиканцевъ и тласкалановъ. Они носили не однѣ только простыя, бѣлыя ткани изъ хлопчатой бумаги, но употребляли на платье также шерстяныя матеріи различныхъ цвѣтовъ; головы ихъ были украшены великолѣпными, ярко окрашенными перьями, а руки—золотыми и серебряными браслетами. Драгоцѣнные металлы, повидимому, такъ мало цѣнились туземцами, что они употребляли ихъ даже на приготовленіе обыкновенной домашней утвари, и это очень обрадовало испанцевъ, убѣдивъ ихъ въ справедливости словъ Пизарра, всегда утверждавшаго, что въ новой странѣ его спутники найдутъ несмѣтныя сокровища.

Страна, въ которую вступили теперь испанцы, находилась въ Южной Америкѣ, между Андами и Тихимъ океаномъ, и представляла собою обширное государство *Перу*, населенное храбрымъ, сильнымъ и могущественнымъ народомъ. О томъ, какимъ образомъ это государство достигло цвѣтущаго положенія и что помогло жителямъ выйти изъ того первобытнаго состоянія, въ которомъ находились остальныя племена, населяющія Америку, перуанцы разсказывали слѣдующую поэтическую легенду.

Въ какую-то очень отдаленную эпоху предки перуанцевъ увидѣли однажды на берегу озера Титикака мужчину и женщину необыкновенной наружности, объявившихъ имъ, что они дѣти солнца и посланы на землю за тѣмъ, чтобы сдѣлать людей лучше и счастливѣе. Услышавъ это, пораженные дикари пали ницъ передъ необыкновенными существами, изъ которыхъ мужчина назывался Манко-Капакъ, а женщина—Мама-Околло. Оба они оказали множество благодѣяній народу, принявшему ихъ съ величайшимъ почетомъ. Манко-Капакъ научилъ мужчинъ обработывать землю и собирать жатву, а Мама-Околло передала женщинамъ искусство прясть хлопчатую бумагу и шерсть перуанскихъ козъ, называемыхъ *ламами*, приготовлять изъ нитокъ ткани и шить легкую удобную одежду. Въ то же время перуанцы, подъ руководствомъ своихъ просвѣтителей, начали строить города; главными изъ нихъ были *Квито* и *Куско*, отстоявшіе очень далеко одинъ отъ другого и украшенные великолѣпными зданіями, остатки которыхъ сохранились еще и до нашего времени. Особенно славился городъ Квито, основанный Манко-Капакомъ и предназначенный быть столицей имперіи, возникшей его трудами; здѣсь находилось множество дворцовъ и храмовъ въ честь солнца

и луны, гдѣ эти свѣтила были изображены въ видѣ громадныхъ статуй изъ чистаго золота и серебра, представлявшихъ мужчину и женщину, окруженныхъ лучами. Внутренность храмовъ, поражала роскошью и красотою: самыя стѣны ихъ были обиты листовымъ золотомъ, не говоря уже о другихъ украшеніяхъ.

Послѣ смерти Манко-Капака и Мамы-Околло, смерти, все-таки оказавшейся неизбѣжной, несмотря на божественное происхожденіе этихъ личностей, они были погребены въ одномъ изъ храмовъ, и надъ прахомъ ихъ воздвигнуты огромныя статуи, изображавшія первыхъ просвѣтителей перуанскаго народа сидящими на золотомъ тронѣ въ самыхъ роскошныхъ одеждахъ; причемъ лица статуй были обращены къ изображеніямъ солнца и луны, дѣтьми которыхъ считались эти необыкновенныя личности, по понятіямъ наивныхъ туземцевъ. Но перуанцы не ограничились этими выраженіями признательности къ своимъ благодѣтелямъ: они постановили, чтобы потомки сверхъестественныхъ существъ, оказавшихъ народу столько неоцѣненныхъ услугъ, всегда управляли страной, обязанной имъ такъ много, и возвели династію ихъ на престолъ подъ именемъ *Инковъ*, т. е. властителей Перу.

Въ то время, когда Пизарръ и его товарищи появились въ предѣлахъ перуанской имперіи, Манко-Капакъ и Мама-Околло давно уже не существовали, но династія ихъ все еще царствовала въ Перу, и 12-й представитель ея, Атагвальпа, имѣлъ своей резиденціей городъ Квито, находившійся недалеко отъ того мѣста, гдѣ высадились испанцы.

Конечно, перуанскій монархъ скоро узналъ о томъ, что въ его владѣнія прибыли какіе-то неизвѣстные люди странной наружности и необыкновеннаго цвѣта кожи, что эти люди носятъ блестящее оружіе и ѣздятъ

на невиданныхъ животныхъ, нисколько не похожихъ на туземную ламу. Чтобы разрѣшить свое недоумѣніе, онъ послалъ нѣсколько воиновъ къ чужеземцамъ узнать— зачѣмъ они пришли и какая часть земли или неба ихъ отчизна.

Хотя положеніе Пизарра посреди огромнаго государства, въ которое онъ вступилъ съ самыми враждебными намѣреніями и съ такими ничтожными силами, было очень затруднительно, однако, мужество не измѣнило храброму авантюристу, и опасности только увеличивали его отвагу. Рѣшившись прежде всего искать свиданія съ могущественнымъ обладателемъ Перу, онъ отвѣчалъ его посланнымъ, что, по приказанію сильнѣйшаго государя въ свѣтѣ, долженъ передать самому инкѣ нѣчто чрезвычайно важное. Успокоенный этимъ извѣстіемъ и не подозрѣвая коварныхъ замысловъ со стороны людей, неизвѣстныхъ ему даже по имени, Атагвальпа пожелалъ увидѣться съ ними и назначилъ для этой цѣли одну изъ равнинъ, окружавшихъ сосѣдній городъ Кахсамарку, обѣщавъ скоро прибыть туда со всѣмъ дворомъ.

Намѣренія Пизарра были, впрочемъ, далеко не мирнаго характера: въ головѣ его созрѣлъ самый смѣлый планъ, когда-либо употреблявшійся на войнѣ, при помощи котораго онъ надѣялся завладѣть богатствами Атагвальпы и его свиты, такъ какъ ему было извѣстно, по разсказамъ индѣйцевъ, какой безумной роскошью окружаетъ себя перуанскій императоръ.

Не сомнѣваясь въ успѣхѣ, неустрашимый Пизарръ привелъ свою маленькую армію на то мѣсто, гдѣ должно было происходить свиданіе, выстроилъ ее въ боевомъ порядкѣ и отдалъ солдатамъ приказаніе оставаться безмолвными и неподвижными до тѣхъ поръ, пока онъ не подастъ имъ знака начать сраженіе.

Изъ этого вы можете видѣть, что Пизарръ и его спутники заранѣе условились напасть неожиданно на перуанцевъ и захватить все, что будетъ можно, по примѣру Кортеца, овладѣвшаго, благодаря такой же неожиданности, самимъ императоромъ Мексики, и притомъ еще въ его собственномъ дворцѣ.

Не забудьте, что для выполненія такого дерзкаго плана, Пизарръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи не болѣе ста человѣкъ пѣхоты, въ которой только у троихъ были мушкеты, и 60 человѣкъ конницы, при двухъ небольшихъ пушкахъ; но зато нравственная сила этихъ людей была очень велика; мужество или, скорѣе, алчность, дѣлала ихъ непобѣдимыми и заставляла спокойно ожидать прибытія перуанской арміи. Армія эта заняла всѣ окрестныя равнины и уже одной своей многочисленностью могла внушить самыя серьезныя опасенія.

Впрочемъ, свита Атагвальпы, состоявшая изъ 30,000 человѣкъ, совсѣмъ не походила на регулярную армію въ европейскомъ смыслѣ слова, тѣмъ больше, что перуанцы не ожидали нападенія со стороны малочисленныхъ чужеземцевъ и отправлялись на это свиданіе, какъ на праздникъ, гдѣ имъ предстояло выказать все богатство своего государства. Самъ инка, въ великолѣпной одеждѣ, небрежно лежалъ на золотомъ тронѣ, который несли главные кацики имперіи, между тѣмъ какъ другіе вельможи, поддерживая надъ его головой зонтики и вѣера изъ разноцвѣтныхъ перьевъ, защищали своего повелителя отъ солнца и пыли или навѣвали на него пріятную прохладу. Всѣ окружающіе императора, даже послѣдніе слуги, были буквально залиты золотомъ, и серебромъ; драгоцѣнные камни сверкали на ихъ одеждахъ, и немудрено, если, при видѣ такого баснословнаго богатства, ропотъ изумленія и радости пронесся по рядамъ европейскаго войска, которое съ трудомъ сдерживало свое нетерпѣніе поскорѣе овладѣть этими сокро-

вищами и едва не нарушило приказанія своего начальника.

Послѣ первыхъ привѣтствій, одинъ испанскій монахъ, по имени Вальвердъ, пришедшій вмѣстѣ съ Пизарромъ для распространенія христіанской религіи между язычниками, поднесъ инкѣ евангеліе и черезъ переводчика объяснилъ ему, что, по ученію христіанъ, въ этой книгѣ заключается слово божіе, прислушавшись къ которому,

императоръ доставитъ величайшія блага себѣ и своему народу. Наивный Атагвальпа, не понявъ хорошенько этого цвѣтистаго языка, совершенно незнакомаго перуанцамъ, поспѣшно схватилъ книгу и, думая дѣйствительно услышать оттуда священныя слова, приложилъ ее къ своему уху, но видя, что книга остается безмолвной, гордый инка заподозрилъ иностранца въ желаніи посмѣяться надъ его довѣрчивостью и съ гнѣвомъ бросилъ евангеліе на землю.

Такой поступокъ былъ совершенно естественъ со стороны невѣжественнаго, нисколько нетронутаго цивилизаціей, императора и не заключалъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для святыни; однако, испанцы воспользовались этимъ случаемъ для своихъ корыстныхъ цѣлей, назвали его возмутительнымъ кощунствомъ и, даже не дожидаясь приказанія Пизарра, бросились съ яростнымъ крикомъ на перуанцевъ, не ожидавшихъ

нападенія. Началась страшная, отвратительная рѣзня. Солдаты рубили направо и налѣво, стрѣляли въ беззащитныхъ индѣйцевъ, стараясь положить ихъ какъ можно больше на мѣстѣ, съ ожесточеніемъ преслѣдовали бѣгущихъ, и конница добивала раненныхъ копытами своихъ лошадей. Скоро громадныя толпы перуанцевъ были совершенно разсѣяны, и поле битвы покрылось множествомъ труповъ; самъ Атагвальпа едва не погибъ отъ руки одного изъ солдатъ, который уже сорвалъ съ его головы золотую корону, когда Пизарръ

подоспѣлъ на помощь и объявилъ императора своимъ плѣнникомъ. Закованный тотчасъ-же въ цѣпи, несчастный инка, впродолженіе нѣсколькихъ часовъ, оставался безмолвнымъ свидѣтелемъ того, какъ побѣдители грабили его убитыхъ и раненныхъ подданныхъ, срывая все, что было цѣннаго въ ихъ одеждѣ, и долго не могъ понять, что все это дѣлается изъ жадности и совсѣмъ не вслѣдствіе желанія отмстить за поруганіе святыни.

Полученная такимъ недостойнымъ способомъ добыча оказалась даже значительнѣе, чѣмъ ожидали сами побѣдители, и послѣ дѣлежа каждый изъ спутниковъ Пизарра получилъ на свою долю множество цѣнныхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей. Сдѣлавшись обладателями довольно крупныхъ суммъ, солдаты уже не думали о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ и желали только одного—поскорѣе вернуться на родину, чтобы тамъ мирно наслаждаться такъ легко доставшимся имъ богатствомъ. Однако, не многимъ изъ этихъ корыстолюбивыхъ авантюристовъ удалось осуществить свое желаніе: большинство ихъ постигла самая печальная участь въ той странѣ, которая, вслѣдствіе грубости этихъ цивилизованныхъ варваровъ, сдѣлалась театромъ жестокихъ и кровопролитныхъ войнъ.

XXII.

Выкупъ Атагвальпы.

(1532-й годъ).

Франсуа Пизарръ и его спутники еще не успѣли раздѣлить между собою добычи, захваченной у несчастныхъ перуанцевъ, и уйти съ поля сраженія при Каксамаркѣ, когда къ нимъ присоединился Альмагро съ толпою авантюристовъ, охотно согласившихся принять участіе въ предпріятіи, сулившемъ щедрое вознагражденіе.

При видѣ безчисленныхъ сокровищъ, доставшихся побѣдителямъ, чувство изумленія и зависти овладѣло вновь прибывшими испанцами, и они потребовали, чтобъ ихъ сдѣлали участниками въ дѣлежѣ добычи; но товарищи Пизарра возмутились такимъ требованіемъ, считая его неслыханной дерзостью со стороны людей, не принимавшихъ никакого участія въ битвѣ. Еще немного—и обѣ враждующія партіи уже готовы были взяться за оружіе, чтобъ разрѣшить споръ силою, когда вмѣшательство Пизарра спасло его армію отъ послѣдствій кровопролитнаго междоусобія. Онъ роздалъ только-что пришедшимъ солдатамъ большую часть драгоцѣнностей, доставшихся на его долю, и тѣмъ положилъ конецъ раздорамъ. Недовольнымъ остался только одинъ Альмагро, начинавшій уже чувствовать зависть къ своему товарищу. Несмотря на обѣщаніе Пи-

зарра поровну раздѣлить выкупъ, который онъ надѣялся получить съ плѣннаго инки за возвращеніе ему свободы, между прежними друзьями появилось сначала недовѣріе, а потомъ и взаимная ненависть. Какъ видите, эти люди оставались вѣрными союзниками, дѣятельно помогали другъ другу, пока были бѣдны и незнатны; но послѣ пріобрѣтенія извѣстности и богатства сдѣлались непримиримыми врагами, готовыми повредить одинъ другому при первой возможности.

Надежды испанцевъ на богатый выкупъ оказались вполнѣ вѣрными: несчастный Атагвальпа скоро убѣдился, что только жадность руководитъ дѣйствіями его тюремщиковъ, и предложилъ свирѣпому Пизарру за свое освобожденіе столько золота и серебра, сколько можно помѣстить въ комнатѣ, гдѣ онъ былъ заключенъ, до той высоты, какую въ состояніи опредѣлить самъ Пизарръ, поднявши руку. Предложеніе это было, конечно, принято съ радостью,—на стѣнѣ проведена черта, до которой требовалось наполнить тюрьму драгоцѣнными металлами, и на другой же день отправлены гонцы во всѣ провинціи Перу, чтобы извѣстить жителей объ условіяхъ освобожденія ихъ императора отъ тяжелаго заключенія. Черезъ нѣсколько времени отовсюду начали стекаться преданные своему монарху перуанцы, принося съ собой сосуды, разныя украшенія, утварь, словомъ—всѣ золотыя и серебряныя вещи, какія только были у нихъ, изъ чего составилась громадная масса драгоцѣнностей, превосходившая всѣ ожиданія Пизарра. Полученный выкупъ онъ добросовѣстно раздѣлилъ между своими спутниками, оставивъ у себя лишь наиболѣе цѣнные предметы, отличавшіеся художественной отдѣлкой, чтобы послать ихъ къ королю Испаніи въ доказательство того, какое важное пріобрѣтеніе сдѣлано горстью его подданныхъ.

Между тѣмъ, несчастный перуанскій монархъ, стараясь сократить долгіе часы своего заключенія, наблюдалъ нравы, обычаи и развитіе своихъ стражей—испанцевъ, причемъ ихъ умѣнье читать и писать всего больше изумляло Атагвальпу, потому что письмена, давно уже употреблявшіяся въ Азіи и Европѣ, были совершенно неизвѣстны племенамъ, населявшимъ Перу. Говорятъ, что они не имѣли даже понятія о правильномъ лѣтосчисленіи и, чтобы удержать въ памяти потомства воспоминаніе о важнѣйшихъ историческихъ событіяхъ, дѣлали на толстыхъ снуркахъ разноцвѣтные узелки (что называлось у нихъ *Квипо*) и потомъ сохраняли ихъ въ храмахъ, какъ святыню.

Заключенный инка особенно подружился съ однимъ изъ своихъ стражей—испанскимъ офицеромъ, который обращался съ нимъ менѣе сурово, чѣмъ всѣ остальные, и часто высказывалъ ему свое удивленіе къ познаніямъ европейцевъ. Разъ онъ попросилъ этого офицера написать на ногтѣ своего большого пальца названіе истиннаго бога и радовался, какъ дитя, когда приходившіе къ нему испанцы разбирали эти маленькія буквы, казавшіяся ему чѣмъ-то необыкновеннымъ, и объясняли ихъ значеніе. Случилось, что Пизарръ вздумалъ въ это время навѣстить своего плѣнника, и добродушный Атагвальпа тотчасъ-же обратился къ нему съ просьбой прочесть, что написано на его ногтѣ. При этомъ Пизарръ не могъ скрыть своего смущенія, потому что, какъ вамъ извѣстно, онъ не умѣлъ читать, и ему было очень совѣстно выказать свое невѣжество въ присутствіи подчиненныхъ, которые всѣ были грамотны и безъ труда удовлетворяли желанію любознательнаго императора.

Разсерженный Пизарръ поспѣшилъ удалиться и тогда же поклялся жестоко отмстить несчастному инкѣ за то, что тотъ, хотя и совершенно невольно, сдѣлался винов-

никомъ униженія своего неумолимаго врага, обнаруживъ его невѣжество передъ цѣлымъ свѣтомъ. Дѣйствительно, едва только богатый выкупъ былъ полученъ и раздѣленъ между испанцами, какъ мстительный предводитель ихъ приказалъ привести несчастнаго императора, обремененнаго цѣпями, передъ судилище, состоявшее изъ Пизарра, его товарища Альмагро и монаха Вальверда. Этотъ послѣдній, несмотря на свой духовный санъ, не

постыдился взять на себя позорную роль клеветника и началъ обвинять Атагвальпу въ различныхъ преступленіяхъ, о которыхъ тотъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Напрасно инка доказывалъ свою невинность, напрасно умолялъ отправить его въ Европу, гдѣ онъ могъ предстать на судъ равныхъ, государей — судьи не обращали никакого вниманія на эти заявленія и, конечно, признали Атагвальпу виновнымъ, какъ это всегда бываетъ, когда деспотамъ нужна жизнь человѣка, находящагося въ ихъ власти. Злополучнаго императора при-

говорили къ сожженію на кострѣ, и единственное снисхожденіе, оказанное ему, состояло въ томъ, что, вмѣсто этой мучительной казни, его просто задушили на томъ камнѣ, который долженъ былъ служить ему могильной плитой, предварительно склонивъ его принять крещеніе обѣщаніемъ даровать ему жизнь. Такая жестокость, соединенная съ грубымъ обманомъ, ужаснула даже испанскихъ солдатъ, утратившихъ человѣческія чувства подъ вліяніемъ ненасытнаго корыстолюбія; какъ люди въ высшей степени суевѣрные, они, по этому поводу, не замедлили поддаться той мысли, что Богъ непремѣнно покараетъ ихъ за убійство невиннаго инки, и утратили отчасти свою прежнюю самоувѣренность.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, путешественники, заслуживающіе полнаго довѣрія, посѣтили городъ Каксамарку, гдѣ свирѣпствовали грозные завоеватели Перу, и видѣли въ старинномъ дворцѣ инковъ ту комнату, гдѣ былъ заключенъ послѣдній изъ нихъ, а рядомъ съ ней часовню, воздвигнутую по приказанію Пизарра на мѣстѣ казни Атагвальпы. Безъ сомнѣнія, эта часовня была построена съ цѣлью доказать набожность завоевателей Перу; но, согласитесь сами, что она свидѣтельствуетъ скорѣе объ ихъ варварствѣ, чѣмъ объ уваженіи къ христіанской религіи, главнымъ догматомъ которой служитъ не только любовь къ ближнимъ, но и любовь къ врагамъ.

XXIII.

Смерть Пизарра.

(Отъ 1533 до 1538 г.).

Послѣ убійства Атагвальпы и суровыхъ преслѣдованій противъ туземцевъ, богатая перуанская имперія должна была безусловно подчиниться европейцамъ. Они могли теперь безпрепятственно предаваться своимъ хищническимъ и деспотическимъ наклонностямъ, которыя, со времени открытія Новаго Свѣта, обнаруживались уже столько разъ и въ такой грубой формѣ. Раздѣливъ между собою завоеванное государство и богатства, отнятыя у послѣдняго инки, авантюристы позаботились прежде всего отыскать съ помощью индѣйцевъ мѣста, изобилующія золотомъ и серебромъ, а затѣмъ принудили бѣдныхъ туземцевъ извлекать эти металлы изъ нѣдръ земли, гдѣ они встрѣчаются по большей части только на значительной глубинѣ, и потому добываніе ихъ сопряжено съ величайшими затрудненіями. При раздѣлѣ, Пизарръ взялъ себѣ городъ Квито, предоставивъ Куско своему товарищу Альмагро; но впослѣдствіи вздумалъ основать для своего мѣстопребыванія новую столицу, болѣе похожую на европейскіе города, и выбралъ для этой цѣли цвѣтущую долину на берегу моря. Вновь построенный городъ былъ названъ Лимой, по имени большой рѣки, пересѣкающей его неподалеку отъ своего впаденія въ

Тихій океанъ. Этотъ городъ считается теперь однимъ изъ самыхъ значительныхъ въ Новомъ Свѣтѣ. Здѣсь, руками порабощенныхъ перуанцевъ, Пизарръ воздвигнулъ себѣ великолѣпный дворецъ, роскошью и громадностью превосходившій дворцы многихъ европейскихъ государей, и въ скоромъ времени, плодоносная, но еще такъ недавно совершенно необитаемая долина превратилась въ роскошный, чисто европейскій городъ, украшенный множествомъ красивыхъ зданій. Видя, что положеніе испанцевъ становится все прочнѣе, бѣдные перуанцы должны были отказаться отъ всякой надежды на избавленіе отъ тяжелаго чужеземнаго владычества; но они могли утѣшиться нѣсколько и отдохнуть, когда жестокости и насилія, направленныя прежде исключительно противъ этой беззащитной націи, вызвали несогласія въ средѣ самихъ притѣснителей и послужили поводомъ къ ожесточеннымъ, кровопролитнымъ междоусобіямъ.

Вы уже знаете, что взаимная антипатія существовала между Пизарромъ и Альмагро со времени прибытія ихъ въ Перу и что послѣдній былъ возбужденъ противъ своего товарища по поводу неправильнаго дѣлежа первой добычи, отнятой у перуанцевъ. Антипатія эта перешла мало по малу въ скрытую вражду, а затѣмъ въ непримиримую ненависть, хотя резиденціи обоихъ соперниковъ—Лима и Куско—отстояли очень далеко одна отъ другой, такъ что бывшихъ друзей раздѣляло не менѣе 400 миль, и слѣдовательно всякія столкновенія между ними были просто невозможны. Несмотря на то, недавніе союзники рѣшаются начать братоубійственную войну, набираютъ небольшіе отряды изъ своихъ приверженцевъ и выступаютъ одинъ противъ другого. Первое же сраженіе кончилось для Альмагро очень печально: онъ попался въ плѣнъ и былъ въ цѣпяхъ отведенъ своимъ врагомъ въ тюрьму.

Зная, что только преданность товарища спасла Пизарру жизнь и обезпечила успѣхъ его предпріятія, можно было ожидать, что онъ, изъ благодарности, во имя прежней дружбы, удовольствуется побѣдой надъ противникомъ и ограничится заключеніемъ въ тюрьму на нѣсколько мѣсяцевъ. Но мягкость и снисходительность были совершенно не въ характерѣ свирѣпаго Пизарра, не умѣвшаго прощать сдѣланныхъ ему оскор-

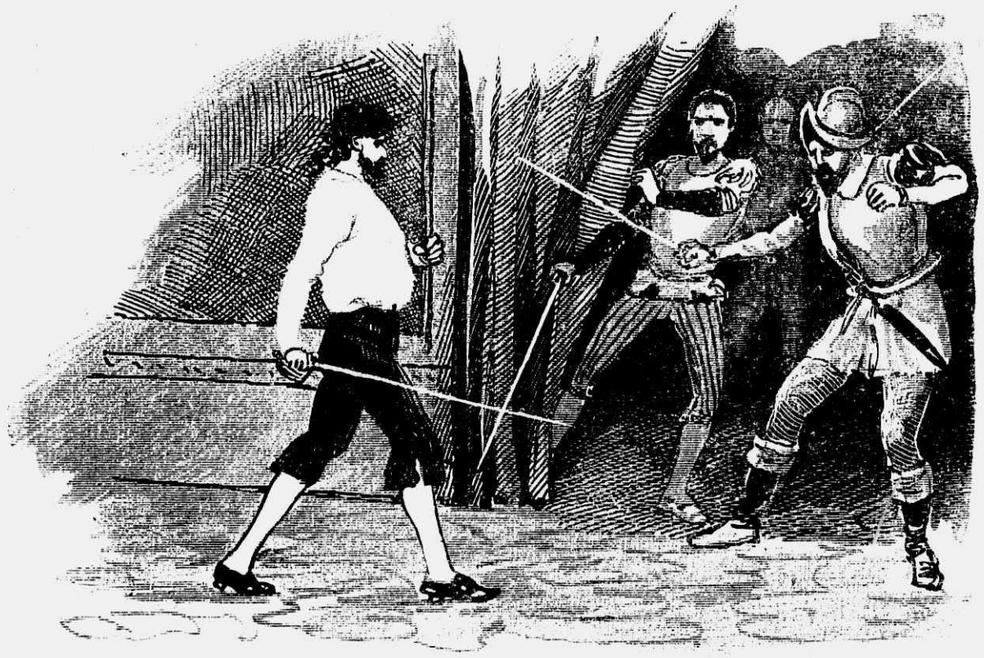
бленій; поэтому, нечего удивляться, что по его приказанію Альмагро былъ казненъ, какъ злодѣй и убійца, вмѣстѣ со многими изъ своихъ сообщниковъ. Мщеніе Пизарра распространилось даже на тѣхъ лицъ, которыхъ онъ только подозрѣвалъ въ сочувствіи къ Альмагро: онъ преслѣдовалъ ихъ съ необыкновенной жестокостью, конфисковалъ ихъ имущество и заставлялъ искать спасенія въ бѣгствѣ, или укрываться въ хижинахъ туземцевъ, всегда видѣвшихъ въ этихъ людяхъ самыхъ неумолимыхъ своихъ тирановъ. Уничтоживъ,

повидимому, всѣхъ внутреннихъ враговъ, Пизарръ зажилъ въ своей столицѣ съ такой пышностью, что скорѣе походилъ на могущественнаго монарха, чѣмъ на простого губернатора провинціи, и считалъ себя теперь на верху славы и величія.

Но для такихъ людей, какъ Пизарръ, власть никогда не можетъ быть прочной: у казненнаго Альмагро остался сынъ, вокругъ котораго собрались всѣ, кому удалось избѣжать преслѣдованій его убійцы. Пока Альмагро былъ еще малъ, эти приверженцы ограничивались полученіемъ отъ него субсидій за прежнія услуги, но лишь только ему исполнилось 17 лѣтъ, какъ одинъ изъ наиболѣе преданныхъ друзей его, по имени Хуанъ-де-Геррада, жестоко ненавидѣвшій Пизарра, началъ убѣждать молодого человѣка въ необходимости отомстить за смерть отца, доказывая, что этого легко будетъ достигнуть и, при удачѣ, можно даже сдѣлаться губернаторомъ Перу. Понятно, что такая перспектива показалась очень заманчивой для молодого Альмагро, которому Геррада совѣтовалъ немедленно приступить къ выполненію смѣлаго плана и обѣщалъ тайно собрать въ Лимѣ преданныхъ ему людей, способныхъ оказать дѣятельную помощь. Однажды, около полудня, когда Пизарръ, окруженный нѣсколькими слугами, собирался лечь спать (въ жаркихъ странахъ обыкновенно отдыхаютъ въ полдень) въ своемъ роскошномъ дворцѣ, на главномъ его дворѣ раздался необыкновенный шумъ; подозрѣвая покушеніе на свою жизнь, хотя еще не вполнѣ сознавая, какая серьезная опасность угрожаетъ ему, губернаторъ поспѣшно схватилъ шпагу, щитъ и приготовился къ оборонѣ.

Опасность была дѣйствительно серьезная: цѣлая толпа вооруженныхъ людей, подъ предводительствомъ Альмагро и Геррада, окружила дворецъ; мятежники убили

караульныхъ, не хотѣвшихъ пропустить ихъ, заняли всѣ выходы и съ крикомъ «смерть тирану!» ворвались въ комнату Пизарра. Полуодѣтый и вооруженный только шпагой, онъ сопротивлялся, какъ левъ, даже положилъ на мѣстѣ многихъ противниковъ, но, пораженный нѣсколькими сабельными ударами, упалъ, наконецъ, мертвый къ ногамъ своихъ враговъ. Вслѣдъ затѣмъ, дворецъ губернатора и жилища его приближенныхъ были



разграблены, а несмѣтныя богатства, собранныя имъ въ Лимѣ, сдѣлались достояніемъ побѣдившей партіи.

Такъ окончилъ свою недолгую жизнь человѣкъ, сдѣлавшійся, благодаря мужеству и энергіи, изъ простого свинопаса повелителемъ богатѣйшаго государства на земномъ шарѣ. Какая-то благодѣтельная судьба постоянно покровительствовала Пизарру во всѣхъ его отважныхъ замыслахъ и, повидимому, позаботилась даже о томъ, чтобъ преждевременная смерть его не осталась безнаказанной для убійцы, потому что молодой Альмагро, сдѣлавшись губернаторомъ при помощи друзей своего отца, былъ въ свою очередь убитъ братьями Пизарра, послѣ чего богатая перуанская монархія, впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, оставалась жертвой кровавыхъ междоусобій.

Поучительно видѣть, какая печальная участь постигла всѣхъ завоевателей Америки. Невольно приходишь къ заключенію, что въ мірѣ какъ будто-бы существуетъ какое-то Высшее Правосудіе и что оно справедливо покарало безчеловѣчныхъ авантюристовъ за тѣ ужасныя бѣдствія, которыя они принесли съ собой мирнымъ обитателямъ Новаго Свѣта.

Такъ — Христоферъ Колумбъ погибъ отъ зависти враговъ и несправедливости современниковъ; Фердинандъ Кортецъ, завоевавшій для Испаніи одну изъ богатѣйшихъ странъ свѣта, умеръ вдали отъ родины, позабытый своими соотечественниками; Бальбоа былъ измѣннически убитъ вскорѣ послѣ того, какъ ему удалось открыть Великій Океанъ; Магелланъ трагически кончилъ жизнь, не достигнувъ цѣли своего славнаго предпріятія; Франсуа Пизарръ, оба Альмагро и всѣ испанцы, завладѣвшіе потомъ Южной Америкой, сдѣлались жертвой взаимныхъ междоусобій, и никто изъ этихъ предпріимчивыхъ, отважныхъ людей не достигъ глубокой, почтенной старости, никому не пришлось умереть спокойно, естественной смертью.

XXIV.

Потозскіе рудники.

(Отъ 1538 до 1550 года).

Во время неограниченнаго господства Пизарра въ Перуанской имперіи, когда, по поводу созданія новой столицы, имъ были предприняты громадныя постройки и сооруженія, онъ вызвалъ изъ Испаніи своихъ братьевъ — Гонзалеса, Хуана и Фернанда, надѣясь имѣть въ нихъ хорошихъ помощниковъ для выполненія задуманныхъ работъ. Но эти смѣлые авантюристы оказались неспособными къ мирнымъ занятіямъ и предпочли отправиться на поиски тѣхъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, которые, послуживъ главнымъ источникомъ богатства завоеванной страны, все еще не были извѣстны европейцамъ. Старшій и наиболѣе предпріимчивый членъ этой семьи героевъ былъ Гонзалесъ; онъ первый изъ испанцевъ рѣшился, съ небольшимъ числомъ спутниковъ, перейти черезъ Анды, близъ города Квито и проникнуть въ обширныя пустыни, лежащія за этими горами, гдѣ еще никогда не бывала нога европейца. По мѣрѣ удаленія отъ Андовъ смѣлымъ спутникамъ приходилось испытывать все бо̀льшія и бо̀льшія затрудненія; проливные, тропическіе дожди, длившіеся иногда по нѣсколько мѣсяцевъ сряду, порождали различныя болѣзни, часто смертельныя; громадныя, непроходимыя болота и быстрыя, широкія рѣки

заставляли ихъ или тонуть при переправѣ вплавь, или дѣлать наудачу значительные обходы, въ совершенно неизвѣстной имъ мѣстности. Словомъ—на каждомъ шагу встрѣчались препятствія, неудобства и безчисленныя опасности для жизни этихъ смѣльчаковъ, которые, однако, не теряя бодрости, продолжали подвигаться впередъ, хотя очень медленно и съ большими потерями людей. Наконецъ, послѣ долгихъ странствованій, они приблизились къ исполинской, величественной рѣкѣ, называвшейся туземцами *Мараньонъ*, и пошли по берегу ея, покрытому густымъ, первобытнымъ лѣсомъ, преодолѣвая на каждомъ шагу неимовѣрныя усилія. Видя это, Пизарръ потерялъ всякое терпѣніе и вздумалъ отправить часть своего отряда водой. Тотчасъ-же на-скоро построили барку, помѣстили на нее 50 человѣкъ испанцевъ, подъ начальствомъ храбраго и опытнаго офицера Ореллана, который долженъ былъ изслѣдовать направленіе рѣки, держась, однако, по возможности вблизи остальныхъ товарищей, слѣдовавшихъ сухопутно. Но теченіе было такъ быстро, а берега такъ живописны, что смѣлый Ореллана уговорилъ своихъ спутниковъ не дожидаться товарищей, а плыть, не останавливаясь, пока будетъ можно. Довѣрившись совершенно незнакомой рѣкѣ, отважные путешественники спустились по теченію ея вплоть до самаго устья и, послѣ долгаго, утомительнаго плаванія, неожиданно очутились въ Атлантическомъ океанѣ, куда впадаетъ Мараньонъ, значительнѣйшая изъ всѣхъ американскихъ рѣкъ. На берегу моря Ореллана нашелъ недавно основанную испанцами колонію, гдѣ и составилъ описаніе своего путешествія, замѣчательнаго, какъ первая попытка проникнуть во внутренность американскаго материка, лежащаго между Андами и океаномъ.

Впрочемъ, разсказъ Ореллана о его приключеніяхъ

не заслуживаетъ полнаго довѣрія, потому что въ этомъ разсказѣ есть много вымышленнаго, вродѣ, напр., басни объ амазонкахъ или необыкновенныхъ, воинственныхъ женщинахъ, не допускавшихъ въ свою среду ни одного мужчины, амазонкахъ, которыхъ онъ будто-бы видѣлъ на берегахъ Мараньона, что дало ему поводъ назвать эту рѣку Амазонской. Правда, никто изъ путешественниковъ, проѣзжавшихъ впослѣдствіи по этой рѣкѣ, не встрѣчалъ необыкновенныхъ амазо-

нокъ, однако, названіе, данное ей Ореллана, сохранилось за нею и до сихъ поръ. Этотъ фактъ, повидимому, подтверждаетъ очень распространенное мнѣніе, что путешественники бываютъ не всегда правдивы въ своихъ описаніяхъ; но не забудьте, какъ въ то время умы людей были склонны вѣрить всему баснословному, вслѣдствіе того, что, съ открытіемъ Новаго Свѣта, первые изслѣдователи неизвѣстныхъ странъ встрѣчали на каждомъ шагу столько чудеснаго, казавшагося необъяснимымъ, хотя и вполнѣ естественнаго. Объ одномъ изъ такихъ чудесъ я хочу разсказать вамъ совершенно

достовѣрную исторію, которая, пожалуй, тоже можетъ показаться сказкой.

Въ періодъ завоеваній, происходившихъ въ Америкѣ, жилъ тамъ одинъ индѣецъ, пасшій стада ламъ въ долинѣ Андовъ. Разъ, не досчитываясь одного животнаго, онъ отправился на поиски за нимъ въ сосѣднія горы и совершенно случайно забрелъ на одну возвышенность, гдѣ, присматриваясь къ цвѣту почвы, убѣдился, что она содержитъ въ себѣ серебро, такъ какъ въ этой странѣ каждый, даже самый невѣжественный человѣкъ, отлично зналъ, по какимъ признакамъ можно заключить о присутствіи въ землѣ металловъ. Для бѣднаго пастуха открытіе это было совершенно безполезно, потому что онъ не имѣлъ ни силъ, ни средствъ добыть драгоцѣнный металлъ изъ нѣдръ горы; но оно пришлось какъ нельзя болѣе на руку испанцамъ, энергія которыхъ не нуждалась ни въ какихъ постороннихъ побужденіяхъ, если только дѣло касалось пріобрѣтенія сокровищъ. Какъ только они узнали о необыкновенной находкѣ, цѣлыя ихъ толпы шумнымъ потокомъ устремились къ руднику и заложили въ немъ цѣлыя сѣти шахтъ. Вскорѣ, эта разработка доставила имъ безчисленныя выгоды, а въ окрестностяхъ баснословной, чуть не серебряной горы, возникъ значительный городъ, названный *Потози*, гдѣ поселилось множество рудокоповъ и рабочихъ, привлеченныхъ сюда слухами о необыкновенномъ богатствѣ новооткрытыхъ рудниковъ.

На сколько было велико это богатство, лучше всего доказываетъ тотъ фактъ, что втеченіе трехъ столѣтій, серебро постоянно добывалось изъ знаменитыхъ потозскихъ рудниковъ въ громадномъ количествѣ; изъ Потози этотъ металлъ доставляли въ Панаму, откуда разъ въ годъ, множество кораблей, называемыхъ *Галіонами*, перевозили его въ Испанію. Здѣсь, по приказанію коро-

ля, изъ серебра чеканилась монета и дѣлались различныя дорогія вещи. Разумѣется, приливъ такого богатства сильно способствовалъ возвышенію Испаніи въ глазахъ всѣхъ европейскихъ державъ, которыя только при помощи тяжелаго земледѣльческаго труда могли получать огромные капиталы, пріобрѣтаемые испанцами съ такой незначительной затратой силъ, и потому прибытіе кораблей съ серебромъ въ Кадиксъ составляло торжественный, національный праздникъ для всего населенія Испаніи. Впрочемъ, такое легкое пріобрѣтеніе богатствъ мало содѣйствовало развитію народнаго благосостоянія и даже очень дурно отразилось на характерѣ испанцевъ, сдѣлавъ ихъ лѣнивыми, безпечными и почти неспособными къ упорному, производительному труду. Теперь, потозскіе рудники, считавшіеся въ тѣ времена неисчерпаемыми, мало по малу истощились; только на очень значительной глубинѣ изъ нихъ еще можно добыть небольшое количество серебра.

Несмотря на чрезвычайно важныя открытія и рядъ смѣлыхъ подвиговъ, совершенныхъ, вслѣдъ за Колумбомъ, первыми испанскими авантюристами, никто изъ этихъ отважныхъ завоевателей не оставилъ въ новой странѣ прочныхъ слѣдовъ разумной дѣятельности, никто не положилъ начала процвѣтанію колоній и даже ни одинъ изъ нихъ не избѣжалъ насильственной смерти. Причина такого явленія, конечно, всего больше заключается въ личныхъ свойствахъ завоевателей, въ ихъ вѣчныхъ раздорахъ, зависти, корыстолюбіи и страсти къ преобладанію. Братья Пизарры не составляютъ въ этомъ случаѣ исключенія: Гонзалесъ и Хуанъ были убиты въ междоусобной войнѣ, а Фернандъ, послѣдній представитель воинственной семьи Пизарровъ, умеръ въ мрачной испанской тюрьмѣ, гдѣ томился впродолженіе 20 лѣтъ.

Желая положить конецъ бѣдствіямъ и междоусобіямъ, столько лѣтъ раздиравшимъ испанскія владѣнія въ Новомъ Свѣтѣ, императоръ Карлъ V назначилъ губернаторомъ Перу добраго, честнаго и безкорыстнаго старика Гаска, которому, наконецъ, удалось водворить спокойствіе въ этой обширной провинціи и спасти ея жителей отъ совершеннаго истребленія, подобнаго тому,

какое постигло краснокожихъ Испаньолы и Лукайскихъ острововъ.

Хотя Гаска и предоставилъ въ собственность испанцамъ значительное количество земли съ достаточнымъ числомъ индѣйцевъ, но лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ грубые авантюристы не притѣсняли туземцевъ и не губили ихъ тысячами, употребляя на тяжелыя работы, при добываніи золота и серебра. Только теперь несчастная страна могла нѣсколько успокоиться отъ потрясеній, внесенныхъ въ нее европейцами, и отъ

ихъ необузданныхъ поступковъ. Самъ Гаска, достигнувъ глубокой старости, первый изъ губернаторовъ, назначавшихся въ американскія колоніи, вернулся на родину всѣми уважаемымъ, но бѣднымъ, несмотря на то, что черезъ его руки прошли несмѣтныя сокровища.

XXV.

Новая Англія.

(Отъ 1550 до 1607 г.).

Хотя первенство въ открытіи Новаго Свѣта и завоеваніи большихъ американскихъ государствъ безспорно принадлежитъ испанскимъ и португальскимъ морякамъ, стяжавшимъ себѣ всемірную извѣстность своими морскими путешествіями, но ошибочно было бы думать, что остальныя морскія державы Европы не старались принять участія въ этихъ открытіяхъ и воспользоваться богатыми произведеніями новыхъ странъ. Англичане, французы, голландцы и другія націи основали въ различное время на американскомъ материкѣ множество колоній, которыя доставили этимъ народамъ значительныя выгоды, впрочемъ, благодаря только развитію торговли и промышленности, а не вслѣдствіе добыванія драгоцѣнныхъ металловъ, послужившихъ главнымъ источникомъ обогащенія для первыхъ завоевателей.

На поприщѣ такой мирной колонизаціи Новаго Свѣта первое мѣсто принадлежитъ англичанамъ, которые прославились также многими важными открытіями. Такъ, въ царствованіе короля Генриха VII, одному изъ знаменитѣйшихъ англійскихъ мореплавателей того времени—Джону Каботу, было поручено изслѣдовать материкъ, открытый испанцами, вслѣдствіе чего Каботъ могъ совершить первый переѣздъ черезъ Атлантическій оке-

анъ, на что до того времени еще не отваживался ни одинъ англійскій корабль. Но смѣлый морякъ не сталъ держаться при этомъ пути, проложеннаго Колумбомъ, а направился къ сѣверо-западу, въ надеждѣ достигнуть береговъ Остъ-Индіи, что составляло тогда любимую мечту славнаго мореплавателя и цѣль его неоднократныхъ путешествій. Однако, надежды Кабота не оправдались и на этотъ разъ: послѣ продолжительнаго плаванія, корабль его встрѣтилъ какой-то неизвѣстный бе-

регъ, надъ которымъ постоянно носились туманы, и дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ. Обитатели этого непривлекательнаго берега проводили большую часть года въ дымныхъ хижинахъ и питались исключительно соленой рыбой; узнавши изъ распросовъ береговыхъ жителей, что вновь открытая земля составляетъ островъ, знаменитый морякъ далъ ему названіе Бона-Виста, т. е. *хорошій видъ*, вѣроятно, потому что надѣялся сдѣлать впослѣдствіи болѣе важныя открытія вблизи острова; но матросы переименовали его въ Ньюфаундлендъ (новая, или вновь открытая земля), какъ онъ называется и теперь.

Неудивительно, что суровый и мрачный климатъ вновь открытаго острова не располагалъ къ продолжительному пребыванію на немъ, и потому Каботъ поспѣшилъ оставить негостепріимную страну, сдѣлавъ, однако, весьма важное наблюденіе, именно, что у береговъ ея ловится въ необыкновенномъ изобиліи особая порода рыбы, называемая *треской*, и особенно цѣнится за доставляемый ею жиръ. Когда, по возвращеніи въ Англію, моряки сообщили объ этомъ своимъ соотечественникамъ, то нашлось много охотниковъ заняться выгоднымъ промысломъ, и вскорѣ къ берегамъ Ньюфаундленда начали отправлять множество судовъ, разумѣется, только въ теплое время года, для ловли трески, хорошо сохраняющейся втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, если ее посолить или высушить на солнцѣ. Въ настоящее время островъ Ньюфаундлендъ посѣщаютъ корабли всѣхъ націй и запасаются здѣсь рыбой, ловля которой даетъ такія значительныя выгоды, что этимъ промысломъ могутъ безбѣдно существовать съ своими семействами тысячи судохозяевъ и рыбаковъ, живущихъ во многихъ приморскихъ городахъ Европы.

Каботу мы обязаны еще другой, не менѣе важной находкой, вывезенной имъ съ туманнаго острова, а именно—особой породой собакъ, громаднаго роста, съ длинной, шелковистой шерстью, способныхъ необыкновенно искусно плавать и нырять на значительную глубину. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти животныя очень смирны, легко привязываются къ человѣку и, благодаря удивительному инстинкту, бросаются вслѣдъ за нимъ, когда онъ упадетъ въ воду, проплываютъ такимъ образомъ значительныя разстоянія и вытаскиваютъ утонувшаго на берегъ, не дѣлая ему ни малѣйшаго вреда. Джонъ

Каботъ и его спутники привезли такихъ собакъ, называемыхъ ньюфаундлендскими, сначала въ Англію; а потомъ эта порода распространилась по всей Европѣ и оказала человѣчеству немаловажныя услуги спасеніемъ безчисленнаго множества утопающихъ, которые, безъ этого благороднаго животнаго, погибли-бы безвозвратно.

Послѣ открытія Ньюфаундленда Джонъ Каботъ вернулся на родину не прежнимъ путемъ, а вдоль береговъ Сѣверной Америки — случай, еще небывалый тогда въ исторіи мореплаванія и не оставшійся безъ подражанія. Примѣру знаменитаго капитана послѣдовалъ прежде всѣхъ сынъ его Себастьянъ Каботъ—одинъ изъ самыхъ отважныхъ мореплавателей своего времени, а потомъ и многіе другіе, въ томъ числѣ извѣстный Фрэнсисъ Драке, который, подобно Магеллану, совершилъ кругосвѣтное путешествіе въ царствованіе королевы Елизаветы. Около того-же времени, небольшое общество англичанъ эмигрировало въ Сѣверную Америку подъ начальствомъ неутомимаго моряка Вальтера Раля и основало тамъ колонію, названную Виргиніей (дѣвственница) въ честь королевы Елизаветы, никогда не бывшей замужемъ. Первый городъ, построенный здѣсь переселенцами, получилъ названіе Джемсъ-Таунъ, по имени рѣки (Джемсъ), при которой былъ построенъ и которая впадаетъ въ глубокій заливъ, гдѣ могли найти удобную стоянку корабли, приходящіе изъ Европы.

Несмотря на благопріятное географическое положеніе новой колоніи, развитію и процвѣтанію этого перваго поселенія англичанъ на американскомъ континентѣ долго мѣшали воинственные дикари — краснокожіе, жившіе въ окрестныхъ лѣсахъ. Трудно представить себѣ, сколько самыхъ ужасныхъ бѣдствій пришлось вынести жителямъ Джемсъ-Тауна отъ своихъ безпокойныхъ сосѣдей, которые безпрестанно грабили, убивали и уводили въ плѣнъ мирныхъ поселенцевъ. Но колонисты упорно отстаивали выбранную ими территорію и, благодаря своей настойчивости, энергіи и умственному превосходству надъ дикарями, оттѣснили, наконецъ, этихъ послѣднихъ въ глубь континента, овладѣвъ большими пространствами земли, гдѣ впослѣдствіи образовалась одна изъ самыхъ цвѣтущихъ странъ въ цѣломъ мірѣ, получившая названіе Новой Англіи.

XXVI.

Флора и фауна Америки.

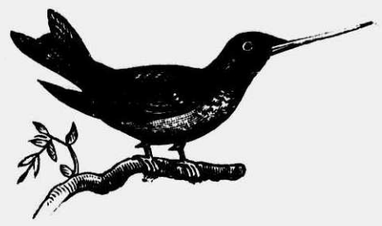
По мѣрѣ того, какъ европейцы проникали во внутренность американскаго материка и болѣе тщательно изучали его, возрастали ихъ изумленіе и восторгъ передъ величественной природой Новаго Свѣта, превосхо-

Какаду.

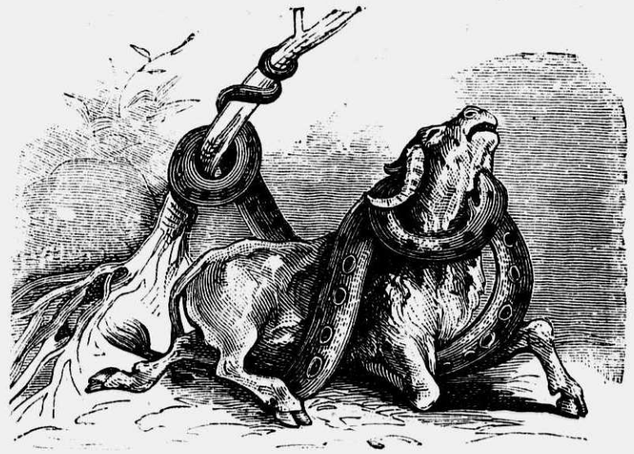
дившаго богатствомъ, красотой и разнообразіемъ своихъ произведеній все, что представляли въ этомъ отношеніи другія страны.

Расчищая густые, первобытные лѣса Америки, европейцы нашли въ нихъ множество новыхъ животныхъ,

поражавшихъ разнообразіемъ формъ и яркостью красокъ, какъ напримѣръ, многочисленныя породы обезьянъ различной величины и цѣлыя стада граціозныхъ бѣлокъ, съ черными полосами, красиво оттѣнявшими ихъ бѣлую шерсть, которыя необыкновенно проворно бѣгали по вѣтвямъ громадныхъ, вѣковыхъ деревьевъ. Въ листвѣ гигантскихъ лѣсовъ гнѣздились также безчисленные представители пернатыхъ, начиная отъ *какаду* съ бѣлыми и желтыми перьями, принадлежащаго къ породѣ попугаевъ, и кончая изящнымъ *колибри*, или птицей-мухой, опереніе которой до того красиво и отливаетъ такими радужными цвѣтами, что эта крошечная птичка очень напоминаетъ собою драгоцѣнное украшеніе, вышедшее изъ рукъ искуснаго ювелира. Но первобытные лѣса представляли также не мало и опасностей; европейцы не разъ встрѣчали здѣсь страшныхъ пресмыкающихся, въ



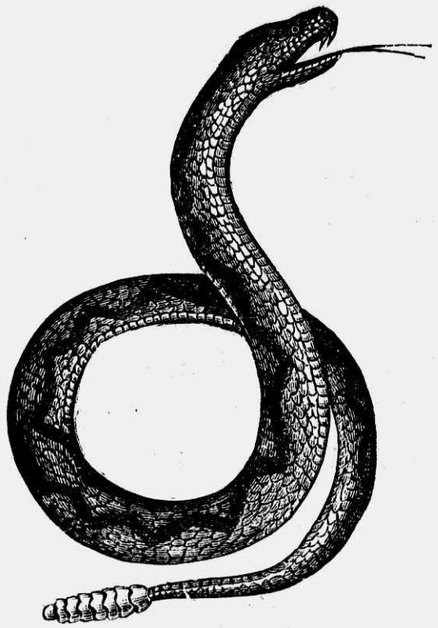
Колибри



Б о а.

родѣ *боа*, или удава, и *гремучей змѣи*, названной такъ потому, что роговыя кольца, покрывающія хвостъ этого ядовитаго животнаго, при движеніи издаютъ особенный

шумъ. До какихъ размѣровъ достигаютъ въ Америкѣ пресмыкающіяся, вы можете судить по тому, что путешественники встрѣчали иногда змѣй, толщиною съ древесный стволъ, и это сходство еще болѣе увеличивалось, когда чудовище выпрямлялось съ рѣзкимъ свистомъ, замѣтивъ приближеніе человѣка. Колонизація, конечно, губительно дѣйствовала на непроходимые американскіе лѣса; однако, мѣстами еще и теперь сохранились такіе



Гремучая змѣя.

чащи, гдѣ никогда не ступала нога человѣка и гдѣ гибкія *ліаны*, растенія, опутывающія деревья своими тонкими вьющимися стеблями, перекидываясь съ одного дерева на другое, образовали непроницаемый зеленый покровъ, сквозь который съ трудомъ пробивается даже солнечный лучъ.

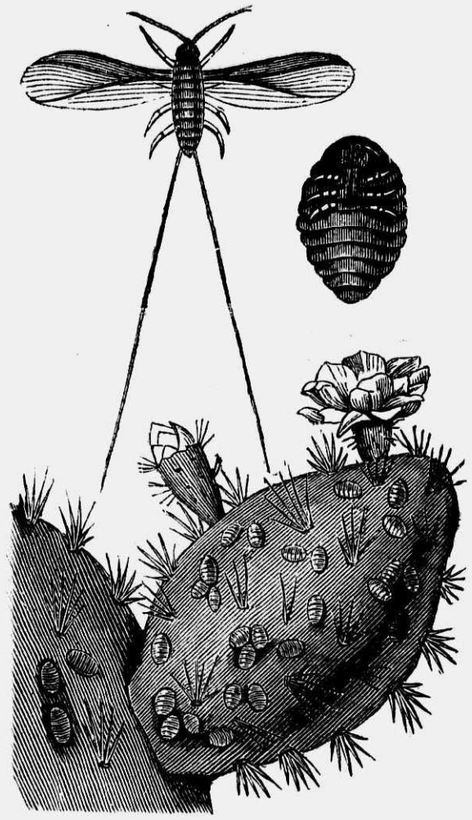
Подвигаясь далѣе, европейцы находили громадныя безконечныя равнины, называемыя въ Сѣверной Америкѣ *саваннами*, а въ Южной — *пампасами*. Эти пустынныя равнины, покрытыя роскошной, высокой травой,

превосходящей иногда ростъ человѣка, не всегда оживляются даже присутствіемъ людей, потому что тамъ нѣтъ постоянныхъ поселеній, а лишь разсѣянно бродятъ кочующія племена индѣйцевъ, переходящихъ съ одного мѣста на другое, подобно татарамъ въ азіатскихъ степяхъ. Однообразіе этихъ равнинъ скрашивается растущими тамъ и сямъ *пальмами*, которыя составляютъ лучшее украшеніе американскаго ландшафта, драгоцѣннѣйшее произведеніе тамошней природы, созданное ею какъ будто для того, чтобы вознаградить человѣка за лишенія и страданія, испытываемыя имъ вслѣдствіе нестерпимо жаркаго климата. И дѣйствительно, пальмовое дерево оказываетъ неоцѣненныя услуги путешественнику въ этихъ необозримыхъ равнинахъ: широкіе листья его вполнѣ защищаютъ отъ жгучихъ лучей солнца и даютъ прохладную тѣнь, сочные плоды доставляютъ изобильную и вкусную пищу, а сокъ, вытекающій изъ-подъ коры — сладкій и освѣжающій напитокъ. Не менѣе важное преимущество американскаго материка составляетъ обиліе внутреннихъ водъ; въ центрѣ его находится много озеръ, до того обширныхъ и глубокихъ, что они могутъ сравняться съ нѣкоторыми морями Европы и Азіи, причемъ эти озера соединяются большими, многоводными рѣками, изъ которыхъ одни, какъ, напримѣръ, Ріо де-Лаплата и Амазонская, берутъ начало на Андахъ и, принявъ въ себя нѣсколько притоковъ, впадаютъ въ Атлантическій океанъ; другія же — выходятъ съ горъ Мексики, протекаютъ по всей Сѣверной Америкѣ и вливаются въ Мексиканскій заливъ. Изъ числа послѣднихъ, Миссисипи особенно поражала европейцевъ своимъ громаднымъ протяженіемъ и быстротою теченія, о которыхъ не могутъ дать никакого понятія наши европейскія рѣки.

Какъ ни велики были трудности, выпавшія на долю

первыхъ завоевателей Америки, прежде чѣмъ имъ удалось завладѣть этой обширной страной, такъ долго остававшейся неизвѣстною для жителей Европы, какъ ни многочисленны были жертвы, которыхъ стоило это пріобрѣтеніе, но и тѣ и другія вполнѣ выкупаются безчисленными выгодами, доставшимися европейскимъ государствамъ съ открытіемъ Новаго Свѣта. Не говоря уже о металлахъ и драгоцѣнныхъ камняхъ, столько лѣтъ добывавшихся испанцами и португальцами изъ неистощимыхъ рудниковъ Мексики, Перу и Бразиліи, какой неисчерпаемый источникъ богатствъ давали всѣмъ народамъ безчисленныя произведенія животнаго и растительнаго царства, вывозимыя изъ Америки! Торговля и промышленность развились повсюду въ небывалыхъ дотолѣ размѣрахъ, тѣмъ болѣе, что европейцы извлекли еще много новыхъ продуктовъ изъ благодарной почвы новаго материка. Такъ, они стали разводить различныя породы скота на богатыхъ пастбищахъ Южной Америки, которыя вскорѣ покрылись многочисленными стадами лошадей и дикихъ быковъ, а многія растенія — сицилійскій сахарный тростникъ, аравійскій кофе и всѣ лучшіе европейскіе плоды отлично акклиматизировались въ этой благословенной странѣ, скоро сдѣлавшейся житницей цѣлаго міра.

Но Америка богата и туземными произведеніями растительнаго царства; она безъ всякаго ухода производитъ *индиго*, дающее прекрасную голубую краску; небольшой кустарникъ, изъ семейства кактусовъ, на которомъ живетъ *кошениль*, маленькое насѣкомое, идущее на приготовленіе великолѣпной красной краски, ничѣмъ не уступающей пурпуру древнихъ финикіянъ; *хинное дерево*, кора котораго и до сихъ поръ еще служитъ единственнымъ средствомъ противъ лихорадки; *какао*, родъ маслянистаго орѣха, идущаго на приготовленіе шоколада, съ употребленіемъ и фабрикаціей котораго европейцевъ познакомили мексиканцы, и, наконецъ различныя деревья, какъ, напримѣръ, *красное* и *курбари* (кокора), отличающіяся красивымъ цвѣтомъ древесины и употребляемыя теперь для приготовленія самой изящной и дорогой мебели.



Кошениль.

Въ настоящее время Америка, сдѣлавшаяся извѣстной намъ только около 400 лѣтъ тому назадъ, считается одной изъ богатѣйшихъ странъ свѣта; по берегамъ ея многоводныхъ рѣкъ построены цвѣтущіе и обширные города, соединенные между собою желѣзными дорогами, изрѣзывающими во всѣхъ направленіяхъ эту громад-

ную территорію, нѣкогда покрытую непроходимыми лѣсами. Европейская цивилизація мало по малу подчинила себѣ дикихъ обитателей американскаго материка или заставила ихъ удалиться въ самыя неприступныя мѣстности, и теперь многолюдныя, богатыя государства, болѣе могущественныя, чѣмъ многія монархіи старой Европы, процвѣтаютъ въ той странѣ, которую геній Христофора Колумба сдѣлалъ доступной для человѣчества.

КРАТКІЙ СЛОВОТОЛКОВАТЕЛЬ.

Авантюристъ—искатель приключеній.

Авторитетъ. — Наука и искусство такъ же, какъ всякое дѣло, имѣютъ своихъ чернорабочихъ и первоклассныхъ мастеровъ. Вотъ этихъ-то мастеровъ науки, искусства, критики и проч., тщательно изучившихъ свой предметъ и доказавшихъ передъ обществомъ свои несомнѣнныя дарованія и глубокія познанія, и принято называть *авторитетами*. Произведенія ихъ тщательно изучаются, ихъ мысли и мнѣнія приводятся нерѣдко, какъ доказательства, въ подкрѣпленіе справедливости тѣхъ или другихъ положеній. Часто также слово *авторитетъ* употребляется въ смыслѣ непреложности, непогрѣшимости, безусловнаго довѣрія къ кому либо и т. п. Такъ, напр., иногда говорятъ: «авторитетъ такого-то сильно поколебался съ тѣхъ поръ, какъ онъ написалъ такую-то статью».

Авторъ—сочинитель. Авторомъ какой либо книги или статьи называютъ того, кто ее написалъ. Такъ, напр., авторъ «Исторіи открытія Америки», которую вы теперь читаете—*Ламе-Флери*.

Адмиралъ — морской генералъ, командующій флотомъ или какой либо отдѣльной его частью, вообще же—начальникъ нѣсколькихъ кораблей, совершающихъ подъ его руководствомъ какое либо плаваніе.

Алмазъ — самый дорогой изъ всѣхъ драгоцѣнныхъ камней. Съ виду похожъ на хрусталь. По своему составу ничѣмъ не отличается отъ угля, какъ напр. ледъ ничѣмъ не отличается отъ снѣга. Первый изъ нихъ прозраченъ и безцвѣтенъ, а второй непрозраченъ и бѣлъ. Точно такъ же алмазъ прозраченъ и безцвѣтенъ (иногда слабо окрашенъ въ жел-

тый и розовый цвѣтъ), а обыкновенный уголь непрозраченъ и черенъ. Граненые алмазы называются *бриллiантами*. Наиболѣе богатыя копи алмазовъ находятся въ Остъ-Индіи, Бразиліи и въ южной Африкѣ. Гранятъ же ихъ по преимуществу въ Антверпенѣ (Голландіи), гдѣ хорошій гранильщикъ получаетъ министерское жалованье (около 2000 руб. въ мѣсяцъ).

Антипатія—безотчетное отвращеніе къ какому-нибудь человѣку.

Аристократы—знать.

Ароматъ—благоуханіе, необыкновенно пріятный запахъ.

Астрономія — наука о небесныхъ тѣлахъ, какъ-то: звѣздахъ, кометахъ (звѣзды съ хвостами) и проч.

Астрономъ—занимающійся астрономіей.

Астрономическій — относящійся къ астрономіи. Такъ, напр., подъ *астрономическимъ наблюденіемъ* разумѣютъ наблюденіе, касающееся небесныхъ тѣлъ.

Банкетъ—пиршество.

Боа, или удавъ—змѣя изъ породы неядовитыхъ. Бываютъ сухопутные и водяные. Первые изъ нихъ достигаютъ до двухъ, а вторые до 4 и болѣе саженъ. Толщина ихъ болѣе 1/2 аршина. Тѣ и другіе водятся преимущественно въ Южной Америкѣ у тропиковъ (въ Бразиліи). Сухопутные удавы живутъ въ сухихъ лѣсахъ, небольшими общинами отъ 4 до 6 штукъ въ каждой. Они ловко лазятъ по деревьямъ и оттуда бросаются на большихъ животныхъ (обезьянъ, ланей, даже тигровъ), обвиваются вокругъ ихъ тѣла, переламываютъ кости и, задушивъ въ своихъ объятіяхъ жертву, обливаютъ ее вонючей слизью, послѣ чего медленно глотаютъ добычу и впадаютъ въ состояніе близкое къ летаргіи (продолжительный сонъ, имѣющій наружные признаки смерти). Водяные удавы проводятъ свою жизнь въ рѣкахъ и озерахъ. Кожа этихъ змѣй употребляется на подѣлки. Ихъ бьютъ палками и ловятъ петлями.

Бортъ—край.

Браслетъ—ручное дамское украшеніе; его можно сравнить съ большимъ перстнемъ или кольцомъ, надѣваемымъ, вмѣсто пальца, на самую руку.

Бухта—небольшой морской заливъ.

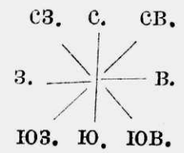
Ваза—сосудъ особой формы, имѣющій нѣкоторое сходство съ церковной чашей.

Вахта—караулъ на военномъ кораблѣ; также срокъ, втеченіе котораго одна смѣна караульныхъ исполняетъ свои обязанности (дежуритъ) до передачи ихъ другой смѣнѣ. Вахта можетъ быть дневная и ночная.

Вахтенный—караульный на военномъ кораблѣ.

Вельможа—высокопоставленное должностное лицо.

Востокъ — сторона, съ которой восходитъ солнце. Если стать лицомъ къ востоку—то позади будетъ *западъ* (на западѣ солнце заходитъ), по лѣвую руку—*сѣверъ* и по правую *югъ*. Направленіе *среднее* между сѣверомъ и востокомъ называется *сѣверо-восточнымъ;* между сѣверомъ и западомъ—*сѣверо-западнымъ;* между югомъ и востокомъ—*юго-восточнымъ* и, наконецъ, между югомъ и западомъ—*юго-западнымъ*. Сѣверъ, югъ, востокъ и западъ называются также 4 *странами свѣта*. Изъ прилагаемаго здѣсь чертежа легко уяснить себѣ отчетливо значеніе всѣхъ перечисленныхъ нами названій.



Гавань—углубленное и защищенное отъ бурь береговое мѣсто, гдѣ морскія суда могутъ безопасно нагружаться, разгружаться и чиниться.

Геній—необыкновенное дарованіе.

Географія—землеописаніе.

Гимнастика — рядъ тѣлесныхъ упражненій, совершаемыхъ въ извѣстномъ порядкѣ. Такъ какъ эти упражненія имѣютъ цѣлью развитіе силъ и ловкости человѣка, то гимнастика составляетъ особую науку. По роду и цѣли упражненій, гимнастика дѣлится на *военную*, *врачебную* и проч.

Глобусъ—шаръ съ нанесеннымъ на немъ изображеніемъ земной поверхности (земной глобусъ) или небеснаго свода (небесный глобусъ).

Группа—собраніе какихъ-либо предметовъ, находящихся между собой въ нѣкоторой связи.

Дворцы—дома государя, членовъ его семейства и вообще владѣтельныхъ особъ. Вслѣдствіе господствующей въ нихъ роскоши, дворцами иногда также называются обширныя палаты крупныхъ богачей.

Дворъ—собраніе людей, состоящихъ при государѣ.

Девизъ—изреченіе, принимаемое тѣмъ или другимъ лицомъ за руководящее правило своей жизни.

Деспотизмъ—неограниченный произволъ, требующій себѣ рабскаго подчиненія. Всего болѣе склонны къ нему грубые, неразвитые люди, въ особенности если они обладаютъ властью.

Документъ—вообще всякое письменное доказательство.

Жемчугъ—перламутровыя зерна, образующіяся изъ слизи, отдѣляемой нѣкоторыми мягкотѣлыми животными (моллюски). Цвѣтъ жемчужныхъ зеренъ бѣлый. Величина различная, не превосходящая, однако—въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ—голубинаго яйца. Форма неправильная. Особенно обильна такими отдѣленіями *жемчужница* (слизнякъ, живущій въ Индѣйскомъ океанѣ), въ раковинахъ которой иногда находятъ до 20 и болѣе зеренъ.

Залпъ — одновременный выстрѣлъ изъ многихъ пушекъ или ружей.

Западъ—сторона, на которой заходитъ солнце.

Идея—мысль.

Идолъ—истуканъ, представляющій изображеніе какого-либо существа или предмета, которому покланяются и воздаютъ божескія почести.

Изумрудъ—стекловидный драгоцѣнный камень зеленаго цвѣта.

Имперія—военное государство, т. е. такое, въ которомъ войско служитъ краеугольнымъ камнемъ и оплотомъ государственнаго управленія. Въ имперіяхъ государь есть вмѣстѣ съ тѣмъ и главный военачальникъ. Отсюда—преобладаніе военнаго сословія надъ всѣми остальными.

Императоръ—глава имперіи, государь, управляющій ею.

Инстинктъ—низшая степень ума, проявляющаяся въ животныхъ какъ бы сама собой, безъ всякаго воспитанія и получаемая ими по наслѣдству отъ предыдущихъ поколѣній. Такимъ образомъ они съ перваго же момента своего рожденія на свѣтъ пріобрѣтаютъ нѣкоторую способность, руководящую ими въ выборѣ для себя того, что можетъ служить имъ на пользу и охранять ихъ отъ вреда. До сихъ поръ полагали, что инстинктъ не можетъ совершенствоваться и что животныя неспособны къ развитію. Но такое мнѣніе въ настоящее время начинаетъ колебаться подъ вліяніемъ новѣйшихъ наблюденій, изъ числа которыхъ можно указать, напримѣръ, хотя бы на замѣченное усовершенствованіе въ искусствѣ витья гнѣздъ нѣкоторыми птицами. Глава современныхъ натуралистовъ (естествоиспытателей), Дарвинъ полагаетъ, что инстинктъ произошелъ изъ постепеннаго накопленія однихъ и тѣхъ же *сознательныхъ* дѣйствій: если животному часто приходится встрѣчаться съ какимъ-либо случаемъ и каждый разъ при этомъ усматривать необходимость того или другого дѣйствія, то это послѣднее мало-по-малу превращается, наконецъ, во что-то машинальное, безсознательное, инстинктивное. По этому ученію, чѣмъ разнообразнѣе жизнь животнаго, тѣмъ менѣе для него возможны вполнѣ сходственныя между собой повторенія тѣхъ или другихъ дѣйствій и тѣмъ, по необходимости, совершенная одинаковость ихъ должна быть рѣже. Отсюда также слѣдуетъ, что чѣмъ проще организація (устройство) животнаго, чѣмъ меньше оно приспособлено природой къ разнообразнымъ отправленіямъ, тѣмъ значительнѣе въ немъ должно быть преобладаніе инстинкта надъ умомъ и наоборотъ. Дѣйствительность вполнѣ подтверждаетъ эти выводы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны признать, что *все, одаренное жизнію, способно къ улучшенію и развитію.*

Инкрустація—различныя фигуры и узоры изъ перламутра, металловъ и др. матеріаловъ, врѣзываемые подъ-лицо въ видѣ украшенія въ деревянныя издѣлія (мебель, столовыя и туалетныя принадлежности, шкатулки и пр.).

Инструменты—орудія и приборы, служащіе пособіемъ въ искусствахъ, ремеслахъ, рукодѣліяхъ, при научныхъ изслѣдованіяхъ и пр. Такимъ образомъ бываютъ инструменты музыкальные, столярные, слесарные, токарные, кузнечные и пр.

Караибы—индѣйскій народъ, жившій во времена Колумба на Антильскихъ островахъ и въ Южной Америкѣ къ сѣверу отъ Амазонской рѣки. Теперь они встрѣчаются въ значительномъ числѣ только въ Гвіанѣ.

Карта—листъ съ нанесеннымъ на немъ изображеніемъ какой-либо мѣстности, моря, неба или извѣстнымъ образомъ подобранныхъ предметовъ; такъ, напр., бываютъ карты географическія, морскія, астрономическія, ботаническія (растенія), зоологическія (животныя) и проч.

Каюта—меблированная комната (съ окнами) на кораблѣ, назначаемая для капитана, офицеровъ или пассажировъ (ѣдущихъ на кораблѣ).

Климатъ—годовое распредѣленіе погоды въ томъ или другомъ мѣстѣ. Климатъ бываетъ сухой, влажный, жаркій, холод-

ный, умѣренный и пр. Въ приморскихъ странахъ лѣто и зима обыкновенно бываютъ умѣренныя; между тѣмъ какъ въ глубинѣ большихъ материковъ (континентовъ) первое изъ нихъ бываетъ знойное, а послѣдняя—суровая. Отсюда дѣленіе климата на *морской* и *континентальный*.

Колонія—поселеніе, основанное въ какой-либо странѣ выходцами изъ другой страны. Почти всѣ европейскія государства имѣютъ свои колоніи въ различныхъ частяхъ свѣта, а нѣкоторыя (напр. Англія) во всѣхъ частяхъ. Цѣли, съ которыми основываются колоніи, бываютъ по большей части торговыя, промышленныя и земледѣльческія. На нихъ смотрятъ съ одной стороны, какъ на рынки, куда метрополія (такъ называется государство по отношенію къ своимъ колоніямъ) можетъ сбывать свои фабричныя издѣлія, съ другой, какъ на житницы и доходныя статьи, откуда всего выгоднѣе получать и добывать земледѣльческія произведенія и различные матеріалы для переработки. Существуютъ также колоніи для выселенія въ нихъ преступниковъ.

Колонизировать—заселять отдаленныя отъ государства земли.

Колоссальный—громадный.

Команда—1) отдача приказанія громкимъ голосомъ въ военной службѣ; 2) небольшой отрядъ войска; 3) начальствованіе: «подъ командой» значитъ «подъ начальствомъ».

Коммиссія—временное, а иногда и постоянное собраніе лицъ, призванныхъ для обсужденія сообща какихъ-либо серьезныхъ дѣлъ.

Континентъ—то же, что материкъ (см. это слово).

Конфисковать — отбирать въ пользу казны какое-либо имущество.

Король—государь.

Корпусъ корабля—тѣло судна безъ мачтъ, парусовъ и снастей.

Культура—уходъ, воспитаніе. Такъ напр. культурными растеніями и животными называются тѣ изъ нихъ, которыя разводятся человѣкомъ съ той или съ другой цѣлью и которыя вслѣдствіе его ухода испытываютъ на себѣ его вліяніе. По отношенію къ человѣку слово культура употребляется въ смыслѣ *развитія*, передаваемаго отъ одного поколѣнія къ другому.

Ландшафтъ—видъ мѣстности.

Латы—броня изъ желѣза или стали, покрывающая различныя части тѣла вооруженнаго воина, начиная отъ плечъ и груди до ручныхъ кистей и ступней. Защищая отъ сабельныхъ ударовъ, латы служили хорошимъ предохранительнымъ средствомъ на полѣ сраженія. Вотъ почему въ старину, когда еще не было огнестрѣльнаго оружія и бой рѣшался рукопашной свалкой, этотъ родъ вооруженія считался необходимой принадлежностью; но теперь онъ совсѣмъ вышелъ изъ употребленія.

Легенда—преданіе, облеченное въ сказочную форму.

Логика—наука, изслѣдующая основные законы мышленія; тоже употребляется въ смыслѣ здравомыслія и убѣдительности. Когда говорятъ: «онъ разсуждаетъ логично» или «въ его доводахъ много логики», то это значитъ, что «онъ разсуждаетъ здраво, послѣдовательно, убѣдительно».

Материкъ—обширное пространство земли, окруженной водою (моремъ, океаномъ).

Микроскопическій—крохотный, незамѣтный для глазъ—отъ слова *микроскопъ* (приборъ съ увеличительными стеклами, посредствомъ котораго можно разсматривать самые мелкіе предметы).

Міръ—вся природа.

Моментъ—мгновеніе.

Мысъ—выдающаяся въ море часть берега.

Натура—природа; видѣть какую-нибудь вещь *въ натурѣ* значитъ видѣть ее—какъ она есть въ дѣйствительности.

Нація—народъ, составляющій государство и достигшій извѣстной степени обще-человѣческаго развитія.

Національный—народный.

Нептунъ—древне-римскій богъ моря.

Обѣтъ—обѣщаніе.

Океаны—огромныя водныя пространства, омывающія материки. Ихъ пять: Атлантическій, Великій или Тихій, Индѣйскій и два полярныхъ: Сѣверный Ледовитый и Южный Ледовитый.

Орудіе—всякій предметъ, служащій пособіемъ для какого-либо дѣйствія. Такъ напр. соха, плугъ, борона и проч.—земледѣльческія орудія, такъ какъ они служатъ пособіемъ для обработки земли.

Отель—первоклассная гостинница со всевозможными удобствами для путешественниковъ.

Офицеръ—общее названіе военныхъ чиновниковъ.

Палаццо—дворецъ (см. это слово).

Палуба—настилка на кораблѣ, составляющая его полъ: кромѣ

наружной верхней палубы, бываютъ еще и внутреннія, которыми судно раздѣляется на нѣсколько горизонтальныхъ ярусовъ или дековъ. По числу этихъ ярусовъ корабли называются двухдечными, трехдечными и т. д.

Пампасы—обширныя южно-американскія степи, покрытыя травой.

Папа—глава католической церкви, ея первосвященникъ. Прежде папы были также и свѣтскими государями, имѣли свои владѣнія и подданныхъ, для которыхъ издавали законы. Но теперь они уже не пользуются свѣтской властью.

Патронъ—покровитель.

Періодъ—промежутокъ времени, отмѣченнаго какими-либо особыми событіями и явленіями, отъ которыхъ онъ и получаетъ свое названіе. Такъ напр. въ исторіи евреевъ встрѣчается одинъ рядъ лѣтъ, втеченіе которыхъ они управлялись особыми начальниками—судьями, и другой рядъ, когда управленіе находилось въ рукахъ царей. Поэтому первый изъ этихъ періодовъ называется періодомъ судей, а второй—періодомъ царей.

Перспектива—видъ предметовъ, въ какомъ они представляются глазу издали. Такъ напр. круглое кольцо въ перспективѣ можетъ имѣть видъ овала; улица, имѣющая по всей своей длинѣ одинаковую ширину—кажется постепенно съуживающеюся вдаль и проч. Въ переносномъ смыслѣ *перспективой* обозначаются болѣе или менѣе отдаленныя послѣдствія. Такъ напр. иногда говорятъ: «едва-ли онъ можетъ имѣть что-нибудь въ перспективѣ кромѣ сумы».

Пирамида—тѣло, ограниченное треугольными скатами, сходящимися въ одной точкѣ. Эта точка называется *вершиной* пирамиды и лежитъ надъ ея *основаніемъ*—той плоскостью, которую накрываютъ эти скаты или, какъ принято говорить, съ которой они пересѣкаются. Основаніе пирамиды имѣетъ столько сторонъ и угловъ, сколько у нея скатовъ (граней). Самый простой примѣръ пирамиды представляется крыша зданія, одинаковаго по ширинѣ и длинѣ (четыреугольная пирамида).

Плантація—болѣе или менѣе обширное пространство земли, на которой воздѣлываются какія-либо сельско-хозяйственныя растенія; такъ напр. у насъ на югѣ называются плантаціями табачныя поля; въ Америкѣ—рисовыя, хлопчатобумажныя, сахарныя (сах. тростникъ); въ Китаѣ—чайныя и т. д.

Полюсы.—Земной шаръ вертится вокругъ самого себя, какъ колесо на оси, или какъ волчекъ. У волчка есть двѣ точки—одна вверху, другая внизу (если онъ вертится прямо отвѣсно), которыя совсѣмъ не участвуютъ во вращеніи; у земли также. Вотъ эти то двѣ точки и называются земными полюсами.

Портъ—приморскій городъ съ гаванью (см. гавань).

Поэтическій—чарующій, переносящій насъ изъ дѣйствительности въ міръ созерцаемыхъ явленій или описываемыхъ событій.

Престолъ св. Петра—Римскіе папы называютъ себя намѣстниками апостола Петра, бывшаго, по преданію, первымъ епископомъ въ Римѣ. Отсюда и самый папскій престолъ чествуется именемъ престола св. Петра.

Принцъ—то же, что у насъ великій князь—лицо мужского пола, принадлежащее къ царской фамиліи (роду, дому). Кронъ-принцъ—наслѣдникъ престола въ германскихъ государствахъ.

Провіантъ—съѣстные припасы.

Провизія—съѣстные припасы.

Протекція—покровительство болѣе или менѣе сильнаго лица.

Проектъ—предначертаніе, предложеніе объ устройствѣ или измѣненіи чего либо; задуманное, но еще не приведенное въ исполненіе предпріятіе.

Пунктъ—какое либо опредѣленное мѣсто.

Пурпуръ—краска красно-фіолетоваго цвѣта.

Пушка—военное орудіе, перевозимое на лошадяхъ и служащее для стрѣльбы въ непріятеля съ дальнихъ разстояній. Нынѣшнія полевыя пушки (слѣдующія за войсками) стрѣляютъ на 5 верстъ, а тяжелыя (крѣпостныя) даже на 10 верстъ.

Раса—племя. Родъ человѣческій принято дѣлить на 5 племенъ или расъ: 1) *бѣлое* (розовато-бѣлый цвѣтъ кожи, продолговатое лицо, выдающійся носъ, густые мягкіе волосы; живетъ преимущественно въ Европѣ); *желтое* (оливково-желтый цвѣтъ кожи, шаровидная голова, широкое лицо съ приплюснутымъ носомъ и выдавшимися скулами, узкіе расходящіеся глаза, рѣдкіе и жесткіе волосы,—живетъ въ Азіи); *черное* (низкій лобъ, сильно выдавшіяся впередъ челюсти, толстыя губы, выкатившіеся глаза, длинныя руки—живетъ въ Африкѣ); *малайское* (темная кожа, малая голова, короткій носъ, широкій ротъ—живетъ въ

Австраліи); *краснокожее* (покатый лобъ, длинный носъ, провалившіеся глаза, безъ бороды. Было распространено въ Америкѣ, но теперь почти совсѣмъ вымерло).

Резиденція—городъ, служащій временнымъ мѣстопребываніемъ государя.

Результатъ—слѣдствіе, итогъ.

Рудники—земляныя копи, откуда добываютъ руду; рудой же называются такія каменныя породы (минералы), изъ которыхъ можно выплавлять металлы. Поэтому и самыя руды называются серебряными, мѣдными, свинцовыми и т. д.

Рыцарь—средневѣковый конный воинъ благороднаго происхожденія. Посвященіе въ рыцари сопровождалось особыми церемоніями и требовало со стороны посвящаемыхъ, кромѣ обладанія высокими духовными качествами (мужествомъ, честностью, великодушіемъ, готовностью защищать слабыхъ и пр.) или постояннаго стремленія къ нимъ, еще особаго уваженія къ женщинѣ, которое доходило по временамъ до поклоненія.

Саванны—обширныя сѣверо-американскія равнины, поросшія высокой травой.

Сапфиръ—драгоцѣнный камень небесно-голубого цвѣта.

Сервировка—уборка стола посудой и различными принадлежностями для чая, обѣда или ужина.

Сервированный—уставленный различной посудой и принадлежностями для трапезы.

Сигналъ—какой либо условный знакъ для приведенія въ исполненіе тѣхъ или другихъ дѣйствій, приказаній и распоряженій.

Симпатія—безотчетное расположеніе къ кому-нибудь. *Симпатичный* человѣкъ—человѣкъ, съ перваго слова, съ перваго взгляда на него располагающій къ себѣ.

Синклитъ—ученое собраніе.

Снасти—всѣ веревки, служащія для снаряженія морского или рѣчного судна.

Средніе вѣка—такъ называется время отъ 476 г. (паденіе Западной Рим. имперіи) до 1517 г. (начало реформаціи).

Столица—городъ, служащій постояннымъ мѣстопребываніемъ государя и высшихъ правительственныхъ учрежденій. Такъ, столица Россіи—Петербургъ, столица Пруссіи—Берлинъ, столица Англіи—Лондонъ и т. д. Самая населенная изъ всѣхъ столицъ на земномъ шарѣ—Лондонъ (4 милл. жителей): онъ въ четыре раза многолюднѣе Петербурга (900 тысячъ).

Субсидія—денежное пособіе.

Супруги—мужъ (супругъ) и жена (супруга); отецъ и мать въ отношеніи другъ къ другу.

Сѣверъ—см. востокъ.

Сѣверо-западъ—см. востокъ.

Сѣверо-востокъ—см. востокъ.

Татуированіе—разрисовываніе тѣла различными фигурами, встрѣчаемое у дикихъ народовъ.

Театръ—кромѣ обыкновеннаго значенія, извѣстнаго читателю (зданіе, въ которомъ даются представленія; также самыя представленія), это слово употребляется еще въ смыслѣ *мѣста*. «На театрѣ войны» значитъ тамъ, гдѣ ведется война, гдѣ происходятъ «военныя дѣйствія».

Тиранъ—жестокій деспотъ (см. деспотъ).

Тріумфъ—побѣдное торжество.

Тронъ—стоящее на возвышеніи подъ балдахиномъ богато убранное кресло, на которое садится государь съ государыней въ особыхъ высоко-торжественныхъ случаяхъ.

Тронное зало—дворцовое зало, въ которомъ стоитъ тронъ, назначенное для торжественныхъ пріемовъ.

Тропики—два круга, мысленно проведенные на поверхности земного шара, параллельно экватору по ту и другую сторону, и отстоящіе отъ него каждый на $33^1/_2$ градуса.

Тропическій климатъ—жаркій климатъ, свойственный мѣстамъ земного шара, находящимся между тропиками.

Трофеи—отнятыя у непріятеля пушки, знамена и другія военныя принадлежности, служащія знаками одержанной побѣды.

Ураганъ—необыкновенно порывистый вѣтеръ, дующій со скоростью отъ 100 до 150 футовъ въ секунду и производящій страшныя опустошенія. Онъ въ одно и то же время крутится, какъ вихрь, и несется впередъ. Первое изъ этихъ движеній совершается быстрѣе, чѣмъ послѣднее, но, постепенно расширяясь, оно вмѣстѣ съ тѣмъ мало по малу ослабѣваетъ и, наконецъ, прекращается совсѣмъ, вслѣдствіе чего исчезаетъ и самый ураганъ. Какъ велика сила урагана, всего лучше можно видѣть изъ того, что вихреобразное движеніе иногда охватываетъ 1000-верстное пространство: это значитъ, что поперечникъ крутящагося столба воздуха,

не превышающій сначала 200 верстъ, доходитъ по временамъ до 1000 верстъ.

Устье рѣки—тотъ ея конецъ, которымъ она впадаетъ (вливается) въ море.

Фантазія—созданіе воображенія, не существующее въ дѣйствительности.

Фантастическія формы—причудливыя сказочныя формы, создаваемыя воображеніемъ.

Фактъ—дѣйствительно совершившееся событіе, не подлежащее оспариванію.

Фарфоръ—бѣлая мягкая глина (каолинъ), имѣющая свойство сплавляться съ нѣкоторыми веществами. Лучшимъ фарфоромъ считается Китайскій, Саксонскій и Севрскій (Франція).

Фауна—всѣ животныя, встрѣчающіяся въ какой либо опредѣленной мѣстности.

Философъ—такъ въ древности называли знаменитыхъ греческихъ и римскихъ ученыхъ. Теперь же философами называютъ мыслителей, стремящихся установить тѣсную и стройную связь между всѣми человѣческими знаніями.

Флагъ—судовое знамя, состоящее изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ полотна опредѣленной формы. Онъ поднимается на вершину главной мачты. Каждое государство имѣетъ свой особый флагъ, называемый *національнымъ* (см. это слово). Русскій военный флагъ состоитъ изъ синяго андреевскаго креста (имѣетъ видъ знака умноженія) на бѣломъ полѣ, а торговый—изъ трехъ идущихъ вдоль полосъ—бѣлой, красной и синей.

Флора—весь растительный міръ какой либо опредѣленной мѣстности, напр. «флора Петербургской губерніи» значитъ «совокупность всѣхъ растеній, встрѣчающихся въ Петербургской губерніи».

Флотъ—морская сила государства, всѣ принадлежащія ему суда; вообще—болѣе или менѣе значительное собраніе судовъ. Флотъ можетъ быть: *военный*—состоящій изъ судовъ, приспособленныхъ къ бою, и *торговый*—для перевозки товаровъ. По средствамъ передвиженія тотъ и другой изъ нихъ дѣлится на *гребной*, *парусный* и *паровой*.

Флотилія—небольшой флотъ.

Фортуна—богиня счастія. Ее представляютъ съ повязкой на глазахъ, ѣдущей на колесѣ и разсыпающей щедрою рукою свои дары изъ рога изобилія.

Ханъ—общее названіе (титулъ) владыкъ у татарскихъ народовъ.

Хрусталь—особый родъ стекла, въ составъ котораго входитъ небольшое количество свинца. Отличается своей легкоплавкостью и радужной игрой цвѣтовъ.

Церемоніалъ—заранѣе опредѣленный и въ точности исполняемый порядокъ какого либо торжества, если въ этомъ торжествѣ участвуютъ духовенство и высшіе государственные сановники. При дворѣ каждый выходъ государя сопровождается особымъ церемоніаломъ.

Цивилизація—общественное развитіе.

Цивилизовать—развивать, просвѣщать, дѣлать человѣка достойнымъ этого названія.

Челнокъ—небольшая узкая лодка, грубо выдолбленная изъ дерева.

Экспедиція—отправленіе отряда войскъ въ какое либо мѣсто для военныхъ дѣйствій; *ученой экспедиціей* называется поѣздка нѣсколькихъ ученыхъ для какихъ либо научныхъ изслѣдованій.

Эмблема—изображеніе какого либо предмета въ видѣ олицетворенія цѣлаго ряда тѣхъ или другихъ дѣйствій (напр. плугъ—эмблема земледѣлія), или отвлеченныхъ понятій (напр. сова—эмблема мудрости, черепъ и двѣ кости подъ нимъ—эмблема смерти и т. д.).

Эмигрантъ—выселившійся изъ отечества въ какую либо другую страну. Выселеніе это происходитъ главнымъ образомъ или подъ гнетомъ бѣдности, или вслѣдствіе преслѣдованій правительства (политическіе эмигранты). Всего болѣе выселяются изъ своего отечества ирландцы, потомъ китайцы, затѣмъ нѣмцы и французы. Охотнѣе всего они направляются въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки.

Эмигрировать—выселяться изъ отечества въ какую либо другую страну (см. *эмигрантъ*).

Энергія—неутомимая настойчивость, неуклонное стремленіе къ заданной себѣ цѣли, несмотря ни на какія препятствія.

Энергическій—надѣленный энергіей, обнаруживающій энергію.

Эпоха—важное событіе, оказывающее вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій.

Этикетъ—нелѣпыя церемоніи, освященныя временемъ.

Ювелиръ—мастеръ, приготовляющій мелкія золотыя и серебряныя вещи—преимущественно дамскія принадлежности

(серьги, кольца, перстни, браслеты, брошки и пр.), украшенныя драгоцѣнными камнями.

Югъ—см. востокъ.

Юго-западъ—см. востокъ.

Юго-востокъ—см. востокъ.

Юнга—корабельный мальчикъ, пріучающійся къ морской службѣ матроса.

Якорь—тяжелый желѣзный снарядъ, состоящій изъ стержня съ кольцомъ для каната на одномъ концѣ и двумя или четырьмя заостренными лапами на другомъ, для врѣзыванія въ морское или рѣчное дно. Служитъ для остановки судовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	5
I. Древніе мореплаватели	7
II. Путешественники среднихъ вѣковъ	14
III. Мысъ Доброй Надежды	20
IV. Христоферъ Колумбъ въ Испаніи	27
V. Открытіе Новаго Свѣта	35
VI. Лукайскіе острова	44
VII. Испаньола	50
VIII. Кацики	55
IX. Возвращеніе въ Европу	62
X. Торжество Колумба	71
XI. Колумбъ въ оковахъ	77
XII. Америко-Веспучи	85
XIII. Великій Океанъ	94
XIV. Варфоломей Ласказасъ	99
XV. Фердинандъ Кортецъ въ Мексикѣ	105
XVI. Корабли Кортеца	110
XVII. Осада Мексико	119
XVIII. Казнь Гватимозена	127
XIX. Путешествіе Магеллана	134
XX. Франсуа Пизарръ и Альмагро	140
XXI. Инки	147
XXII. Выкупъ Атагвальпы	155
XXIII. Смерть Пизарра	160
XXIV. Потозскіе рудники	166
XXV. Новая Англія	173
XXVI. Флора и фауна Америки	178
Краткій словотолкователь	185